

1 $\frac{06 - 11}{31}$

Р.Р. Ибрагимов

**Власть и религия
в Татарстане
в 1940-1980-е гг.**

1 $\frac{06 - 11}{31}$

Р.Р. ИБРАГИМОВ

**ВЛАСТЬ И РЕЛИГИЯ
В ТАТАРСТАНЕ
В 1940-1980-е гг.**

Казань
Казанский государственный университет
2005

95-2

УДК 322(470.41)"1940/1980"
ББК 86.2(2РосТат)
И15

Издание осуществлено по решению межотраслевого экспертного совета
при финансовой поддержке бюджета РТ
(грант № 01-1.9-386 / 2005 (Ф))

Научный редактор: кандидат исторических наук *А.И. Ногманов*

Рецензенты: доктор политических наук, профессор *Р.М. Мухаметшин*
кандидат исторических наук *Л.М. Айнутдинова*

Ибрагимов Р.Р.

И15 Власть и религия в Татарстане в 1940-1980-е гг.
/ Р.Р.Ибрагимов. – Казань: Казанский государственный
университет им. В.И.Ульянова-Ленина, 2005. – 182 с.

ISBN 5-98180-225-1

Монография посвящена взаимоотношениям властных структур и религиозных объединений Татарстана в период с начала Великой Отечественной войны до последних лет существования Советского государства. В книге рассмотрены организационно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений, положение религиозных организаций республики к началу 1940-х гг. Автор выявляет общее и особенное в отношениях между властью и религиозными объединениями Татарстана на определенных этапах истории Советского государства: в военные и первые послевоенные годы, в период завершения сталинского правления и хрущёвской «оттепели», в годы стагнации советского общества и демократических процессов во второй половине 1980-х годов.

Книга предназначена для специалистов-историков, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также всех, кто интересуется историей государственно-конфессиональных отношений.

УДК 322(470.41)"1940/1980"
ББК 86.2(2РосТат)

ISBN 5-98180-225-1

© Ибрагимов Р.Р., 2005

Введение

Религия и её институты играют значительную роль в духовной и социально-политической жизни общества. При этом возможности реализации конфессиями своего потенциала в различных сферах жизни в рамках какого-либо государства во многом определяются условиями их существования, т.е. общеполитической ситуацией, взглядами правящей элиты на религиозный вопрос, что в итоге выражается в религиозной политике государства.

Поиск, выработка и построение оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений являлись насущной проблемой в ходе всей многовековой истории нашей страны. Не потеряла актуальности эта проблема и сегодня. Распад Советского Союза и последовавшее за этим разрушение системы взаимоотношений государства с различными институтами общества, переосмысление роли последних с учётом процесса демократизации обусловили формирование принципиально новой модели государственно-конфессиональных отношений. В соответствии с нею, социально-политическая жизнь России последних 16-17 лет характеризуется значительным усилением роли религиозных объединений. За это время они раскрыли свой потенциал, который был невостребован в течение более чем семидесяти лет советского правления. Конфессиональные институты активно внедрились в такие сферы деятельности, как благотворительность, образование и воспитание подрастающего поколения. В последнее время нередки факты присутствия священнослужителей в армии, в том числе в «горячих точках», и это вполне объяснимо, так как в условиях постоянного эмоционального и психологического напряжения духовная поддержка просто необходима. В условиях качественного изменения духовно-нравственных ценностей именно религия может стать основой для морально-нравственного возрождения всего общества и в этом отношении её значимость огромна.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что новая модель государственно-конфессиональных отношений ещё далека от идеала. При этом часть её негативных проявлений в некоторой степени обусловлена атеистическим прошлым, когда позиция государства по религиозному вопросу была однобокой и нередко жестокой. Данные проявления касаются как сугубо религиозной сферы, так и государственно-конфессиональных отношений. Обозначим наиболее яркие из них: низкий уровень религиозных знаний у значительной части верующих и священнослужителей; непростое экономическое положение большинства приходов и духовенства на местах; определение оптимальных

границ контроля государством религиозной сферы и наоборот, участия конфессиональных организаций в социально-политической жизни общества и т. д.

Неоднозначность сложившейся ситуации делает актуальными на современном этапе вопросы, касающиеся качественного улучшения принципов и механизмов взаимодействия религиозных институтов общества с государственными структурами. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», во многом восстановивший государственный контроль над религиозной жизнью, а также некоторые его коррективы в рамках статей Закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» – прямое тому свидетельство. Иными словами, совершенствование нового государственного законодательства в отношении религиозных объединений, форм и методов реализации религиозной политики продолжает быть весьма актуальной проблемой. Не нуждается в доказательстве и то, что при выработке новых решений необходимо учитывать и богатый опыт прошлого.

В этой связи значительный интерес представляет эпоха 1940-1980-х гг. При кажущемся на первый взгляд однообразии политики в области религии в этот период, изучение таких её составляющих, как механизмы, формы и методы реализации на региональном уровне – не лишено научного и практического интереса. В 1940-1980-е гг. государственные и партийные органы, придерживаясь генеральной линии на подавление любой формы инакомыслия, в том числе и религиозной, на определённых этапах варьировали степень своей нетерпимости и лояльности к религии. Всестороннее и глубокое изучение специфики государственно-конфессиональных отношений в указанный период в таком поликонфессиональном регионе, как Татарстан, может способствовать выявлению ещё неизвестных фактов и событий, определённых тенденций в действиях властей в отношении религиозных объединений, особенностей в функционировании последних. Результаты исследования могут помочь осуществить правильную оценку некоторых проблем в области государственно-конфессиональных отношений на современном этапе.

Территориальные рамки работы ограничены пределами Татарской АССР, где наряду с основополагающими элементами политики в отношении религии, присутствовала региональная специфика.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1940-х до конца 1980-х гг. Выбор нижней границы работы обусловлен корректировкой политики государства в области религии в сторону либерализации в условиях Великой Отечественной войны. Верхняя –

отмечена коренными переменами во взаимоотношениях властных структур и религиозных институтов, произошедшими в русле общедемократических процессов в стране после 1985 года.

Объектом исследования настоящей монографии являются отношения между Советским государством и конфессиями. Предметом исследования – взаимоотношения партийных, государственных, советских органов власти различных уровней и религиозных объединений, действовавших в Татарской АССР.

В отечественной историографии вопросу государственно-конфессиональных отношений всегда отводилось пристальное внимание. Работы, посвящённые данной проблеме, можно подразделить на две группы: 1) исследования, изданные в советский период; 2) работы, вышедшие в постсоветское время.

Первые из них не избежали идеологических догм и стереотипов, что не могло не сказаться на их научной значимости. Поскольку события и факты, отражающие взаимоотношения государства и конфессий, рассматривались исключительно с точки зрения господствовавшего материалистического мировоззрения, при освещении проблемы десятилетиями доминировал «однобокий» подход. Соответственно, данные отношения рассматривались как непримиримая борьба всего нового и прогрессивного со старым и давно изжившим себя.

В представленной монографии историографический обзор проблемы начинается с работ, изданных в 1950-е гг. Вызвано это тем, что в предыдущее десятилетие по нижеуказанной причине, исследования по данной тематике практически не издавались, а публикации 1920-1930-х гг. хронологически не могли быть посвящены изучаемому нами периоду.

После работ, вышедших в период «ударного» антирелигиозного десятилетия 1930-х гг.¹, в историографии проблемы наступает затишье, обусловленное относительно либеральными тенденциями в государственно-конфессиональных отношениях в годы войны и первых послевоенных лет. Критика религии вновь становится предметом внимания учёных в 1950-1960-е гг. Во многом это было связано с ужесточением политики государства в данной области. При этом существенно меняется подход в борьбе с религией. Если работы 1920-1930-х гг. носили ярко выраженный пропагандистский характер, а их авторы использо-

¹ Элиашевич И.Я. Строительство социализма и отмирание религии в СССР. – М.-Л., 1931; Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. – М.-Л., 1932; Уханов А.С. Социалистическое наступление и религия. – Казань, 1932; Олещук Ф. 10 лет Союза воинствующих безбожников СССР. – М., 1936; Коган Ю., Мегружан Ф.О. О «небесных спасителях». – М., 1938; Олещук Ф.Н. Борьба церкви против народа. – М., 1939.

вали декларативные заявления, возведённые в ранг аксиомы, то в 1950-1960-х гг. пропаганда атеизма и «развенчивание» религиозного мировоззрения и обрядности осуществлялись с научных позиций². В русле данной тенденции, в пропагандистской литературе распространяется такой жанр, как рассказы бывших верующих и священнослужителей о причинах, побудивших их отречься от бога и сана³.

В Татарской АССР в эти годы в серии «Библиотечка атеиста» вышел ряд агитационно-пропагандистских брошюр атеистической направленности, изложенных в популярном стиле и рассчитанных на широкий круг читателей⁴.

В 1970-е гг., в период относительно ровных государственно-конфессиональных отношений, появляются работы, в которых существенно возрастает уровень научности. В эти годы осуществляются исследования, посвящённые социологии религии⁵. В данной области учёными Татарстана были проведены серьёзные исследования по выясне-

² Колоницкий П.Ф. Мораль коммунистическая и мораль религиозная. – М., 1952; Как проводить беседы о вреде религиозных праздников. – Казань, 1954; Зильберберг Л.Я. Использование кино в научно-атеистической пропаганде. – М., 1956; Ахмеров З.С. Антирелигиозное воспитание учащихся в восьмилетней школе (на опыте школ Татарской АССР): Автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – М., 1960; Ахмеров З.С. Воспитывать атеистов. Из опыта работы школ Татарской АССР. – М., 1962; Балтанов Р.Г. Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 1963; Балтанов Р.Г. Реакционная сущность Корана. – Казань, 1962; Шишкин А.А., Шофман А.С. Под натиском жизни. (Как под натиском жизни «модернизируется» религия). – Казань, 1965.

³ Дулуман Е.К. Почему я перестал верить в бога. Рассказ бывшего кандидата богословия. – М., 1957; Верующий, прочти эту книгу. Письма людей, порвавших с религией. – Ставрополь, 1959; Остапенко В.Г. Почему я порвал с религией. Рассказ бывшего воспитанника Ставропольской духовной семинарии. – Ставрополь, 1959; Беляев К.В. Под сенью храма. Записки бывшего священника. – Симферополь, 1960; Кузин П.М. Почему я снял сан священника. – Л., 1960; Дарманский П.Ф. Побег из тьмы. Рассказ бывшего кандидата богословия. – М., 1961; Багмут Р.А. Не хочу обманывать. Записки бывшего священника. – Одесса, 1962; Гаврик М.Д. Хочу поведать людям. – Краснодар, 1965; Возвращение к жизни. Сборник статей. – Владивосток, 1965.

⁴ Ишмухаметов З.А. Ислам и его идеология. – Казань, 1959; Клячин Г. Сектанство и его сущность. – Казань, 1959; Туишев Ю.А. Атеистическое воспитание учащихся в школе. – Казань, 1959; Устюжанин Е. Христианские праздники и обряды. – Казань, 1959; Шалин М. Об отношении Коммунистической партии и Советского государства к религии и церкви. – Казань, 1959; Шишкин А., Шофман А. Происхождение и сущность христианства. – Казань, 1959.

⁵ Яблоков И.Н. Методологические проблемы социологии религии. – М., 1972; Пивоваров В.Г. На этапах социологического исследования. (Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии). – Грозный, 1974; Филимонов Е.Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы// Вопросы научного атеизма. – 1974. – Вып.16; Кобецкий В.Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. – Л., 1978.

нию степени религиозности населения. В частности, в работах Р.Г.Балтанова и Р.Б.Тагирова был собран и проанализирован значительный фактический материал, проведены социологические исследования по установлению уровня религиозности различных социально-демографических групп населения в масштабах всей страны, предприняты попытки трактовки причин и характера религиозности в условиях социалистической действительности⁶. Другой сферой интересов исследователей стала история атеизма в республике, основные этапы формирования атеистического мировоззрения⁷. Работы по этому направлению были актуальны для властей как основа для дальнейшего поиска новых путей и методов распространения атеистического мировоззрения и воспитания.

В 1970-1980-е гг. активизируется издание работ по пропаганде и разъяснению советского законодательства о культах. При этом внимание читателей акцентировалось на положениях, декларировавших принцип свободы совести. Среди таковых можно назвать работы В.А.Куроедова, Г.Р.Гольст, Л.П.Жилич и С.В.Костаровой⁸.

На рубеже 1970-1980-х гг. в связи с усилением влияния исламского фактора в решении международных проблем, возникла необходимость в более активном и глубоком изучении научно-теоретической основы данной проблемы. В этот период выходят коллективные монографии и работы отдельных авторов, посвящённые политической роли ислама в странах Азии и Востока⁹.

Вышедшие в этот период исследования, посвящённые положению ислама в СССР, решали задачу обобщения опыта борьбы с влиянием ислама в регионах его традиционного распространения¹⁰. В рамках этой задачи рассматривались и анализировались формы религиозности среди мусульманского населения. При этом исследователи использова-

⁶ Балтанов Р.Г. Основные проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР: Дис. ... докт. филос. наук. – Казань, 1974; Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). – Казань, 1973; Тагиров Р.Б. Критерии религиозности и типология современного верующего (на примере ислама): Дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 1972.

⁷ Калаганов А., Светлов П., Сайфутдинов Ш. На пути к атеизму. – Казань, 1967.

⁸ Куроедов В.А. Религия и закон. – М., 1970; Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. – М., 1982; Гольст Г.Р. Религия и закон. – М., 1975; Жилич Л.П., Костарова С.В. Закон и религия. – Омск, 1985.

⁹ Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. – М., 1982; Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. – М., 1984; Ислам в современной политике стран Востока (конец 70 – начало 80-х годов XX в.). – М., 1986.

¹⁰ Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока/ Под ред. Э.Г.Филимонова. – М., 1983. – 174 с.

ли данные социологических исследований, проведённых в различных регионах Советского Союза, в том и числе и в Татарстане¹¹.

В Татарской АССР в эти годы публикуются работы З.А.Ишмухаметова, Л.И.Шайдуллиной, Р.А.Набиева и других исследователей¹². Они несут в себе неизбежный для той эпохи идеологический отпечаток. Однако представляют значительный научный интерес с точки зрения фактического материала, проведённого анализа фактов и событий.

Вышесказанное в полной мере относится и к диссертационным исследованиям Н.А.Мустафина и З.З.Алимова¹³. Из всех работ, вышедших в советский период по данной проблематике, диссертации именно этих авторов по предмету исследования, а также хронологическим и территориальным рамкам в наибольшей степени перекликаются с настоящей монографией. Основным отличием данной книги от работ вышеуказанных авторов является принципиально иной подход, применяемый при анализе предмета исследования.

Постсоветский период историографии данной проблемы характеризуется отходом исследователей от идеологических штампов прежних лет и односторонних схем в трактовке и анализе государственно-конфессиональных отношений. Новым явлением стало открытие доступа к ранее засекреченным архивным материалам.

С начала 1990-х гг. проблема государственно-церковных отношений активно разрабатывается в работах М.И.Одинцова¹⁴. В монографиях и публикациях этого автора дан глубокий анализ различных аспектов и этапов взаимоотношений власти и церкви, особо акцентируется

¹¹ Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока/ Под ред. Э.Г.Филимонова. – М., 1983. – С. 67.

¹² Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии: (Исторические очерки). – Казань, 1979; Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность. – М., 1978; Набиев Р.А. У истоков массового атеизма: (Из опыта атеистической работы партийных организаций Татарии в период строительства социализма 1917 – 1937 гг.). – Казань, 1984.

¹³ Мустафин Н.А. Деятельность Татарской партийной организации по атеистическому воспитанию трудящихся в период строительства коммунизма (1959-1965 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1968; Алимов З.З. Деятельность Татарской областной партийной организации по атеистическому воспитанию трудящихся (1965-1985 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1985.

¹⁴ Одинцов М.И. О встрече И.В.Сталина с руководителями Русской православной церкви 4 сентября 1943 г.// Атеистические чтения. – 1990. – №19; Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. – М., 1994; Одинцов М.И. Докладная записка председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В.Сталину. 1943-1946 гг.// Исторический архив. – 1994. – №3; Одинцов М.И. Религиозные организации в годы Великой Отечественной войны (1943-1945 гг.)// Отечественные архивы. – 1995. – №2.

внимание на положении религиозных организаций и объединений. Его перу принадлежит серия публикаций, посвященных истории создания СДРПЦ при СНК СССР, в связи с чем в научный оборот были введены новые документы, отражающие либеральные процессы в политике государства в области религии в 1940-х гг.

С середины 1990-х гг. проблемой взаимоотношения государственных и конфессиональных структур плодотворно занимается кафедра религиоведения Российской академии государственной службы при президенте РФ. Среди её сотрудников известные специалисты в своей области: О.Ю.Васильева, А.А.Нуруллаев, Т.А.Кудрина, Л.А.Баширов и другие. В 1996 году силами этого коллектива была подготовлена монография, где подверглись анализу различные стороны взаимоотношений государственных структур с конфессиями на современном этапе¹⁵. Авторы монографии акцентируют внимание на таких аспектах проблемы государственно-церковных отношений, как правовая база современной политики РФ в области религии, роль религиозно-политических партий в условиях современной политической системы России. В одном из разделов исследователи излагают основные этапы государственно-церковных отношений в России с момента принятия христианства и до начала 1990-х гг. Относительно советского периода, авторы отмечают, что «в течение более чем семи десятилетий у государства не было какой-то постоянной линии в решении религиозного вопроса, так же, как и не было единой линии поведения и у тех лиц, что возглавляли в разное время государственные органы, занимавшиеся этой проблематикой»¹⁶.

Вышеупомянутый авторский коллектив разработал и справочник по данной проблеме, содержащий сведения о конфессиях, действующих на территории РФ¹⁷. По каждой из них представлены краткие сведения по догматике, обрядовой практике, а также история их существования в России. Значительное внимание уделено анализу конституционно-правовых актов, отражающих современную политику российского государства в области религии.

История функционирования Русской православной церкви в советский период получила новое освещение в работе Д.В.Поспеловского¹⁸. Основное внимание в его монографии уделено

¹⁵ Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и настоящего) / Ф.Г.Овсиенко, М.И.Одинцов, Н.А.Трофимчук и др. – М., 1996.

¹⁶ Там же. – С.55.

¹⁷ Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России. Справ./ Под ред. Ю.П.Зуева. – М., 1996.

¹⁸ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.

анализу многочисленных фактов и событий, происходивших внутри Русской православной церкви с 1917 по 1990-е гг. Этот материал автор увязывает с общеполитическими и социальными процессами, протекавшими в стране, уделяя, в частности, внимание освещению причин корректировок политики государства в области религии, а также изучению некоторых аспектов взаимоотношений государственных и церковных структур.

В 1999 г. вышла в свет монография М.В.Шкаровского, посвящённая истории государственно-церковных отношений с конца 1930-х – до середины 1960-х гг.¹⁹ В ней автор выявил и осуществил сравнительно-сопоставительный анализ основных тенденций в жизни Русской православной церкви в годы правления двух советских лидеров.

Проблемам существования ислама в России на различных этапах её истории посвящены работы известных российских исследователей Р.Г.Ланда и А.В.Малашенко²⁰. В их работах освещаются особенности функционирования ислама в различных регионах постсоветского пространства. Авторы уделяют значительное внимание анализу характерных черт взаимоотношений местных органов власти с мусульманскими общинами и группами.

Проблема государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений интересует исследователей и во взаимосвязи с национальным вопросом. Примером этому служит коллективная монография, вышедшая в 1998 году под эгидой Института этнологии и антропологии РАН²¹. Данное издание представляет собой этносоциологическое исследование российского общества конца 1980-х–1997 гг. В качестве одной из составных частей проблемы определения этнических границ авторы проекта рассматривают религиозный фактор. Основной причиной трансформации в конце 1980-х гг. почти атеистического общества в общество с достаточно высоким уровнем религиозности, исследователи считают смену государственной идеологии, в результате чего сработал «эффект отпущенной пружины», обусловивший достаточно высокий уровень религиозных проявлений населением страны²².

На региональном уровне эта проблема активно разрабатывается учёными Татарстана. Исследования Р.М.Мухаметшина посвящены

¹⁹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 гг.). – М., 1999.

²⁰ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995; Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М., 1996; Ланда Р.Г. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998.

²¹ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Под ред. Л.М.Дробижевой. – М., 1998.

²² Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Под ред. Л.М. Дробижевой. – М., 1998. – С.236.

комплексному изучению особенностей функционирования ислама в Поволжье²³. В рамках этих изысканий значительное внимание отводится вопросам универсальности ислама и его способности адаптироваться к неблагоприятным условиям гегемонии атеистического мировоззрения.

История и современное состояние государственно-конфессиональных отношений в республике являются объектом пристального научного внимания сотрудников Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Татарстан: Р.А.Набиева, В.П.Козлова, М.Н.Фасиховой, И.П.Корнилова и др.²⁴.

В монографии Р.А.Набиева представлена цельная история существования ислама в Поволжье и Приуралье в условиях различных государственных образований, со времени официального принятия мусульманства булгарами – до современности²⁵.

В исследовании В.П.Козлова показана всеобъемлющая картина религиозной ситуации в Поволжье в первой половине 1990-х гг.²⁶. В данной работе на основе солидной источниковой базы проведён глубокий анализ тенденций в жизни конфессий региона в постсоветский период. Для уяснения преемственности событий автор хронологически затрагивает и часть проблем, относящихся к рубежу 1980-х – 1990-х гг.

Настоящему исследованию по поставленным целям и задачам наиболее близка работа М.Н.Фасиховой²⁷. В ней автору удалось выявить и подвергнуть анализу существенные характеристики государст-

²³ Мухаметшин Р.М. Ислам в общественно-политической жизни татар: возрождение и функционирование религиозных традиций в XX веке: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – Казань, 2000; Мухаметшин Р.М. Что способствует распространению исламских ценностей среди татар// Россия и мусульманский мир. – 1998. – №1; Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). – Казань, 2003.

²⁴ Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002; Козлов В.П. Религиозные объединения республик Среднего Поволжья (первая половина 1990-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999; Фасихова М.Н. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60-80-е гг. XX века). Историко-политический анализ: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002; Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.

²⁵ Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002.

²⁶ Козлов В.П. Религиозные объединения республик Среднего Поволжья (первая половина 1990-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999.

²⁷ Фасихова М.Н. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60-80-е гг. XX века). Историко-политический анализ: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002.

венно-конфессиональных отношений в Татарстане в 1960-1980-е гг. При этом, в соответствии с заявленной целью и решаемыми задачами, автор рассматривает период 1960-1980-х гг. как самостоятельный этап взаимоотношений государства и конфессий. В этой связи, данный период остаётся открытым для изучения с позиций его сравнения и сопоставления с предыдущими этапами послевоенного периода государственно-конфессиональных отношений в регионе.

Исследование И.П.Корнилова посвящено истории формирования и существования протестантских объединений на территории Татарстана²⁸. В работе значительное внимание уделено функционированию вышеуказанных объединений в изучаемый нами период. Автор выявил и проанализировал основные тенденции в развитии протестантских объединений, характер их взаимоотношений с властями на территории республики.

Роли ислама в Татарстане в 1990-х гг. посвящена работа С.Х.Мухаметгалиевой²⁹. В своём исследовании автор делает экскурс во вторую половину 1980-х гг., где показывает исходные характеристики позиций ислама в республике накануне краха советской системы.

В работе Е.Г.Кривоножкиной значительный интерес для нас представляет параграф, посвящённый роли религии в жизни сельчан республики в годы Великой Отечественной войны³⁰. В данной части исследования автор всесторонне изучила религиозную ситуацию в деревнях и сёлах республики в рассматриваемый период.

В основе работ Р.Н.Мусиной, посвящённых изучению роли ислама в современном татарском обществе, лежат комплексные социологические исследования и их анализ³¹. Благодаря результатам её научных изысканий представляется возможным выявление основных тенденций в эволюции религиозности татар в 1990-е гг.

Исследуемая проблема активно разрабатывается исследователями соседних регионов, акцентирующих внимание на местной специфике проблемы³². К примеру, в монографии А.Б.Юнусовой представлена

²⁸ Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.

²⁹ Мухаметгалиева С.Х. Ислам в современном социально-культурном развитии Татарстана: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999.

³⁰ Кривоножкина Е.Г. Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001.

³¹ Мусина Р.Н. Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Ислам в татарском мире: история и современность: Сб. ст. – Казань, 1997.

³² Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999; Браславский Л.Ю. Православные храмы Чувашии. –Чебоксары, 1995; Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. – Чебоксары, 1997.

целостная картина функционирования ислама и его институтов на территории Башкортостана в X-XX веках³³. Значительное внимание автор уделил рассмотрению положения ислама в советскую эпоху. Благодаря привлечению и скрупулезному анализу большого количества источников, в монографии обстоятельно прослежен характер взаимоотношений государства с мусульманскими религиозными объединениями в Башкирии в различные периоды советской истории.

В зарубежной историографии эта тема также нашла своё освещение. Однако её интерпретация в трудах зарубежных авторов, в частности, А.Бенигсена и У.Флетчера, существенно отличалась от точки зрения, преваляровавшей в работах советских исследователей.

В монографии классика западноевропейского исламоведения А.Бенигсена тщательно проанализирован культурно-политический опыт существования ислама в России не только в советский, но и дооктябрьский период³⁴. Автор аргументированно доказывал, что многие аспекты межэтнических и межконфессиональных проблем Российской империи были унаследованы Советским государством, где в условиях господства атеистической идеологии и непродуманной национальной политики они значительно усугубились. Согласно мысли автора антирелигиозная сущность политики в области религии была присуща Советскому государству на всем протяжении его существования, при этом менялась лишь форма её реализации «... от прямолинейно грубой к "научной"»³⁵.

Религиозной жизни в СССР посвящено и фундаментальное исследование известного американского специалиста в области социологии религии У.Флетчера³⁶. В своей монографии, вышедшей в свет в США в 1981 г., он выявляет и подвергает анализу такие параметры, как гендерный и возрастной состав советских верующих, их уровень образования, социальный статус в обществе, общее и особенное в жизни верующих-сельчан и верующих-горожан. Одним из основных вопросов для У.Флетчера является определение численности верующих в СССР. Используя данные исследований советских социологов, он приходит к выводу, что верующие составляют около 45% населения Советского Союза (по сведениям советских исследователей их численность была равна 15-20%)³⁷.

³³ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

³⁴ Бенигсен А. Мусульмане в СССР. – Казань, 1999.

³⁵ Бенигсен А. Мусульмане в СССР. – Казань, 1999. – С.30.

³⁶ Флетчер У. Советские верующие // Мусульмане в СССР. – Казань, 1999.

³⁷ Там же. – С.62.

Значительный научный интерес представляют разработки израильского специалиста Я.Роя³⁸. В своих исследованиях он отмечает ряд особенностей существования ислама в различных регионах СССР, в частности, выделяет характерные черты в работе государственных структур, призванных осуществлять контроль за мусульманскими объединениями, находившимися в европейской части страны, и объединениями, функционировавшими на территории Кавказа и Средней Азии.

В совместной коллективной монографии российские и финские исследователи затронули все основные проявления религиозной жизни в постсоветской России³⁹. В кратком историческом экскурсе об истории государственно-конфессиональных отношений в России в советский период авторы отмечают, что государственно-партийная элита из декларированного в январе 1918 г. Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» реализовывала только то, что считала «идеологически правильным или политически выгодным»⁴⁰. Относительно же интересующих нас хронологических рамок, один из авторов проекта М.Штерин отмечает: «В период стабилизации системы (1938 г. – начало 1980-х гг.) происходило более прагматичное (по сравнению с периодом 1920-1930-х гг. – И.Р.) приспособление религиозной политики к социальным и культурным реалиям советского общества»⁴¹.

Нередко мы имеем возможность ознакомиться с научными разработками отечественных исследователей благодаря зарубежным издательствам. Во многом это объясняется наличием у западной научной общественности устойчивого интереса к данной проблеме. К примеру, в 2002 году в Англии вышла коллективная монография английских и российских авторов⁴². В данной работе анализируются причины усиления роли ислама в социально-политической жизни российского общества в 1990-е гг. Наряду с общими особенностями современной конфессиональной ситуации в стране исследователи рассматривают и уникальный опыт долговременного совместного сосуществования мусульман и православных в отдельных регионах, в частности, на территориях Татарстана и Дагестана.

³⁸ Рой Я. Ислам в Советском Союзе после второй мировой войны // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире: Сб. ст. – М., 1998.

³⁹ Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под. ред. К. Каарияйна и Д.Е. Фурмана. – СПб.; М., 2000.

⁴⁰ Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под. ред. К. Каарияйна и Д.Е. Фурмана. – СПб.; М., 2000. – С.188.

⁴¹ Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под. ред. К. Каарияйна и Д.Е. Фурмана. – СПб.; М., 2000. – С.189.

⁴² Islam in post-Soviet Russia: public and private faces. Edited by Hilary Pilkington and Galina Yemelianova. – London, 2002.

В историографии проблемы нельзя не отметить работы, посвящённые государственно-конфессиональным отношениям периода 1920-1930-х гг.⁴³. Именно тогда были заложены основы и законодательная база политики государства в области религии, во многом определившие её основные векторы на весь период советской истории. Изучение данных работ во многих случаях помогло автору книги в уяснении логики и преемственности событий, происходивших в процессе взаимоотношений государства и конфессий в 1940-1980-е гг.

В целом, историографический обзор показывает, что исследователями сделано много для понимания сущностных явлений и процессов изучаемой проблемы. В то же время немало её аспектов, в особенности на региональном уровне ещё нуждаются в разработке.

При написании работы был использован широкий круг источников, которые в соответствии с их содержанием можно подразделить на пять видов: *законодательные и подзаконные акты* Советского государства в отношении религии; *делопроизводственная документация* органов власти, осуществлявших политику государства в области религии; *статистические сведения*; *социологические исследования*; *периодическая печать*.

Возможность ознакомиться с законодательными и подзаконными актами Советского государства в отношении религии была получена благодаря периодическим изданиям высших органов государственной власти СССР и РСФСР⁴⁴, а также специальным юридическо-правовым сборникам⁴⁵. Основной массив источников, относящихся к делопроизводственной документации, статистическим сведениям, социологическим исследованиям, а также часть законодательных и подзаконных

⁴³ Набиев Р.А. Деятельность КПСС по атеистическому воспитанию трудящихся в 1917-1926 гг. (На материалах Башкирии и Татарии): Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1980; Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения: история, проблемы, уроки. – Казань, 1991; Набиев Р.А. Политика Советского государства по отношению к религии и церкви в 1920-1930-е гг.: Дис. ...докт. ист. наук. – Казань, 1992; Васильева О.Ю. «Не стеснясь никакими средствами». Материалы Комиссии ЦК РКП(б) по вопросам отделения церкви от государства. Октябрь – декабрь 1922 г.// Исторический архив. – 1993. – №2; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927-1943 гг.// Вопросы истории. – 1994. – №4; Одинцов М.И. «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения...» (Свидетельства муфтия Р.Фахретдинова). 1930 г.// Отечественные архивы. – 1994. – №1; Миннуллин И.Р. Политика Советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003.

⁴⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. – М., 1954-1989; Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – М., 1989-1991; Ведомости Верховного Совета РСФСР. – М., 1958-1990.

⁴⁵ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. – М., 1929; Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971.

актов, содержится в фондах Национального архива Республики Татарстан, где автором данной монографии был исследован фонд уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР (НА РТ. Ф. Р-873) и в фондах Центрального архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). В последнем случае, документы по интересующей автора проблеме в основном сосредоточены в фонде Татарского Обкома КПСС (Ф.15), где непосредственное отношение к теме исследования имеют материалы отдела пропаганды и агитации. Кроме того, в исследовании были использованы отдельные дела из фонда Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР, хранящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан, где особый интерес для изучения проблемы представляла опись Комиссии по вопросам культов при ЦИК ТАССР (НА РТ. Ф.Р.-732. Оп.6).

Законодательные акты Советского государства в отношении религии в полной мере представляют позицию партийно-государственной элиты по религиозному вопросу. Для данных документов характерно совмещение декларативных заявлений о соблюдении принципа свободы совести и положений, нарушающих данный принцип. Примечательно, что государственные правовые акты всецело находились в зависимости от партийных установок. В этой связи, есть основания говорить о том, что постановления высшего партийного руководства носили законодательный характер.

Подзаконные акты (постановления, распоряжения, приказы, инструкции по отдельным вопросам) носят директивно-инструктивный характер. В них конкретизировались механизмы и формы реализации политики государства в области религии, поэтому в отличие от законодательных актов они более «откровенны» и детальны в освещении ключевых вопросов государственно-конфессиональных отношений.

Делопроизводственная документация республиканских и местных органов власти, задействованных в реализации политики государства в области религии, составили основу источниковой базы данной монографии.

В структуре этого вида источников можно выделить основные тематические группы. К первой из них относятся информационные отчёты исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся, аппарата уполномоченного СДР по Татарской АССР при СМ СССР, а также отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС – в адрес вышестоящих инстанций.

Изучение данных документов позволило автору книги выявить конкретные факты и события в отношениях властных структур и рели-

гиозных объединений, проследить формы реагирования конфессиональных объединений на действия органов государственной власти и наоборот, ознакомиться с решениями последних в связи с какими либо событиями в религиозной сфере, выявить доминирующие тенденции в религиозной жизни республики на определённых этапах изучаемого периода.

В сравнении с обзорными отчётами уполномоченных СДР при СМ СССР, а также отдела пропаганды и агитации Татарского обкома партии, некоторые отчёты местных органов власти дают более подробную, детальную картину взаимоотношений властей с религиозными объединениями. Анализ этих документов позволяет более полно воссоздать формы и методы реализации политики государства в области религии, применяемые на местах в отношении конкретных религиозных объединений.

Вторая группа объединяет документы методического характера, подготовленные сотрудниками отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС и направленные местным органам исполнительной власти, а также райкомам и горкомам КПСС, для методической помощи при проведении атеистическо-пропагандистской работы. Они содержат в себе перечень мероприятий и подробные рекомендации по их осуществлению, т.е. представляют собой комплексные планы по атеистическому воспитанию граждан. Данные сведения оказали автору существенную помощь при оценке масштабности проводимой государством антирелигиозной работы, а степень радикальности рекомендуемых антирелигиозных мер служила своеобразным барометром при определении доминирующих тенденций в партии и правительстве по отношению к религиозному вопросу.

К следующей группе источников относятся ходатайства верующих о регистрации религиозных объединений в адрес государственных и партийных органов власти различных уровней, а также ответы на них последних. Эти сведения помогают определить уровень религиозности населения республики и степень лояльности или нетерпимости к религии представителей местной, республиканской и центральной власти.

Последнюю группу источников в структуре делопроизводственной документации составляют письма верующих с жалобами на действия местных органов власти и документы, отражающие их последующую судьбу. Они иллюстрируют наиболее одиозные факты «перегибов» в отношении верующих и духовенства, а также реакцию вышестоящих инстанций власти на наличие таких случаев, что в свою очередь, является одним из показателей приоритетов в политике государства в тот или иной период.

Третий вид источников – *статистические сведения*, предоставляет солидный блок информации, характеризующей деятельность религиозных объединений как из числа официально функционировавших, т.е. зарегистрированных в органах власти, так и некоторых действовавших без прохождения этой процедуры. Статистика охватывала практически все стороны жизни конфессиональных объединений. Сюда входили сведения по таким позициям, как численный, половой и возрастной состав каждого из зарегистрированных религиозных объединений; статистические сведения по результатам прошедших религиозных праздников, где учитывалась численность участвовавших, их половозрастной состав и сумма пожертвований; доходы и расходы религиозных объединений и организаций. В отношении духовенства представлены сведения об их численном и возрастном составе, образовательном уровне (как светском, так и духовном), данные о количестве совершённых обрядов. Эти сведения дают уникальный материал для изучения жизни религиозных объединений, имеют большое значение при отслеживании эффективности или, напротив, несостоятельности отдельных аспектов политики властей в отношении религии.

Следует учитывать, что статистические данные, которыми оперировали уполномоченные СДР при СМ СССР по Татарской АССР не позволяют представить истинный уровень религиозности среди населения республики, так как в советскую эпоху религиозная жизнь по большей части была законспирирована. Статистические сведения, имеющиеся в органах власти и отражающие нелегальную религиозную жизнь, отличает фрагментарность и приблизительность представляемых цифр. В этой связи количество нелегально функционирующих религиозных объединений, их численный, половой и возрастной состав, все эти показатели, использовавшиеся уполномоченными СДР при СНК СССР по ТАССР для определения уровня религиозности среди граждан, можно считать весьма условными.

К четвёртому виду источников относятся данные *социологических исследований*. Во второй половине 1960-х гг. социология становится официально признанной наукой в СССР, после чего начинаются комплексные социологические исследования религиозности населения. В Татарской АССР подобные исследования получили наибольшее распространение во второй половине 1980-х гг., что во многом было связано с поиском новых путей получения максимально достоверной информации о религиозной ситуации. В отличие от статистических сведений государственных органов, результаты социологических исследований, проводимые научными организациями, базируются на большем числе критериев религиозности населения республики, что позво-

ляет получить более объективную картину религиозной ситуации в Татарской АССР.

Пятым видом источников, использованных в данном исследовании, является *периодическая печать*, здесь следует выделить специализированные центральные издания, такие, как «Вопросы истории религии и атеизма», «Наука и религия». Значительное внимание вопросам религии и атеизма уделялось в местной периодике: журналах «Блокнот агитатора», «Коммунист Татарии», газетах «Комсомолец Татарии», «Советская Татария», «Вечерняя Казань». Публикации в них являются отражением доминирующих тенденций в религиозном вопросе и проблемах атеистического воспитания в тот или иной период. В то же время данный вид источников наиболее фальсифицирован, поскольку в изучаемый период СМИ отражали не реальную действительность, а являлись проводниками официальных установок партии и правительства. При анализе периодической печати особое внимание было обращено на стилистику и лексику, использовавшуюся авторами статей, поскольку даже средства языка были задействованы при реализации политики государства в области религии, что характеризует её с качественной стороны.

Цель данной монографии автор видел в исследовании форм и методов реализации органами республиканской и местной власти Татарской АССР политики в области религии в 1940-1980-е гг. и как следствие соответствующих процессов, проходивших внутри религиозных объединений республики. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: изучить организационно-правовые условия реализации политики государства в области религии; характерные черты государственно-конфессиональных отношений в военный и послевоенный периоды; особенности политики государства в области религии в период окончания сталинского правления и хрущёвской «оттепели»; специфику взаимоотношений властных структур и конфессий в годы стагнации советского общества и реформаторских процессов во второй половине 1980-х гг.

Методологической основой исследования стали принципы объективности и историзма. Наряду с общенаучными методами познания, такими, как анализ и синтез, в данной работе были использованы и специальные исторические методы, а именно: проблемно-хронологический, применяемый при изложении материала; сравнительно-сопоставительный, позволяющий изучить процесс реализации политики государства в области религии на различных этапах истории страны, выявляя при этом тенденции, присущие как для всего рассматриваемого периода, так и явления, характерные для конкретных этапов.

Научная новизна работы обуславливается тем, что данная монография представляет собой первое обобщающее исследование, посвящённое изучению опыта государственно-конфессиональных отношений в Татарской АССР в 1940-1980-е гг. В представленной книге выявлены и подвергнуты анализу основные тенденции в политике Советского государства в области религии, механизмы, формы и методы её реализации, а также соответствующие тенденции в жизни религиозных структур этого поликонфессионального региона. В научный оборот впервые вводится большое количество ранее неопубликованных документов.

Практическая значимость работы определяется тем, что выполненное исследование даёт цельное представление о значительном этапе государственно-конфессиональных отношений советского периода на примере отдельно взятого региона. Материалы монографии могут быть использованы при создании учебной литературы, подготовке лекционных курсов в высших учебных заведениях, разработке спецкурсов по истории Татарстана, в практической деятельности органов, реализующих политику государства в духовной сфере.

Считаю необходимым выразить искреннюю признательность кандидату исторических наук А.И.Ногманову, доктору политических наук, профессору Р.М.Мухаметшину, доктору исторических наук, профессору Р.В.Шайдуллину, кандидату исторических наук Л.М.Айнутдиновой, оказавшим мне неоценимую помощь в подготовке настоящей монографии.

Глава I

Основные составляющие государственно-конфессиональных отношений

§1.1. Законодательные основы политики государства в области религии

Взаимоотношения государства с теми или иными институтами общества и отдельными лицами регулируются определёнными статьями Конституции, законами, которые в свою очередь конкретизируются различными постановлениями, циркулярами, директивами и распоряжениями, т.е. всем тем, что оформляется в соответствующее законодательство. В этой связи не являлись исключением и государственно-конфессиональные отношения в СССР.

К началу 1940-х гг. основные положения по религиозному вопросу были законодательно закреплены Советским государством в Декрете СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», более известном как «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и соответствующих статьях Конституции 1936 г.

В соответствии с Декретом СНК от 23 января 1918 г. взаимоотношения Советского государства с верующими должны были основываться на следующих принципах: каждый гражданин Советской Республики имел право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; ликвидировались различные привилегии и льготы, основанные на конфессиональной принадлежности граждан; из ведения церкви изымались государственные функции; во всех государственных и общественных учебных заведениях запрещалось преподавание богословия, обучение религии разрешалось только частным образом; религиозные организации лишались прав юридического лица, в связи с чем всё их имущество переходило в собственность государства; использование религиозными обществами молитвенных зданий и предметов культа происходило на правах бесплатной аренды, на основании специальных постановлений местных и центральных органов государственной власти⁴⁶. Таким образом, Декрет с одной стороны формально предоставлял верующим свободу вероисповедания, с другой – существ-

⁴⁶ Законодательство о религиозных культурах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С.53-55.

венно ограничивал права и возможности их официальных институтов – религиозных организаций.

Ни одно религиозное объединение не могло официально начать свою деятельность, не зарегистрировавшись в органах государственной власти. Согласно инструкции НКЮ от 24 августа 1918 г. и Постановлению ВЦИК от 3 августа 1922 г. верующие, желающие учредить религиозное общество, должны были вместе с заявлением о регистрации представить в отдел управления губернии или облисполкома следующие документы: протокол собрания учредителей общества; устав общества; список учредителей, представив по каждому из них весьма подробные сведения:

- 1) фамилия, имя, отчество;
- 2) адрес местожительства;
- 3) социальное положение;
- 4) общественное и служебное положение за время с 1914 г.;
- 5) принадлежность к тому или иному сословию до революции 1917 г.;
- 6) имущественное положение;
- 7) время приобщения к данному религиозному культу⁴⁷.

Наблюдение за деятельностью религиозных обществ возлагалось на НКВД и его местные отделы.

В первой половине 1920-х гг. государство вырабатывало механизмы и методы осуществления контроля над различными сторонами жизни верующих и духовенства, получившие со временем законодательное оформление. В соответствии с вышедшими в это время нормативными актами органы местной власти были обязаны заводить на каждое регистрируемое религиозное объединение регистрационное дело, в котором содержались список учредителей религиозного объединения, договоры о найме священнослужителя и об аренде молитвенного здания, а также другая текущая документация, отражающая деятельность религиозного объединения.

Начавшаяся в стране в конце 1920-х гг. «культурная революция» и сопровождавшая её очередная антирелигиозная кампания обусловили выход Постановления ВЦИК от 17 сентября 1928 г. о передаче культовых зданий культурно-просветительским учреждениям. В соответствии с данным Постановлением, передача культовых зданий под вышеуказанные цели могла быть осуществлена только при условии добровольного согласия на это верующих или в случае, если церкви, мечети, си-

⁴⁷ Гибулянов П.В. Отделение церкви от государства. Систематизированный сборник действующего в СССР законодательства. – М., 1926. – С.82.

нагоги относились к разряду «пустующих», т.е. никаким образом не использовались. На практике же началось массовое изъятие культовых зданий, под видом «добровольной» передачи их верующими под школы и дома культуры.

Если Декрет 1918 г. не предусматривал явного и прямого вмешательства государства во внутренние дела религиозных объединений, то Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ликвидировало этот «пробел» в советском законодательстве.

В Постановлении были определены две формы религиозных объединений – «религиозные общества» и «группы верующих». В первом случае, численность членов объединения не могла быть менее 20 человек, во втором – это допускалось. Для осуществления хозяйственно-финансовой деятельности и внешнего представительства избирались исполнительные органы: в религиозном обществе в составе трёх человек, в группе верующих – одного. При этом властям предоставлялось право отвода из состава исполнительного органа религиозных объединений отдельных лиц⁴⁸. На усмотрение религиозных объединений оставалось избрание ревизионной комиссии в количестве не более 3 человек, в функции которой входили проверка культового имущества и контроль денежных сумм, «получаемых путём складчины или добровольных пожертвований»⁴⁹ среди членов религиозного объединения.

В статьях Постановления регламентировался порядок регистрации религиозных объединений в органах государственной власти. В частности, минимальное число верующих, ходатайствующих о регистрации религиозного общества, должно было составлять не менее 20 человек (т.н. «двадцатка»). Для регистрации же группы верующих было необходимо заявление с подписями всех членов этой группы.

При положительном решении ходатайства, культовое здание и находящееся в нём имущество передавалось в пользование религиозного объединения, на основании договора последнего с представителями волостного, районного исполкома и городского совета. Согласно договору верующие обязывались: хранить и беречь молитвенное здание с находящимся в нём имуществом как государственное; производить ремонт культовых зданий, а также нести расходы по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов и т.д.; возмещать ущерб государству при порче и недостатке имущества; использовать здание исключительно для удовлетворения религиозных потребностей; иметь инвентарную

⁴⁸ Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С.87.

⁴⁹ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. – М., 1929. – С.4.

опись всего культового имущества; обеспечивать беспрепятственный допуск в любое время (за исключением того времени, когда совершаются религиозные обряды) представителей городских советов или волостных и районных исполкомов и сельских советов к проверке имущества⁵⁰. Молитвенные здания, имевшие историческое и художественное значение, передавались на аналогичных условиях, но при этом ещё учитывались правила об охране памятников искусства и старины.

Получив разрешение от властей на легальную деятельность, религиозные объединения попадали под всеобъемлющий контроль органов советской и государственной власти. При этом механизмы осуществления такого контроля зачастую маскировались под разного рода хозяйственно-имущественные проверки. Легитимность последних была закреплена в вышеупомянутых типовых договорах между религиозными объединениями и исполкомами райсоветов. В соответствии с ними религиозное объединение «...обязалось беспрепятственно допускать в не богослужбное время представителей райсовета депутатов трудящихся и уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по ТАССР к периодической проверке и осмотру имущества»⁵¹. Однако в большей степени эта возможность использовалась властями для наблюдений и контроля совсем иного рода. Перманентные визиты вышеупомянутых должностных лиц позволяли следить за половозрастным составом, тенденциями, настроениями, доминирующими в тот или иной период в религиозных объединениях. Затем сообразно собранным сведениям вырабатывалась или корректировалась линия поведения в отношениях с ними.

При нарушении верующими каких-либо пунктов договора об аренде, советские органы власти имели юридическое право на его расторжение. Найти же взамен изъятого новое молитвенное здание было весьма затруднительно, так как это встречало массу искусственно создаваемых преград со стороны местных властей. В то же время одним из главных условий положительного решения по ходатайству верующих о регистрации и, следовательно, получения религиозными объединениями возможности функционировать легально – было наличие у них молитвенного здания. Таким образом, отсутствие у религиозных объединений прав на владение недвижимым имуществом, в том числе помещением, где исполнялись религиозные обряды, ставило их в жёсткую зависимость от органов государственной власти.

⁵⁰ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. – М., 1929. – С. 6.

⁵¹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.119.

Формально за верующими сохранялось право на строительство новых молитвенных зданий, «с соблюдением общих для возведения строений техническо-строительных правил, а также особых условий, устанавливаемых НКВД» (курсив наш – И.Р.).⁵² Однако практика государственно-конфессиональных отношений по крайней мере в рамках Татарской АССР, показывает, что строительство мечетей в некоторых районах республики продолжалось только до начала 1930-х гг. (в 1924 г. было завершено строительство Закабанной мечети в Казани), затем данная практика возобновилась лишь в конце 1980-х гг.

Передача культовых зданий под другие цели осуществлялась по мотивированному (ветхость здания, распад религиозного объединения и т.д.) постановлению ЦИК автономной республики, краевого, областного или губернского исполкома. Верующим предоставлялось право обжаловать это постановление в Президиум ВЦИК, после чего вся документация по делу пересылалась в вышеупомянутый центральный орган власти. В подобных ситуациях молитвенное здание изымалось у верующих только после соответствующего постановления Президиума ВЦИК.

Согласно статье 40 данного Постановления, при закрытии молитвенного здания культовое имущество распределялось следующим образом: предметы, изготовленные из платины, золота, серебра, парчи, а также драгоценные камни, зачислялись в государственный фонд и передавались в распоряжение местных финансовых органов или органов Наркомпроса (в том случае если эти предметы состояли на их учёте); предметы, представлявшие историческую и художественную ценность, передавались органам Наркомпроса; предметы, имеющие специальное назначение при отправлении культов (иконы, хоругви, облачения и т.п.), оставались у верующих для переноса в другие молитвенные здания этого культа; колокола, мебель, люстры, ковры и другие предметы обихода зачислялись в государственный фонд и переходили в распоряжение местных финансовых органов или Наркомпроса⁵³.

Как и в любой другой области жизни Советского общества на каждого мало-мальски значимого участника религиозного объединения органами власти заводилась учетная анкета, степень подробности которой зависела от статуса опрашиваемого в религиозном мире⁵⁴. К примеру, минимальные сведения запрашивались с членов «двадцаток», т.е. учредителей религиозного объединения. Наиболее подробная информация собиралась о членах советов религиозного объединения. Это было

⁵² Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. – М., 1929. – С.8.

⁵³ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. – М., 1929. – С.8.

⁵⁴ Перечень анкет см. в Приложениях №1-3.

вызвано тем, что данная группа людей (в их числе и служитель культа), как правило, выступала инициатором образования того или иного религиозного объединения, а затем становилась её костяком и цементирующим элементом. Она проявляла наибольшую активность в части реализации своих прав на удовлетворение культовых потребностей и таким образом являлась основой религиозного социума в целом, а для властей — одним из наиболее неблагонадёжных слоёв общества, о котором необходимо было собрать исчерпывающую информацию. Следует сказать, что для служителей культа была предусмотрена индивидуальная анкета, в сравнении с приведённой выше, менее подробная. Видимо, это объясняется тем, что основные сведения о себе они представляли как о председателях церковных советов.

В Постановлении от 8 апреля 1929 г. выразилось стремление властей полностью «вытеснить» религиозные объединения из общественной жизни страны. В этой связи им запрещалось: оказывать материально-финансовую помощь своим членам, организовывать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения; организовывать специальные детские, юношеские, женские молитвенные собрания, устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки, организовывать санатории и оказывать лечебную помощь⁵⁵. Как уже упоминалось ранее, согласно пункту 54 Постановления религиозным обществам и группам разрешалось организовывать складчины и добровольные пожертвования, однако при этом возможность их использования ограничивалась целями, связанными только лишь с содержанием молитвенного здания, культового имущества и оплаты услуг священнослужителей⁵⁶. Таким образом, религиозным объединениям запрещалась любая форма внекультовой деятельности, в первую очередь благотворительность, которая могла создать позитивное общественное мнение о верующих и духовенстве.

Властями чётко регламентировался порядок и условия организации духовенством и верующими собраний и съездов различных уровней. Исполнительным органам и ревизионным комиссиям религиозных объединений разрешалось собираться для решения финансово-хозяйственных вопросов без уведомления об этом органов власти. Общие собрания религиозных обществ и групп верующих, не связанные с отправлением культовых потребностей, могли проводиться только с разрешения исполнительных комитетов районного и городского Совета депутатов трудящихся. Верующим и духовенству разрешалось орга-

⁵⁵ Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. — М., 1971. — С.87.

⁵⁶ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. — М., 1929. — С.9.

низовывать религиозные съезды на местном, всероссийском и всесоюзном уровнях, однако в каждом из этих случаев религиозным объединениям необходимо было получить разрешение от НКВД РСФСР в том случае, «если созывается всероссийский или всесоюзный съезд на территории РСФСР или если съезд охватывает территорию двух или более краев, областей и губерний»⁵⁷. Проведение республиканских, областных и краевых съездов санкционировалось органами власти данных административно-территориальных образований.

Государство вмешивалось и во внутренние дела духовенства. Так, в Постановлении оговаривалась территория деятельности служителей культа, – «местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения»⁵⁸. Помимо этого, под строгим контролем властей находились доходы духовенства и религиозных объединений. В этой связи была введена плата за исполнение религиозных обрядов, которая фиксировалась в определённых квитанциях. В неё входили: заявление верующего с указанием собственных данных, фамилии служителя культа и наименования обряда; отрывной талон, выдаваемый верующему, с указанием уплаченной суммы; отрывная часть квитанции, выдаваемой священнослужителю перед выходом на дом для исполнения обряда.

Говоря о духовенстве, необходимо отметить, что на них не распространялись общие нормы трудового законодательства, страхования и начисления пенсии. Размеры заработной платы и пенсии священнослужителей устанавливало государство, а выплачивало – религиозное общество. При этом взимаемый с духовенства налог был значительно выше того, который взимался с большей части граждан страны. В этой связи, неофициальной и едва ли не основной статьёй доходов служителей культов были частные «подношения» верующих.

Постановление от 8 апреля 1929 г. с последующими изменениями и дополнениями являлось основополагающим законодательным актом в области государственно-конфессиональных отношений, вплоть до принятия в 1990 г. Верховным Советом СССР Закона «О свободе совести и религиозных организациях».

Таким образом, к началу 1940-х гг. в СССР сложилось законодательство, дающее легитимную основу для концентрации в органах государственной власти полномочий для осуществления всеобъемлющего контроля над религиозными объединениями. Суть его можно обо-

⁵⁷ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. – М., 1929. – С.5.

⁵⁸ Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С.88.

значить следующими ключевыми положениями: легальная деятельность религиозных обществ и групп верующих была возможна только с санкции государственных органов власти; религиозные объединения не могли быть собственниками культовых зданий; под контролем властей находилась вся финансово-хозяйственная деятельность религиозных структур; законодательство позволяло органам власти вмешиваться во внутренние дела религиозных объединений; деятельность религиозных объединений ограничивалась исключительно рамками культовой практики.

В начале 1940-х гг. в государственно-церковных отношениях наступает новый этап, когда в условиях военного времени Советское государство было вынуждено пойти на некоторые уступки религиозным организациям, что позднее, а именно в середине 1940-х гг., выразилось в соответствующих нормативно-правовых актах Правительства.

Благодаря Постановлению СНК СССР от 28 января 1946 г. «О молитвенных зданиях религиозных культов», институциональным образованиям религиозных конфессий (религиозным центрам и их зарегистрированным объединениям) предоставлялись ограниченные права юридического лица. В соответствии с этим религиозные структуры получали право брать в аренду, строить и приобретать в собственность строения (кроме молитвенных зданий), покупать транспортные средства, производить предметы религиозного культа с возможностью их последующей продажи верующим, а также открывать текущий счет в отделениях Госбанка и сберегательных кассах 1-й категории.

Некоторые послабления были сделаны в отношении духовенства. Постановлением Комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации от 26 февраля 1945 г. священнослужители зарегистрированных в органах власти религиозных объединений освобождались от призыва по мобилизации. Постановлением Совета Министров СССР «О порядке обложения налогами служителей культов» от 3 декабря 1946 г. был снижен налог, взимаемый с духовенства, однако при этом его сумма по прежнему оставалась более высокой по сравнению с той, что взималась с большей части граждан государства. К примеру, если рабочие и служащие при размере месячного заработка от 151 до 200 рублей ежемесячно выплачивали налог в размере 2 рублей 55 копеек + 5,5% с суммы заработка, превышающего 150 рублей, то со священнослужителей (чьи доходы были приравнены к доходам некооперированных кустарей) при аналогичных условиях

взимался налог в размере 4 рублей 50 копеек + 8% с суммы, превышающей 150 рублей⁵⁹.

Постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» были введены некоторые коррективы в эту сферу государственно-конфессиональных отношений. Согласно ему, районные и городские Советы депутатов трудящихся, не вынося своего решения, направляли заявления верующих об открытии молитвенного здания вместе с необходимыми сопроводительными документами уполномоченному СДРПЦ или СДРК при СНК СССР (о данном органе власти см. §1.2) соответствующей области, края или республики. Им осуществлялась вся работа по приему, учету и предварительному рассмотрению ходатайств, проведению проверки и составлению заключений по ним. При этом учитывалось мнение религиозного центра (в Татарской АССР – Епархиального управления Русской православной церкви) о возможности открытия молитвенного здания. Затем все документы по данному делу рассматривались в СНК (с 1946 г. – Совете Министров) областей, краев, союзных и автономных республик, где могло быть принято решение только об отклонении ходатайства. В случае, если местные Совнаркомы считали возможным удовлетворить ходатайство, последнее вместе с заключением СНК направлялось в СДРПЦ или СДРК при СНК СССР. В заключениях СНК республик, краёв и областей в обязательном порядке должны были быть отражены следующие сведения:

а) действительно ли заявители были уполномочены группой верующих, или они действуют по личной инициативе;

б) в каком состоянии находится здание церкви, об открытии которой просят верующие, и в каких целях оно использовалось на момент подачи ходатайства;

в) когда и по решению каких советских органов данная церковь была закрыта;

г) количество действующих (официально) церквей в районе или городе, а также расстояние от ближайшей церкви (действующей официально) до данного населённого пункта⁶⁰.

В случае поддержки мнения вышеуказанных органов власти об открытии той или иной церкви, СДРПЦ и СДРК при СНК СССР должны были периодически представлять в СНК СССР свои предварительные решения.

Как можно заметить, процедура отклонения ходатайства верую-

⁵⁹ Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. – Л., 1944. – С.200, 204.

⁶⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.1. Л.3.

ших ограничивалась принятием окончательного решения на республиканском уровне, а в тех случаях, когда местные власти считали возможным открыть молитвенное здание, решение принималось центральными органами государственной власти, что затягивало срок принятия решения и увеличивало возможность его пересмотра в худшем для верующих варианте.

Впоследствии в порядок открытия молитвенных зданий и регистрации религиозных обществ было внесено изменение. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г., принятие окончательных решений по данному вопросу возлагалось на Советы Министров союзных республик по согласованию с СДРПЦ и СДРК при СМ СССР.

В Постановлении 1943 г. «О порядке открытия церквей» были также перечислены мотивы, на основании которых органы власти могли отклонять ходатайства религиозных объединений об открытии молитвенных зданий. Причинами отказа могли служить: техническая непригодность молитвенного здания, малочисленность общины, использование здания в других целях, наличие поблизости молитвенного здания зарегистрированной религиозной общины той же конфессии (в этом случае ходатайствующим предлагалось объединиться с этой общиной). Таким образом, в арсенале властей было достаточное количество юридически-правовых оснований для регулирования числа действующих молитвенных зданий, а следовательно и официально действующих религиозных объединений.

Следует отметить, что Постановление 1943 г. «О порядке открытия церквей» вышло с грифом «не для печати», что являлось характерной чертой советского законодательства о религиозных культах, когда население страны было лишено возможности ознакомиться с большей частью издаваемых нормативно-правовых актов. Подобная засекреченность объясняется тем, что они шли в разрез с декларируемым в СМИ постулатом о существовании в СССР свободы совести.

В середине 1940-х гг. эпохальным событием для мусульман страны стало разрешение совершения хаджа. В этой связи был утверждён порядок отбора кандидатов на поездку и оформления документов. Сообразно с ним, мусульманин, желающий совершить хадж (его возраст не должен был превышать 65 лет), подавал заявление в соответствующее его месту проживания Духовное управление мусульман. После обсуждения кандидатуры и принятия решения о её поддержке, она согласовывалась с уполномоченным СДРК при СМ СССР. В том случае, если последний не возражал, все документы по данному вопросу пере-

сылались в СДПК при СМ СССР, где и принималось окончательное решение. В пакет представляемых документов входили:

1. Выездные дела.
2. Справка-объективка.
3. Автобиография.
4. Характеристика с места работы.
5. Справка о состоянии здоровья⁶¹.

Как и в других случаях выезда советских граждан за рубеж, паломники при заполнении анкеты были обязаны представить исчерпывающие сведения не только о себе, но и о своих ближайших родственниках, «включая умерших в совершеннолетнем возрасте, с указанием где и когда умер»⁶².

Вынужденная «разрешительная политика» Советского государства в отношении религии показала, что в стране осталось значительное число верующих, которые в новых условиях стали не таясь выражать свои религиозные чувства. По словам А.Б.Юнусовой, «подъём религиозных настроений был для властей, видимо, неожиданным и вызвал соответствующую реакцию партийно-правительственных органов в Москве»⁶³. В ответ на это, в 1948 г. выходит циркуляр СДПК при Совете Министров СССР, предписывавший своим уполномоченным прекратить вынесение положительных решений по ходатайствам верующих о регистрации религиозных объединений.

За год до его выхода, было основано агитационно-пропагандистское общество «Знание», одним из направлений деятельности которого стала атеистическая пропаганда «с научных позиций», без применения актов вандализма и более цивилизованными и гибкими методами, чем это осуществлял СВБ. В сущности, этот шаг означал реанимирование системы агитационно-лекционной пропаганды атеизма, которая за годы войны практически сошла на нет.

В середине 1950-х гг. власти предприняли усилия по ограничению возросшего в военные и послевоенные годы влияния религии на общество. 7 июля 1954 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». В нём отмечалось, что представители Русской православной церкви, ислама и сектантов с помощью хорошо отработанных проповедей, умелой индивидуальной работы с каждым потенциальным прихожанином, активно привлекают в свои общины и группы молодое поколение, в результате чего «наблюдается увеличение количества граждан,

⁶¹ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.21. Л.11.

⁶² Там же.

⁶³ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С.239.

...отправляющих религиозные обряды»⁶⁴. В этой связи постановление предусматривало новое развёртывание массовой атеистической пропаганды по всем направлениям, заключавшееся в усилении лекционной пропаганды, активизации издания атеистической литературы, разработке и осуществлении выпуска серии полнометражных и короткометражных документальных и художественных фильмов антирелигиозного содержания, усилении воспитательной работы по месту учёбы, работы, службы – в духе «воинствующего материализма».

Излишнее рвение и перегибы местных властей в исполнении решений антирелигиозной направленности обусловили вскоре выход нового Постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», призванного исправить и предотвратить наиболее одиозные факты ущемления прав верующих. В частности, в нём признавалось, что «имеются граждане, которые, активно участвуя в жизни страны и честно выполняя перед Родиной свой гражданский долг, находятся ещё под влиянием разного рода религиозных верований ... глупо и вредно ставить тех или иных советских граждан под политическое сомнение из-за их религиозных убеждений»⁶⁵.

17 февраля 1955 г. вышло Постановление Совета Министров СССР, в соответствии с которым подлежали регистрации все фактически действующие религиозные объединения, при условии, что у них были в наличии служитель культа и помещение, пригодное для исполнения обрядов. При этом сам вопрос о регистрации мог быть поставлен религиозным объединением только в том случае, если оно имело молитвенное здание к 17 февраля 1955 г., т.е. к моменту опубликования данного Постановления. В Постановлении оговаривалось, какие здания следует считать молитвенными. К их числу относились «специально построенные для отправления культа (мечеть, костёл, церковь, синагога и т.п.), а также помещения, арендуемые у органов коммунального хозяйства или у частных лиц и специально приспособленные для этой цели. Жилые помещения, предоставляемые частными лицами для проведения молитвенных собраний незарегистрированным группам верующих, молитвенными зданиями считаться не могут»⁶⁶. Следует отметить, что из-за ветхости и полуразрушенного состояния многих культовых зданий и собственного нелегального положения, большая

⁶⁴ Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С.39.

⁶⁵ Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С.41.

⁶⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.5. Л.74.

часть незарегистрированных религиозных объединений были вынуждены собираться для совместного удовлетворения религиозных потребностей именно в частных домах, «неприспособленных специально для этих целей».

Поэтому, если в подборе кандидатур духовенства у верующих не возникало особых сложностей, то в отношении поиска помещения были значительные трудности. Главным образом они инициировались органами местной власти, по мнению которых предлагаемые верующими здания и помещения либо находились в ветхом состоянии, либо на них уже претендовали другие организации, т.е. находилась масса причин и поводов, по которым оно не могло быть передано верующим. Таким образом, Постановление 1955 г., которое, на первый взгляд, должно было оказать религиозным общинам и группам значительное содействие в реализации стремлений легализовать собственную религиозную деятельность, в действительности ничем существенно им не помогло.

Как правило, постановления партии и правительства подобного «либерального» характера, содержали определённое количество оговорок, значительно лимитирующих число субъектов и объектов, подпадающих под действие того или иного нормативного документа.

В конце 1950-х гг. советское законодательство о культах значительно ужесточается. Н.С.Хрущёв, провозгласив курс на «развернутое строительство коммунизма», поставил задачу «преодоления религии как пережитка капитализма в сознании людей». Основной удар был направлен на ограничение влияния Русской православной церкви как конфессии, которой придерживалась большая часть верующих Советского Союза. Способствовать этому должна была серия постановлений КПСС и советского правительства, имевших ярко выраженный антицерковный характер.

В первую очередь, это выразилось в Постановлениях Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. «О монастырях в СССР» и «О свечном налоге». Согласно первому планировалось существенно сократить количество монастырей. Для этого у них изымались земельные наделы, а также запрещалось использовать в монастырском хозяйстве наёмный и безвозмездный труд. Такие меры привели к тому, что к 1962 г. на территории СССР действовали всего лишь 22 монастыря и из них только 2 на территории РСФСР⁶⁷. Второе из постановлений имело целью подорвать материально-финансовую базу церкви. В соответствии

⁶⁷ Мировые религии. Учеб. / А.А.Алов, Н.Г.Владимиров, Г.Ф. Овсиенко. – М., 1998. – С.114.

с ним был повышен налог на доходы епархиальных предприятий и свечных заводов.

Согласно Постановлению ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» у духовенства изымались транспортные средства и материальные ценности, приобретённые без ведома уполномоченных, а областным, краевым и республиканским плановым органам запрещалось выделять средства на ремонт культовых зданий.

По инициативе СДРПЦ при СМ СССР в марте 1961 г. были внесены изменения в «Положение об управлении Русской православной церковью». В соответствии с ними духовенство отстранялось от ведения хозяйственно-финансовых дел епархий и приходов. Отныне это становилось прерогативой только церковных старост и приходских советов. В сущности, из главы прихода священник превращался в наёмного работника.

Постановлением Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» предполагалось значительно активизировать роль различных ведомств, в том числе и МВД, в работе по противодействию деятельности незарегистрированных религиозных объединений и нелегально действующего духовенства, а также выявлению нарушений законодательства официально действующими религиозными обществами и группами верующих.

Вышедшее в 1959 г. Постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам» также было направлено в основном против неофициальных религиозных объединений. В Постановлении отмечалось, что закрытие «святых мест» должно было осуществляться «путём проведения широкой массово-политической работы и научно-атеистической пропаганды среди трудящихся на основе метода убеждения»⁶⁸. В мероприятиях по выполнению этого Постановления были определены задачи всех заинтересованных организаций: первичных и районных парторганизаций, комсомола, профсоюзов, исполкомов районных, сельских, поселковых Советов, а также отделов просвещения, культуры, здравоохранения, финансов, санитарных, пожарных, лесных инспекций, СМИ, общества «Знание», комиссии содействия исполкомам райсоветов по соблюдению законодательства о культах; уполномоченных СДРПЦ и СДРК при СМ СССР.

⁶⁸ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.87. Л.84.

Важным аспектом политики государства в отношении религии являлось противодействие созданию преемственности поколений священнослужителей, так как они были важнейшей составляющей религиозной жизни. С этой целью в 1960-1963 гг. были закрыты Саратовская, Ставропольская, Киевская, Луцкая и Минская духовные семинарии. В тех же учебных заведениях, которым было позволено функционировать дальше, Синод под давлением СДРПЦ при СМ СССР инициировал нововведения, существенно ослабившие их возможности. Так, 17 июля 1959 г. на заседании учебного комитета Синода было решено: закрыть заочный сектор при Ленинградской духовной академии и семинарии; разрешить приём в академии и семинарии только лиц, прошедших действительную военную службу в рядах Советской Армии; рекомендовать всем Преосвященным не вносить дотации на содержание академий и семинарий наряду с обычными церковными взносами в Патриархию.

Ликвидация заочной формы обучения и введение своеобразного возрастного ценза существенно уменьшали число желающих поступать в духовные учебные заведения. В первом случае отсеивались люди, которые в силу различных причин не могли оставить свою работу и в этой связи были вынуждены отказаться от планов получения богословского образования. Учитывая, что у человека потребность в Боге и стремление получить религиозное образование могли возникнуть на различных этапах его жизни, в том числе и в достаточно зрелом возрасте, когда у него уже были разного рода моральные и материальные обязательства перед родными и близкими, люди, находящиеся в подобной ситуации, лишались возможности обучаться в духовных учебных заведениях.

Во втором случае обязательное требование прохождения абитуриентами службы в Вооруженных Силах подразумевало то, что в течение длительного времени верующие должны были пребывать по большей части в окружении людей с атеистическим мировоззрением и пройти не только боевую и строевую подготовку, но и политическую. В связи с особенностями военного быта и характера взаимоотношений между рядовым составом и командирами, с соблюдением соответствующей в армии субординации, «особое» мнение солдата в идеологических вопросах, так или иначе касающихся его религиозных убеждений, не принималось, а наоборот наказывалось. Поэтому служба в армии для верующего человека была очень серьёзным испытанием. Нередко именно здесь происходила ломка религиозных убеждений ещё до конца духовно не сформировавшихся личностей, что также значительно уменьшало число людей, желающих учиться в духовных заведениях.

Прекращение же дотаций на содержание академий и семинарий существенно подрывало материально-финансовую базу духовных учебных заведений.

В 1960-е гг. в религиозной жизни страны произошли некоторые перемены. В противовес легально действовавшему ВСЕХБ, в 1961 г. был образован СЦЕХБ, выдвинувший требования об образовании религиозных объединений без их официальной регистрации. Он также выступил за отмену Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и предоставление им права неограниченной пропаганды религии, объявив при этом, что соблюдение советского законодательства о культах является отступлением от основ свободной баптистской церкви. Так как все эти требования носили характер ярко выраженного недовольства действующим законодательством и неподчинения ему, то и отношение властей к данному течению было нетерпимое. Необходимо отметить, что к СЦЕХБ негативно относилась и православная церковь, так же, как и к любым другим сектам.

С целью усиления контроля за деятельностью незарегистрированных религиозных объединений, в первую очередь баптистских, а также стремления государства заставить последних соблюдать советское законодательство о культах, вышел циркуляр СДРК при СМ СССР от 19 апреля 1963 г., который предписывал уполномоченным «не препятствовать верующим (в основном сектантских объединений) пользоваться для молитвенных собраний помещениями, принадлежащими гражданам на правах личной собственности, так как массовое закрытие молитвенных домов административными средствами вызовет недовольство у населения»⁶⁹. Выполнение данной директивы было возможно только в случае исключения баптистами из своей деятельности действий, не соизмеряющихся с советским законодательством о культах. Таким образом, государство ставило баптистов перед дилеммой – либо адаптация своей проповеднической деятельности к условиям окружающей действительности, либо пребывание в состоянии постоянной конфронтации с властью, где последняя не ограничивала себя в выборе средств для создания препятствий в удовлетворении баптистами своих религиозных потребностей.

Смещение Н.С.Хрущёва со всех постов и приход к власти нового руководства страны повлекло пересмотр некоторых аспектов государственной политики, в т.ч. и политики государства в области религии. В январе 1965 г. выходит Постановление Президиума Верховного Со-

⁶⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д..5. Л.328.

вета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Спустя два года, Постановлением Совета Министров СССР от 10 января 1967 г. были существенно расширены права религиозных объединений в сфере найма, строительства и приобретения в собственность недвижимости для собственных нужд, а также разрешался колокольный звон и азан (призыв мусульман на молитву, осуществляемый муэдзином или имамом с минарета мечети). Интересно, что данное постановление вышло с примечанием «не для печати», т.е. верующие вновь были лишены возможности ознакомиться с предоставляемыми им правами. Тем не менее, несмотря на то, что указанные действия государства по своим масштабам едва ли можно сопоставить с законодательными актами, вышедшими в 1943-48 гг., они несколько сняли остроту в государственно-конфессиональных отношениях.

Во второй половине 1960-х гг. корректировке подверглось отношение властей к такой проблеме, как наличие значительного числа незарегистрированных религиозных общин и групп. По словам председателя СДР при СМ СССР В.А.Куроедова, «эти религиозные объединения по существу находятся на положении законно действующих»⁷⁰. Учитывая, что большая часть таких объединений, как правило, признавали и соблюдали законодательство о культурах, местные исполкомы райсоветов особо не препятствовали их деятельности. В обращении к уполномоченным СДР при СМ СССР 15 декабря 1966 г. В.А.Куроедов рекомендовал им «взять такие религиозные группы и общины на особый учёт и рассматривать их деятельность без регистрации, как явление временное, связанное с необходимостью в течение 1967 г. тщательно изучить вопрос о целесообразности их регистрации или в отказе им в таковой»⁷¹. Однако попытки зарегистрировать некоторые религиозные объединения встречали резкий отпор со стороны местных властей, для которых наличие официально действующего религиозного объединения в районе или городе считалось серьёзным недочётом в их идеологической работе. В то же время многие нелегально действующие общества и группы верующих сами не желали регистрироваться в органах власти ввиду того, что в этом случае помимо необходимости уплаты налогов они попадали под всеобъемлющий контроль властей.

Середина 1970-х гг. ознаменовалась разрядкой напряженности международных отношений, одним из проявлений которой стало вступ-

⁷⁰ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.24. Л.12.

⁷¹ Там же.

ление в силу (23 марта 1976 г.) на территории СССР Международного Пакта о гражданских и политических правах. В статьях Пакта, имеющих отношение к духовной сфере, декларировалась свобода принимать религию по своему выбору, исповедовать ее как единолично, так и сообща с другими. В действительности же, как и прежде, все свелось к декларации мнимой свободы вероисповедания. Некоторые религиозные объединения в своих апелляциях к вышестоящим инстанциям ссылались на этот документ, когда действия властей входили в явное противоречие с ним.

23 июня 1975 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»⁷². По словам М.И.Одинцова, «он расширял возможности религиозных организаций в удовлетворении потребностей верующих»⁷³. В Конституции 1977 г. также утверждалось о правах верующих на свободу вероисповедания.

Однако, вновь изданные подзаконные акты подтверждали прежние ограничения в деятельности религиозных объединений. Так, относительно Русской православной церкви, государство как и ранее создавало препятствия в изготовлении различной символики и атрибутики, необходимой при исполнении религиозных обрядов. Одним из шагов властей в этом направлении стала «Инструкция о порядке применения Положения о кустарно-ремесленных промыслах граждан» Министерства финансов СССР от 18 июня 1976 г.⁷⁴. В соответствии с ней (пункт 2 «л»), на всей территории СССР гражданам запрещались занятия кустарно-ремесленными промыслами в виде изготовления свечей, икон и церковной утвари. Отныне указанные предметы разрешалось изготавливать только в мастерских, принадлежащих Московской патриархии и зарегистрированных в законном порядке. Соответственно и продажа этих предметов верующим разрешалась только в зарегистрированных православных объединениях.

Одни из последних антирелигиозных постановлений КПСС, касались ислама. 21 октября 1985 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки так называемого «воинствующего ислама», а 18 августа 1986 г. – «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Несмотря на то, что данные постановления касались в основном республик Средней

⁷² Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1975. – №27. – С.487-491.

⁷³ Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М., 2002. – С.155.

⁷⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.73. Л.111.

Азии, Кавказа и Закавказья, руководящие органы других регионов также ориентировали государственные структуры на активизацию борьбы с исламом.

В целом, говоря о законодательстве о религиозных культах в 1940-х – 1980-х гг. необходимо отметить, что степень нетерпимости к религии в законодательных и нормативных актах, изданных в различные периоды, была неодинакова. Наряду с принятием актов, призванных усилить контроль за деятельностью религиозных объединений и активизировать антирелигиозную пропаганду, издавались документы, несколько облегчавшие положение верующих и духовенства. В законодательной деятельности Советского государства в области религии в 1940-х–1980-х гг. условно можно выделить три этапа: 1) 1943-1948 гг. В этот период были расширены права религиозных объединений в покупке и аренде имущества (за исключением молитвенных зданий), снижены налоговые ставки, взимаемые с духовенства, видоизменена схема регистрации религиозных объединений; 2) конец 1940-х – середина 1960-х гг. Советское законодательство о культах значительно ужесточается, что выражалось в подрыве материально-финансовой базы церкви и системы духовного образования, упрощении схемы закрытия молитвенных зданий, а также появлении ряда постановлений, призванных усилить борьбу с различными проявлениями религиозности (кампании по ликвидации паломничества к святым местам, борьбе с нелегально действующими священнослужителями и религиозными объединениями и т.д.); 3) середина 1960-1980-е гг. В этот период издаются акты, подразумевавшие некоторое улучшение положения религиозных объединений, и в то же время выходят постановления партии и правительства, призывавшие усилить работу по атеистическому воспитанию.

Социально-политические процессы, протекавшие в стране в конце 1980-х гг., вызвали необходимость в изменении действующего законодательства о культах, которое уже не соответствовало существующим реалиям. В этой связи 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принимает новый закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября того же года «Закон о свободе вероисповеданий» принимает российский парламент. Оба закона, будучи почти идентичными, несмотря на многочисленные недостатки, предусматривали действительную реализацию принципа свободы совести.

Согласно новому законодательству, религиозным обществам для начала своей деятельности не требовалось регистрироваться в органах государственной власти. Однако для получения статуса юридического лица любым видам религиозных организаций (религиозное общество, управление, центр, объединение, а также монастыри, братства, миссии

и духовные учебные заведения) необходимо было представить в исполком районного или городского Совета народных депутатов свой устав (положение).

Согласно статье 12 Закона «О свободе совести и религиозных организациях», в них должны были быть отражены сведения «о виде и местонахождении религиозной организации, её вероисповедной принадлежности, о месте в организационной структуре религиозного объединения, об имущественном положении, о правах по учреждению предприятий и средств массовой информации, основанию других религиозных организаций, созданию учебных заведений и об иных правомочиях, о порядке решения имущественных и других вопросов в случае прекращения её деятельности, а также иные положения, связанные с особенностями деятельности данной организации»⁷⁵. Как можно видеть, в уставе (положении) не затрагивались вопросы, касающиеся внутренних дел религиозных организаций, что, безусловно, стало значительным шагом в процессе демократизации религиозной жизни.

Вышеуказанный процесс отразился и в том, что верующим и духовенству предоставлялось право проводить богослужения и отправлять обряды помимо молитвенных зданий, также и в местах паломничества, кладбищах, в квартирах и домах граждан. Более того, священнослужителям разрешалось осуществлять свою профессиональную деятельность в госпиталях, больницах, домах престарелых и воинских частях. При этом религиозные организации были вправе сами обращаться с предложениями о проведении богослужений к гражданам, находящимся в вышеуказанных учреждениях⁷⁶.

Для полноценного функционирования конфессиональным организациям предоставлялись значительные материально-финансовые возможности. Так, независимо от наличия регистрации в органах власти религиозные организации получали право не только на пользование государственным имуществом, но могли иметь в собственности «здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для их деятельности»⁷⁷. При этом в сравнении с другими учреждениями, религиозные организации имели преимущество на получение культового здания с прилегающей к ней территорией. Государство создавало религиозным организациям режим максимального благоприятствования в налоговой сфере, отменив всякое налогообложение на финансовые и имущественные пожертвования. Им разреша-

⁷⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. – №41. – С.994.

⁷⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. – №41. – С.997.

⁷⁷ Там же.

лось организовывать издательские, производственные, строительные, сельскохозяйственные и другие предприятия, прибыль от которых облагалась налогами на равных условиях с предприятиями других общественных организаций. На подобных же условиях производилось взимание налогов с лиц, получающих доходы от работы в религиозных организациях, в том числе и духовенства. Теперь их исчисление было приравнено к ставкам, «установленным для рабочих и служащих государственных предприятий, учреждений и организаций»⁷⁸. Священнослужители наравне со всеми гражданами получали право на социальное обеспечение и страхование. В этой связи религиозные организации и их предприятия были обязаны вносить в Фонд государственного социального страхования и Пенсионный фонд финансовые отчисления на общих основаниях с другими общественными организациями и их предприятиями. Священнослужителям предоставлялась возможность на общих со всеми гражданами правах участвовать в политической жизни страны, избираться в центральные и местные органы законодательной власти. В то же время статья 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях» запрещала данный вид деятельности религиозным организациям⁷⁹.

Государство прекращало финансирование общественных организаций, ведущих атеистическую пропаганду, что ставило их в равные условия с религиозными объединениями. В связи с тем, что последним была разрешена общественная деятельность, они, как и любые другие общественные организации, получили возможность выступать в СМИ. При этом немаловажным фактором, инициировавшим активную миссионерскую деятельность религиозных организаций, стало разрешение издавать, а также вывозить и ввозить из зарубежья религиозную литературу. Следует отметить, что данное право подготовило почву для массивного «вторжения» на советское, а затем и постсоветское пространство нетрадиционных религиозных сект и течений.

Существенным изменениям подвергся вопрос о религиозном образовании. Наряду с тем, что остался неприкосновенным принцип раздельного функционирования государственной системы образования и церкви, религиозным организациям, зарегистрировавшим свои уставы (положения), разрешалось создавать «для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах, используя для этого принадлежащие им или предоставляемые им в пользование помещения»⁸⁰.

⁷⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. – №41. – С.998.

⁷⁹ Там же. – С.992.

⁸⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. – №41. – С.992.

Подводя итог законотворческой деятельности Советского государства в отношении религии, можно отметить следующее: 1) к началу 1940-х гг. советское законодательство о культах юридически закрепило за властями право на тотальный контроль и вмешательство во внутренние дела религиозных объединений, определив при этом механизмы осуществления указанных действий; 2) с 1940-х гг. в законодательстве о культах находят отражение некоторые колебания правящей элиты государства в выборе форм и методов борьбы с религией; 3) характерной чертой рассматриваемого законодательства была его засекреченность и несоответствие декларируемому государством принципу свободы совести; 4) принятый в условиях демократизации советского общества Закон «О свободе совести и религиозных организациях» предоставил реальные права на свободу вероисповедания и существенно расширил сферу деятельности конфессиональных структур.

§1.2. Инструменты реализации политики государства в отношении религии

Воплощение в жизнь каких бы то ни было идеологических установок, законодательных положений невозможно без непосредственных исполнителей. Осуществление контроля за носителями религиозного сознания – верующими и духовенством, пропаганда среди них и остальной части граждан атеистических воззрений, требовали комплексного подхода к данной задаче. Здесь должны были быть задействованы различные структуры власти.

Все сферы жизни советского общества в большей или меньшей степени были пронизаны идеологическими установками коммунистической партии. Религиозный вопрос по своей сути изначально находился в идеологической плоскости, поэтому главенствующая роль партийных органов в лице обкомов, горкомов и райкомов в решении вопросов, касающихся реализации политики государства в области религии, была непререкаема. В Татарской АССР, как и в других регионах, данный вопрос курировали отдел пропаганды и агитации обкома КПСС, а на местах подобные же отделы при райкомах и горкомах.

В методических указаниях «обкомовского» отдела пристальное внимание уделялось роли каждого ведомства в данной работе, а именно, очерчивался фронт работы медицинских работников, педагогического состава, органов внутренних дел, сотрудников музеев и культурно-просветительских учреждений и других. Отдельные рекомендации предназначались лекторам общества «Знание». Им предлагалась опре-

делённая тематика докладов и лекций атеистической направленности. При этом степень нетерпимости содержания последних к религии соизмерялась с соответствующими тенденциями в политике государства в области религии.

Особое значение уделялось комплексу атеистических мероприятий перед крупными религиозными праздниками. В это время, как правило, активизировалась деятельность религиозных объединений, что требовало от властей адекватного реагирования, т.е. усиления антирелигиозных действий, перечень которых и предлагался отделом.

Периодически сотрудниками отдела пропаганды и агитации составлялись планы мероприятий по выполнению тех или иных постановлений ЦК КПСС, призванных усилить работу «по атеистическому воспитанию трудящихся», в основном по следующим направлениям:

а) по повышению качества и эффективности атеистического воспитания среди школьников и улучшения преподавания курса научного атеизма в ВУЗах республики;

б) по совершенствованию форм и методов атеистической работы культпросветучреждений;

в) по атеистическому воспитанию в трудовых коллективах и по месту жительства⁸¹.

Другим аспектом в деятельности отдела пропаганды и агитации было осуществление контроля над всей религиозной обстановкой в республике и органами власти, реализующими политику государства в отношении религии. К примеру, в рамках контроля за структурами, проводившими атеистическую пропаганду, лекторы отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС в своей работе практиковали выборочное рецензирование лекций, прочитанных лекторами общества «Знание», а также составляли справки о состоянии всей лекционной работы в районах и городах республики.

Помимо такого способа контроля, большое значение имела также система отчётов и докладов. Райкомы КПСС, различные ведомства, уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР, помимо текущих и промежуточных отчётов, представляемых в течение года, составляли отчёт о религиозной ситуации и проделанной работе по итогам всего года. Затем данный отчёт с некоторыми дополнениями и правками направлялся на имя первого секретаря Татарского обкома КПСС.

Помимо отдела пропаганды и агитации, некоторые наиболее важные вопросы реализации религиозной политики решались на уровне

⁸¹ ЦГА ИГД РТ. Ф.15. Оп.12. Д.241. Л.101.

бюро обкома КПСС – исполнительного органа, руководящего всей текущей работой республиканской парторганизации. На его заседаниях обсуждалась деятельность отдела пропаганды и агитации, уполномоченных СДР при СМ СССР по Татарской АССР. Бюро обладало значительными полномочиями в вынесении решений по результатам работы вышеуказанных структур. Как свидетельствуют материалы заседаний, иногда предметом обсуждения становились какие-либо нестандартные ситуации, имевшие место в религиозной жизни республики.

Таким образом, партийные органы в лице областного и районных (городских) отделов пропаганды и агитации, бюро обкома КПСС, непосредственно не вмешиваясь в процесс реализации политики государства в области религии, являлись идеологическо-методическим и контролирующим центром по отношению ко всем органам власти, задействованным в вышеуказанном процессе. Схожие с ним функции выполняло и КГБ республики, в структуре которого действовал отдел по делам религий, куда также поступала вся вышеупомянутая информация.

Практически с начала формирования системы органов власти Советского государства возникла необходимость в создании специальной структуры, которая являлась бы связующим звеном между правительством и религиозными организациями и реализовывала партийные и государственные установки в отношении религии. До начала 1940-х гг. эти функции поочередно выполняли ряд ведомств. В 1918-1924 гг. таковым являлся 8-й отдел Наркомюста, основной задачей которого было проведение в жизнь Декрета 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». В 1924-1929 гг. вопросами религиозной политики занимались ВЦИК и СНК РСФСР. Характерной чертой этого периода являлось постепенное усиление роли силовых ведомств в решении «религиозного вопроса». В 1929 г. была образована Постоянная комиссия по культовым вопросам при Президиуме ВЦИК (функционировала в 1929-1934 гг., а с 1934 г. действовала при Президиуме ЦИК СССР), призванная осуществлять «общее руководство и наблюдение за правильным проведением в жизнь политики партии и правительства в области применения законов о культурах на всей территории РСФСР»⁸². В её деятельности М.И.Одинцов выделяет «правозащитное направление»⁸³. По его словам, «Комиссия в одиночку отстаивала права верую-

⁸² Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М, 2002. – С.158.

⁸³ Там же. – С.158.

щих и религиозных организаций»⁸⁴. Однако в 1938 г. эта структура была упразднена.

Вынужденная для советского правительства относительная нормализация государственно-конфессиональных отношений в годы Великой Отечественной войны вызвала необходимость создания нового органа власти, способного осуществлять связь между правительством и религиозными объединениями в новых условиях.

В сентябре 1943 г. было принято решение об образовании СДРПЦ при СНК СССР (председатель – Г.Г.Карпов), а позднее, в мае 1944 г., – СДРК при СНК СССР (председатель – И.В.Полянский). Оба Совета вплоть до 1991 г. (в 1965 г. произошло их слияние в единый орган – СДРК при СМ СССР) находились под опекой идеологического отдела ЦК КПСС и отдела по делам религий КГБ СССР.

Новые структуры власти были призваны осуществлять связь между правительством и религиозными объединениями. К примеру, непосредственные функции СДРПЦ при СНК СССР заключались в «предварительном рассмотрении вопросов, возбуждаемых патриархом Московским и всея Руси и требующих разрешения Правительства СССР»⁸⁵. Значительное внимание в деятельности Совета уделялось также разработке проектов законодательных актов и постановлений по вопросам состояния религиозных организаций, а также различных инструкций и указаний⁸⁶.

После того как были сформированы центральные аппараты СДРПЦ и СДРК при СНК СССР, были утверждены их уполномоченные в большинстве союзных, автономных республик, краёв и областей⁸⁷. По распоряжению заместителя председателя СНК СССР В.М.Молотова от 29 марта 1945 г., уполномоченные по своему статусу были приравнены к начальникам управлений союзных и автономных республик. Длительное время в аппарате уполномоченных не предусматривалось штатных единиц специалистов и сотрудников. Лишь со второй половины 1960-х гг., после образования единого органа – СДР при СМ СССР, в штате уполномоченных были утверждены: заместитель уполномоченного СДР при СМ СССР по краю, области и АССР; старший инспектор по культурам аппарата уполномоченного СДР при СМ СССР по краю, области и АССР; инспектор по культурам аппарата

⁸⁴ Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М, 2002. – С.159.

⁸⁵ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.1. Л.7.

⁸⁶ Там же. – Л.8.

⁸⁷ Полный список Уполномоченных СДР при СМ СССР по Татарской АССР с 1943 по 1990 гг. см. в Приложении №4.

уполномоченного СДР при СМ СССР по краю, области и АССР.

Функции и сфера деятельности уполномоченных были утверждены в Положениях об этих Советах. В частности, согласно Положению о СДРПЦ, его уполномоченные должны были осуществлять «наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к Русской православной церкви; представление Совнаркому СССР заключений по вопросам Русской православной церкви; общий учёт церквей и составление статистических сводок по данным, представляемым местными органами»⁸⁸.

В своей практической деятельности уполномоченные руководствовались уже существующими законами, а также новыми постановлениями правительства в отношении религии. Наиболее значимыми среди них являлись: Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г.; соответствующие статьи Конституции СССР 1936 г.; Положения о СДРПЦ и СДРК при СНК СССР и Постановление СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей».

Основной задачей на начальном этапе деятельности уполномоченных стало восстановление учёта религиозных общин и групп, а также приём и рассмотрение ходатайств о регистрации религиозных объединений и открытии соответствующих молитвенных зданий, которое происходило в соответствии с Постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей».

По всем вопросам, имеющим отношение к сфере государственно-конфессиональных отношений, таким, как регистрация религиозных общин и молитвенных зданий, проведение религиозных праздников, верующие обращались к уполномоченному в конкретном регионе. Как правило, работа уполномоченных строилась по составленным ими ежеквартальным или полугодовым планам. Вот как выглядит план работы уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР Х.С.Багаева на II полугодие 1947 г.: «С 1 июля по 20 ноября 1947 г. обследовать нижеследующие районы ... (наименование районов в документе не указано – И.Р.). При обследовании обратить внимание на следующие вопросы: 1) Изучать факты нарушения Советского законодательства в области религиозных культов, как со стороны служителей культов, активистов, и также со стороны местных органов (самоволь-

⁸⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.1. Л.8.

ного открытия или закрытия молитвенных зданий, домов) и т.д. 2) Изучать деятельность действующих религиозных общин, деятельность служителей культов, исполнительного органа, ревкомиссии (т.е. ревизионной комиссии – И.Р.), количество верующих (ориентировочно). Посещение мечетей в Джумга, Ураза-гаид, Курбан-гаид. 3) Исполнение религиозных обрядов во время Уразы: нарушение трудовой дисциплины во время Уразы. Жертвоприношения. Состояние религиозного движения среди женщин. Исполнение религиозных обрядов детьми. Похороны религиозным обрядом. Исем кушу. Никах. Посещение святых мест. 4) Изучение деятельности бродячих мул, круг деятельности, численность, обложение налогами и т.д. 5) Изучение незаконно действующих религиозных общин, где они проводят богослужение, кто руководит, количество верующих (ориентировочно)⁸⁹. Преобладание в тексте таких слов как «изучить» и «обследовать» предполагало не «осуществление связи между правительством и религиозными объединениями», а скорее осуществление всепроникающего контроля за последними. Как видно из пунктов 4 и 5, в поле профессионального интереса уполномоченных находились не только официально действующие, но также и незарегистрированные – функционирующие на нелегальной основе – общины и группы. Таким образом, с самого начала деятельности уполномоченных в методике их работы проявилась известная объективность в плане реальной оценки степени религиозной активности населения. Она существенно расходилась с официальной установкой Советского государства в этом вопросе, представленной через СМИ широкой общественности и ориентировавшейся в определении религиозной активности населения только на количество зарегистрированных религиозных объединений и численность официально действующего духовенства. По понятным причинам в условиях тоталитарного режима сведения о наличии и деятельности последних не предавались широкой огласке.

Все отчёты и докладные записки о религиозной ситуации в республике составлялись в пяти экземплярах, из которых первый направлялся – председателю СДРПЦ или СДРК при СНК СССР (с 1946 г. – СМ СССР), второй – секретарю Обкома КПСС, третий – председателю Совета Министров республики, области или края, четвёртый – в КГБ республики и один экземпляр оставался в текущем архиве уполномоченного.

За каждый прошедший квартал и год уполномоченные составляли отчет в двух видах – информационном и статистическом. В информа-

⁸⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.3. Л.63.

ционном годовом отчёте отражались сведения об общих процессах и новых явлениях, имевших место в деятельности религиозных объединений и духовенства по каждой конфессии. Статистический отчёт содержал подробный фактический материал также по каждому вероисповеданию и составлялся по следующей форме:

- а) количество религиозных объединений, служителей культа и обслуживающего персонала;
- б) численность молитвенных зданий и святых мест;
- в) сведения о совершении обрядов;
- г) данные о поступлении в религиозные объединения денежных средств и их расходовании⁹⁰.

Особая отчётность составлялась уполномоченными о прохождении крупных религиозных праздников, у мусульман это были – Курбан-байрам и Ураза-байрам, у православных – Пасха. В частности, в отчёте о праздновании Курбан-байрама должны были присутствовать сведения по таким показателям, как:

- а) численность мусульман, участвовавших в намазе в одну из пятниц и в день Курбан-байрама;
- б) количество участников праздничного богослужения по возрастному критерию (от 18 до 30 лет, от 30 до 60 и старше 60);
- в) наличие среди участвовавших женщин;
- г) количество забитого скота и поступивших денежных средств⁹¹.

Накануне вышеупомянутых праздников уполномоченными рассылались в исполкомы Советов депутатов трудящихся подробные методические рекомендации о том, на какие аспекты работы следует обратить особое внимание. Среди прочих обязательно присутствовал пункт об особом контроле за проявлением религиозной активности женщинами, т.к. исторически именно им принадлежала главная роль в воспитании детей в условиях семьи и привитии им определённых духовных ценностей.

Уполномоченным СДРПЦ и СДРК при СМ СССР были даны широкие права в подборе и утверждении кадров духовенства. Так, согласно уставу духовных управлений мусульман, назначение на вакантные должности, лишение духовного сана и перемещение служителей культа входило в исключительное ведение духовных управлений. Но перед тем, как та или иная религиозная община представляла в религиозное управление сведения на своего кандидата на должность служителя культа, она была обязана согласовать его кандидатуру с уполномочен-

⁹⁰ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.24. Л.16.

⁹¹ Там же. Д.99.Л.74-77.

ным, который, в свою очередь, должен был известить о принятом решении уполномоченного СДР при СНК СССР по той республике, краю или области, где находился центр духовного управления.

В начале деятельности института уполномоченных значительные трудности возникали в определении прав и обязанностей последних в структуре краевых, областных и республиканских органов власти. Нередко уполномоченным приходилось выполнять функции, не имеющие никакого отношения к кругу их непосредственных обязанностей. В частности, республиканскими партийными органами Татарии ввиду нехватки кадров практиковалось командирование уполномоченных в районы «для исправления положения с ремонтом комбайнов»⁹² и т.д. В то же время практика показывала, что уполномоченным СДРПЦ и СДРК при СМ СССР для выполнения своих непосредственных обязанностей и работы по намеченному плану, необходимо было выезжать в командировки как минимум ежемесячно. Без этого не представлялось возможным изучение деятельности верующих, духовенства и составление обобщающих заключений по тем или иным вопросам. По словам уполномоченного СДРК при СНК СССР по ТАССР Х.С.Багаева, «без выезда в районы мы никогда не приведём в порядок в республике "религиозное хозяйство" ... по моему плану в 1946 г. я должен быть минимум в 12-15 районах, где требуется моя помощь... Если местные органы с моим планом согласятся, то в 1946 г. "религиозное хозяйство" в Татарии будет в основном налажено»⁹³.

В вышеприведённой цитате обращает на себя внимание терминология уполномоченного, в которой он определяет верующих, духовенство, молитвенные здания словосочетанием «религиозное хозяйство». Невольно напрашивается вывод об отношении данного чиновника к сфере религиозных отношений как к некоему материальному производству, в то время как работа с носителями религиозного сознания подразумевает наличие у конкретных исполнителей более одушевлённого подхода к данной проблеме.

Большое значение в работе уполномоченного отводилось его контактам с верующими и духовенством. Однако в связи с ограниченностью штатов аппарата и из-за невозможности частых командировок на места, наиболее приемлемой формой взаимоотношений между ним с одной стороны, и верующими и духовенством с другой, был признан ежедневный, в течение всего рабочего дня, приём уполномоченным представителей верующих и священнослужителей. Данный порядок

⁹² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Л.7.

⁹³ ЦГА ИГД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.18446. Л.3.

был установлен в 1954 г. по настоятельной рекомендации СДРПЦ и СДРК при СМ СССР после того, как из планов работ некоторых уполномоченных стало видно, что они установили порядок приёма вышеупомянутых лиц не ежедневный, а выделили для этой цели только некоторые дни недели и эти выделенные дни распределили таким образом, что в одни из них они принимали только верующих, а в другие только служителей культа. В последнем случае СДРПЦ и СДРК при СМ СССР, видимо, усмотрели возможность обособления духовенства от простых верующих, что противоречило бы принципу «уравниловки», распространявшуюся и на эту сферу жизни советского общества.

В своей работе уполномоченные тесно взаимодействовали со своими коллегами из других регионов. В основном характер сотрудничества касался информации о передвижениях по стране представителей духовенства и верующих-активистов (главным образом из числа сектантов). В этих сообщениях обязательно присутствовала характеристика вышеуказанных лиц, выехавших или прибывших на территорию той или иной республики, области или края. Во многом основываясь именно на этих сведениях уполномоченный определял план действий, линию поведения в работе с прибывшими. К примеру, в 1976 г. уполномоченный СДРК при СМ СССР по Калининской области сделал запрос своему коллеге из Татарской АССР с просьбой представить характеристику на священника Наумова, прибывшего из Татарии, которого местный архиерей был намерен принять на службу⁹⁴. Уполномоченный СДРК при СМ СССР по Татарской АССР не замедлил с ответом и сообщил следующее: «Наумов Иван Ильич, ... в феврале 1972 года уволен за штат по состоянию здоровья, раздражителен, имеет психические расстройства, неуживчив с духовенством... Не советую связываться с этим священником»⁹⁵.

Уполномоченным негласно вменялось в обязанность осуществлять полномасштабный контроль в отношении добровольных пожертвований верующих в адрес религиозных объединений. Несмотря на то, что официально подобные жертвования не были запрещены, лица, хотя бы однажды сделавшие денежный перевод в адрес духовной организации или объединения, попадали под негласный надзор властей и становились объектом для последующей «воспитательной» работы в целях предотвращения подобных действий в дальнейшем. К примеру, в марте 1963 г. жительницей с. Борискино Куйбышевского района Татарской АССР, Яшунковой У.Т., в адрес Почаевской Лавры (Терно-

⁹⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.73. Л.90.

⁹⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.73. Л.90.

польская область Украинской ССР) был направлен денежный перевод на сумму 15 рублей⁹⁶. Получив эти сведения от своего коллеги, уполномоченный СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР И.А.Михалёв просил местный исполком проверить, «не собирает ли указанное лицо средства среди населения и в случае подтверждения, принять меры к пресечению подобных явлений»⁹⁷.

В обязанности уполномоченного входило изучение проповеднической деятельности духовенства среди населения. Советские власти рассматривали эту деятельность как одно из самых мощных средств воздействия на сознание верующих. В зависимости от того, какой направленности были проповеди, насколько они были наполнены восхвалениями в адрес партии и правительства, или наоборот были умеренны, во многом зависело отношение верующих к Советской власти, степень их лояльности или неприятия к последней. Поэтому этот аспект работы был актуален для уполномоченных не только во время прохождения крупных религиозных праздников, но и в течение всего отчетного периода, т.е. квартала или полугодия.

Уполномоченные пытались контролировать деятельность не только зарегистрированного в органах власти духовенства, но также нелегальных служителей культа – «бродячих» мулл и священников. Правда, хотя данный аспект и указывался в планах работы уполномоченных, последние, не имея чётких механизмов и методов осуществления данного контроля, были бессильны в получении достоверной информации об их проповеднической деятельности. В лучшем случае они знали лишь о существовании того или иного незарегистрированного служителя культа и районе его деятельности.

Следует отметить, что колебания в политике государства в области религии нередко отражались на судьбах её исполнителей. В частности, в отношении некоторых уполномоченных по ТАССР прослеживается тенденция к их смене на поворотных этапах государственно-религиозных отношений. К примеру, на рубеже 1950-1960-х гг., ознаменованных началом нового витка административного нажима на религиозные объединения, произошли новые назначения среди уполномоченных по Татарской АССР. Вместо Г.С.Сафина, исполнявшего обязанности уполномоченного СДРПЦ и занимавшего должность уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР, в 1959 г. уполномоченным СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР был утверждён бывший заместитель председателя КГБ при Совете Министров по

⁹⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.13. Л.7.

⁹⁷ Там же. Л.6.

ТАССР А.С.Диульский, имевший более чем 20-летний стаж работы в «органах». Годом позже уполномоченным СДРК при СМ СССР по Татарской АССР был назначен Ф.С.Мангуткин, в 1941-1956 гг. служивший в рядах Советской Армии, где в разные годы занимал должности лектора Дома офицеров и старшего инструктора отдела пропаганды и агитации Воронежского военного округа. Как видно из приведённых фактов, ужесточение политики государства в области религии вызвало необходимость в таких её исполнителях, которые имели определённый навык борьбы с «внутренними врагами», к категории которых были вновь причислены духовенство и верующие.

Следующая смена кадров последовала в середине 1960-х гг., ознаменовавшихся окончанием массированных гонений на религию. В это время уполномоченным СДР при СМ СССР по Татарской АССР был назначен И.А.Михалёв (ранее работавший референтом правления Татарского отделения общества «Знание», ассистентом кафедры философии Казанского авиационного института), находившийся на этой должности почти 20 лет. Его отношения с религиозными объединениями можно характеризовать как достаточно ровные, при условии, что эти объединения безоговорочно признавали советское законодательство о религиозных культах. В противном случае с ними велась непримиримая борьба.

На протяжении всего периода деятельности институт уполномоченных СДР при СМ СССР не претерпел каких-либо серьёзных структурных перемен, так же, как и изменений в целях и задачах своей работы. В структуре органов власти, осуществлявших политику государства в области религии, уполномоченные СДР при СМ СССР на местах выполняли роль своеобразного информационного, контролирующего и координирующего центра. Формально, находясь в подчинении СДР при СМ СССР, уполномоченные в своей деятельности по большей части зависели от республиканского Обкома КПСС.

В реализации политики государства в области религии принимали участие многие министерства и ведомства. Сообразно направленности и специфике деятельности у каждого из них был свой «участок» работы. К примеру, МВД было задействовано в выявлении и привлечении к ответственности неофициальных священнослужителей, предотвращении деятельности незарегистрированных религиозных объединений, открыто не признававших советское законодательство о культах (например, СЦЕХБ), а также в охране правопорядка во время проведения религиозных праздников.

Другие ведомства и министерства занимались в основном «профилактической» работой. В частности, Дом республиканского сани-

тарного просвещения Министерства здравоохранения Татарской АССР проводил комплекс следующих мероприятий:

а) разработка и проведение лекций по медико-атеистической пропаганде;

б) организация семинаров для медицинских работников (примерная тематика: «Медицина и религия о происхождении и сущности болезней», «Роль врача в предотвращении случаев религиозной обрядности», «Медицина и христианское богословие» и т.д.);

в) рассмотрение в программах Народных университетов здоровья и лекториев вопросов медико-атеистической пропаганды;

г) выезды научных работников КГМИ и ГИДУВа в районы республики для проведения лекций по медико-атеистической пропаганде⁹⁸.

Другое ведомство – Министерство просвещения, строило атеистическую работу по трём основным направлениям. Первое из них предусматривало пропаганду атеистического мировоззрения во время учебного процесса. В его рамках Министерство при изучении предметов естественного цикла требовало от педагогов «раскрывать ученикам атеистический аспект научных достижений, убеждать их в ложности религиозного толкования мира»⁹⁹. При изучении же предметов гуманитарного цикла предписывалось «раскрывать ученикам социальную природу религии, показать им отношение партии и Советского государства к религии и церкви»¹⁰⁰.

Вторым направлением являлась внеклассная атеистическая работа: в школах создавались кружки «Юный атеист»; работали лекторские группы старшеклассников по теме «Наука и религия»; выпускались тематические стенгазеты; на школьных радиостанциях выходили в эфир передачи на антирелигиозные темы; ученики устраивали атеистические театральные инсценировки.

Третье направление предусматривало работу с педагогическим составом учебных заведений. С этой целью проводились семинары по вопросам методики атеистической работы, таким, как «Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания молодёжи», «Атеистическое воспитание на уроках русской литературы», «Формирование диалектико-материалистического мировоззрения на уроках химии» и т.д.¹⁰¹.

Государство, стремясь максимально охватить контролем и атеи-

⁹⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.12. Д.241. Л.16.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.12. Д.241. Л.15.

стическим влиянием своих граждан, задействовало все необходимые для этого ведомства. При этом характер и степень участия каждого из них в работе определялся их отраслевой направленностью и имеющимися возможностями. В своей деятельности по данному направлению они подчинялись партийным органам и СДР при ЦК КПСС в лице его уполномоченных. Последние являлись также координаторами взаимодействия министерств и других ведомств в антирелигиозной работе.

Органами власти, чаще других непосредственно вступавшими в контакт с религиозными объединениями, были органы местного самоуправления – исполкомы районных и городских Советов депутатов трудящихся. В круг их обязанностей входили подготовка предварительных заключений для уполномоченных СДР при ЦК КПСС по фактам, имевшим место в религиозной жизни соответствующего района или города (ходатайства верующих о регистрации религиозного объединения, необходимости ремонта молитвенного здания, деятельности незарегистрированных священнослужителей и т.д.), подготовка годовых отчетов о религиозной ситуации, а также сведений о прошедших религиозных праздниках. Практически вся информация о религиозной жизни республики, деятельности религиозных объединений как зарегистрированных, так и действующих неофициально, собиралась именно ими.

Несмотря на то, что районные и городские исполкомы Советов депутатов трудящихся являлись низовыми звеньями в иерархии органов власти, задействованных в осуществлении религиозной политики, их роль была весьма значима. Во многом именно они формировали мнение вышестоящих структур как о религиозной обстановке в целом, так и об отдельных событиях, происходящих в религиозной жизни города или района. В некоторых же вопросах их мнение было решающим. К примеру, даже при формальной согласии органов центральной власти на регистрацию той или иной общины, окончательное решение в этом вопросе оставалось на усмотрение местных исполкомов райсоветов и горсоветов, которые крайне негативно реагировали на возможность функционирования на их территории религиозного объединения. Согласно конъюнктуре советской эпохи, сам факт функционирования зарегистрированного религиозного объединения на территории того или иного района или города являлся показателем высокой религиозной активности и свидетельствовал о существенных недостатках в атеистической работе местных органов власти. Поэтому последние стремились не только всячески препятствовать регистрации религиозных объединений, но и сознательно занижали количество нелегально

действующих общин и групп при подаче сведений о них уполномоченному.

В рамках генеральной линии партии и правительства в религиозном вопросе, проявления антирелигиозной активности на местах во многом зависели от личного отношения к религии представителей местных властей, в частности, от председателей тех или иных райисполкомов и сельсоветов. В зависимости от того насколько был лоялен или наоборот, враждебно настроен, местный руководитель к религии, зависело – быть зарегистрированной или нет той или иной религиозной общине.

О правомерности данной точки зрения говорят следующие факты: в середине 1950-х гг. на территории Татарской АССР действовали четырнадцать зарегистрированных мусульманских объединений, четыре из которых – религиозные объединения сёл Кривое Озеро, Курманаево, Степное Озеро и деревни Фомкино – находились на территории Октябрьского района¹⁰². Три – мусульманские объединения города Чистополь, села Татарский Толкиш, деревни Муслюмкино – располагались в Чистопольском районе. Таким образом, половина мусульманских объединений Татарской АССР были сконцентрированы в двух районах из 63, имевшихся тогда в республике. Можно было бы предположить, что здесь решающее значение имела активность и настойчивость самих верующих в реализации своих прав на удовлетворение культовых потребностей. Однако количество поданных заявлений о регистрации религиозных объединений в других районах и городах было более чем значительным. Так, верующие православной общины города Казани с 1942 по 1958 гг. четырежды ходатайствовали об открытии Петропавловского собора и во всех случаях получили отрицательный ответ¹⁰³. Аналогичные ответы поступили на 5 ходатайств (с 1945 по 1958 гг.) верующих села Нижнее Качеево Юхмачинского (ныне Алькеевский) района РТ¹⁰⁴; на 17 ходатайств (с 1945 по 1965 гг., из них 8 только за 1947 г.) верующих города Елабуги¹⁰⁵; на 5 ходатайств (с 1953 по 1957 гг.) верующих села Никольское Куйбышевского района; на 4 заявления (с 1957 по 1958 гг.) мусульман города Агрыз¹⁰⁶; на 7 писем (с 1957 по 1958 гг.) приверженцев ислама города Бугульма¹⁰⁷. Вышеприведенные

¹⁰² Современная административно-территориальная принадлежность упразднённых районов, упоминаемых в монографии, указана в Приложении №9.

¹⁰³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.1. Лл.51-56.

¹⁰⁴ Там же. Д.7. Лл.144-149.

¹⁰⁵ Там же. Д.18. Лл.60-81.

¹⁰⁶ Там же. Оп.1. Д.4. Л.100.

¹⁰⁷ Там же. Л.101.

факты позволяют утверждать о том, что активность и настойчивость верующих могли принести им желаемый результат только в том случае, если они находили понимание и отклик со стороны местных властей.

Достаточно долгое время в исполкомах не было специального структурного подразделения, занимавшегося данными вопросами. Только в 1961 г. в Татарской АССР, как и в других областях и республиках СССР, были образованы группы содействия исполкомам районных и городских Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культах, в 1966 г. преобразованные в комиссии содействия контролю за законодательством о религиозных культах. Им вменялось в обязанность осуществлять повседневный, текущий контроль за религиозными обществами и группами. Большое значение уделялось изучению форм и методов деятельности религиозных объединений, степени их влияния на население вплоть до изучения проповеднической деятельности духовенства, сбору сведений и составлению информационных отчетов о повседневной жизни религиозных объединений и прохождении религиозных праздников (Ураза-байрам, Курбан-байрам). Комиссии функционировали на общественных началах и образовывались из депутатов местного Совета, работников административных, финансовых органов, органов народного образования и других лиц. Обязанности членов комиссии требовали от них непосредственного посещения богослужений, проходящих и в рабочее время, а потому рекомендовалось для этих целей привлекать пенсионеров из числа местных общественных активистов, разбирающихся в вопросах советского законодательства о культах. Председателем комиссии, как правило, утверждали заместителя председателя или секретаря исполкома местного Совета. Количественный состав комиссии определялся исходя из наличия в данном районе действующих религиозных обществ.

В системе контроля за религиозными объединениями таким комиссиям отводилась достаточно серьёзная роль. Для изучения механизма и методов их работы представляет интерес отчёт комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах при Бауманском райисполкоме города Казани¹⁰⁸. В её состав входило девять человек: депутаты райсовета, работники административных и финансовых органов, учителя, врачи. На заседаниях комиссии заслушивались сообщения её членов о выполнении поручений, подготавливались проекты заключений по ходатайствам верующих. В исполкоме

¹⁰⁸ НА РТ. Р.-873. Оп. 2. Д.40. Лл.60-68.

райсовета были заведены специальные регистрационные дела на религиозное объединение Никольского собора и старообрядческую общину. В соборе осуществлялся ежедневный подсчёт посетителей, были попытки провести анализ документов о крещении с целью определения социально-возрастного состава верующих. В планах работы комиссии наблюдался дифференцированный подход в работе с вышеуказанными религиозными общинами, что выражалось в «специализации» членов комиссии на определённой конфессии. Члены комиссии содействия старались как можно чаще посещать собрания «двадцаток» – учредителей религиозного объединения (названных по числу членов – И.Р.), стремясь таким образом изучить религиозную жизнь «изнутри».

Обращает на себя внимание тот факт, что в составе комиссий отсутствовали философы, историки, религиоведы, т.е. представители тех специальностей, которые имели достаточный уровень знаний в области религиозной обрядности и догматики. В связи с тем, что высшие партийно-государственные инстанции считали религию «отживающим явлением», они не видели необходимости в долгом, всестороннем и кропотливом изучении жизни конфессиональных объединений. Преобладание в составе комиссий представителей профессий административного характера предопределяло и стиль их работы. А так как комиссии создавались на общественных началах, ввиду чего работа в них не могла быть основной сферой деятельности её членов, в работе комиссии неизбежно присутствовал элемент спонтанности и фрагментарности.

К тому же в отчётах многих комиссий отсутствовала объективность в отношении освещения деятельности незарегистрированных религиозных групп и общин. Старая «болезнь» местных властей – стремление к сокрытию фактической религиозной обстановки в городе или районе – стала характерной и для комиссий, что вполне понятно, поскольку они действовали при исполкомах городских и районных советов. По этой причине республиканские и союзные органы не смогли решить проблему получения достоверной информации об уровне религиозности на местах, так же, как не смогли добиться оперативности её поступления. В целом, в большинстве случаев комиссии не всегда справлялись с возложенными на них задачами. По словам уполномоченного СДПК при СМ СССР по Татарской АССР Ф.С.Мангуткина, «созданные группы содействия по наблюдению и контролю за деятельностью религиозных организаций и духовенства при исполкомах работают очень плохо»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Л.185.

В структуре органов власти, задействованных в осуществлении политики государства в области религии, исполкомы Советов депутатов трудящихся и созданные при них комиссии содействия контролю за законодательством о религиозных культах являлись низовым звеном. Однако во многом именно от их активности зависели условия функционирования религиозных обществ и групп верующих, степень «дозволенного» в деятельности незарегистрированных религиозных объединений и священнослужителей.

Важное место в реализации политики государства в области религии занимал такой аспект, как массовая пропаганда атеистического мировоззрения. Наиболее распространённой формой её осуществления являлась лекционная пропаганда. После распада СБВ в Татарской АССР её вопросами занималось в основном республиканское отделение общества «Знание» – всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (образовано в 1947 г.). Данное общество объединяло учёных, преподавателей ВУЗов и техникумов, учителей, специалистов различных отраслей. Количество лекторов, задействованных в нём, было весьма значительным, в частности, в Татарском отделении этого общества в 1986 г. состояло 32090 человек¹¹⁰.

Работа каждой первичной организации вышеуказанного общества строилась согласно годовому плану-графику на каждую лекционную аудиторию. Данный документ составлялся в том или ином трудовом коллективе, «с учётом заказа и интереса его членов организаторами лекционной пропаганды»¹¹¹, после чего он утверждался председателем первичной организации общества «Знание» и секретарём первичной партийной организации. Затем каждый план-график согласовывался с правлением районной (городской) организации общества и райкомом (горкомом) КПСС. План-график одновременно являлся заявкой на лекторов, а также контрольным и отчётным документом.

В системе лекционной пропаганды такая часть работы, как планирование лекций, определение тематической направленности и контроль за «качеством» их проведения, осуществлялась партийными комитетами (бюро), а организация общества «Знание» обеспечивала все запланированные лекции своими лекторами.

Наряду с лекторами общества «Знание», в республике действовали лекторские группы обкома, горкомов и райкомов КПСС, в которые входили в основном руководящие работники городов и районов. Они были призваны оказывать помощь в проведении занятий по политиче-

¹¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 14. Д.394. Л.1.

¹¹¹ Там же. Л.16.

ской учёбе, а также выступали перед населением. В 1985 г. подобных лекторов насчитывалось более 1300 человек, за один год ими было прочитано более 15 тысяч лекций¹¹².

Таким образом, для реализации политики в области религии в регионах была создана многоступенчатая структура органов власти, представленная партийными, специальными (уполномоченные СДР при СМ СССР), ведомственными и местными органами. По возложенным функциям среди них можно выделить две категории: 1) непосредственные исполнители – исполкомы районных и городских Советов депутатов трудящихся (включая, действовавшие при них комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах); министерства, проводившие атеистические и антирелигиозные мероприятия в соответствии со своей ведомственной принадлежностью. К данной же категории относится и местное отделение общества «Знание» – общественной организации, осуществлявшей лекционную пропаганду; 2) органы власти, выполнявшие координирующие, консультативные и контролирующие функции – уполномоченные СДР при СМ СССР по Татарской АССР, партийные органы и КГБ. Следует отметить, что данные структуры были наделены вышеуказанными функциями в неравной степени. К примеру, уполномоченным в большей степени были присущи координирующие и консультативные функции, а партийным органам и КГБ – контролирующие.

В совокупности все вышеупомянутые органы власти и общественные организации решали задачу практической реализации установок партийно-государственной элиты в отношении религии. Следует учитывать, что при этом немаловажную роль играл и субъективный фактор, т.е. личное отношение тех или иных руководителей и сотрудников властных структур к религии.

1.3. Положение религиозных объединений Татарстана к началу 1940-х гг.

К 1917 г. на территории Казанской губернии, кроме традиционных конфессий этого региона – ислама и православия – были распространены и другие верования. Здесь действовали общины католиков, лютеран, иудеев, старообрядцев белокриницкого и беспоповского согласия, различных протестантских течений (евангелисты, баптисты, пятидесятники, адвентисты)¹¹³. В соответствии с законодательством Россий-

¹¹² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 14. Д.394. Л.1.

¹¹³ Религиозные объединения Республики Татарстан: Справ. / Под ред. Р.А.Набиева – Казань, 1997. – С.82.

ской империи вышеперечисленные конфессии были наделены разными правами и обязанностями. С принятием большевиками в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России» все существовавшие национально-религиозные привилегии и ограничения были отменены, каждой конфессии для реализации своих религиозных потребностей предоставлялись равные права¹¹⁴.

В первое десятилетие Советской власти её отношение к конфессиям в известной степени было дифференцированным: в несколько более предпочтительном положении находились мусульмане, а также последователи евангельских и баптистских сект. Причина этого в каждом из случаев была специфична. В мусульманском обществе ислам является не просто религией, а образом жизни. Насильственные перемены в традиционном укладе мусульманских народов могли привести к широкомасштабным выступлениям против новой власти. Поэтому на определённом этапе политика Советского государства в отношении ислама была относительно гибкой. Её проявлениями стали: «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», где утверждалась неприкосновенность их верований, обычаев и национально-культурных учреждений¹¹⁵; возвращение мусульманам таких реликвий, как Коран Османа, башня Сююмбике в Казани, Караван-Сарай в Оренбурге¹¹⁶; разрешение преподавания в мечетях мусульманского вероучения (на основании постановлений Президиума ВЦИК от 9 июля и 28 июля 1924 г. (были отменены в 1928 году решением Президиума ЦИК СССР)¹¹⁷. Отражением данной тенденции в Татарской АССР стало продолжение сооружения Закабанной мечети в Казани и строительство мечетей в сёлах республики¹¹⁸. Однако, уже в конце 1920-х гг. политика Советского государства в отношении ислама «нивелируется» до уровня остальных конфессий, в основных чертах выражаясь в насильственном закрытии молитвенных зданий, репрессиях в отношении верующих и духовенства.

Что касается евангельских христиан и баптистов, то власти использовали их как инструмент борьбы с влиянием Русской православной церкви. В этой связи, с учётом наличия в сектантской догматике пацифистских идей, 4 января 1919 г. был принят Декрет «Об освобождении»

¹¹⁴ Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. – М., 1984. – С.14-15.

¹¹⁵ Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С. 70.

¹¹⁶ Там же. – С.71.

¹¹⁷ Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002. – С.87.

¹¹⁸ Мечети Татарстана. – Казань, 2000. – С.27.

дении от воинской повинности по религиозным убеждениям» (правда, возможность отказа от военной службы носила в основном декларативный характер). Непосредственно в Казани в 1920-1930-е гг. имела место практика передачи властями православных храмов общинам евангельских христиан¹¹⁹.

С целью разобщения Русской православной церкви, в 1923 году властями было инициировано создание обновленческой церкви. В этой связи, наряду с Казанской епархией, в Казани до 1938 года действовало и обновленческое Епархиальное управление.

Сформированное к концу 1920-х гг. советское законодательство о культах вместе с антирелигиозной пропагандой, приносили свои плоды. В обстановке преследований и гонений значительная часть духовенства была вынуждена оставить свою деятельность, а те, кто этого не сделал, большей частью подверглись репрессиям. Так, согласно сведениям Д.В.Поспеловского, «... в течение 30-х годов число священников на исконной территории Советского Союза понизилось на 95%»¹²⁰. По данным Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, всего за годы Советской власти репрессиям были подвергнуты 500 тысяч религиозных деятелей, из них 200 тысяч были казнены¹²¹. Незначительная часть духовенства, сумевшая избежать прямых репрессий, была взята на особый учёт. Каждый служитель культа был обязан пройти через подробное анкетирование, которое определяло степень лояльности этого лица к существующему режиму. Деятельность оставшихся религиозных объединений находилась под надзором сотрудников и негласных осведомителей НКВД. В случае обнаружения ими каких-либо нарушений законодательства о культах, представители духовенства и верующих подвергались аресту.

Как и в других регионах страны, в Татарской АССР также прошла волна репрессий в отношении духовенства и верующих. К примеру, в 1930 году было инициировано дело «о контрреволюционной, религиозно-монархической организации филиала контрреволюционного центра "истинно-православной церкви" в Татарской АССР», в ходе которого были осуждены бывшие профессора Казанской духовной академии В.И.Несмелов и Н.В.Петров, бывший казанский викарный епископ

¹¹⁹ Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С.20.

¹²⁰ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. – С.169.

¹²¹ Красиков А.А. Государственный атеизм// Религиозный фактор в европейской и российской политике. – М., 2000. – С. 81.

И.Удалов, епископ Н.Трезвинский, священник Н.М.Троицкий и др.¹²². В том же году ОГПУ возбудило дело о «раифовском монастыре». В рамках него 44 человека, в числе которых были и священнослужители Иосиф, Сергей, Варлаам, Антоний, Иов и Пётр, были обвинены в убийстве семерых красноармейцев, произошедшем в 1920 году на территории Раифского монастыря, а также антисоветской агитации и сокрытии церковных ценностей¹²³. В 1931 году в антисоветской деятельности в Елабуге были обвинены 69 человек – часть священнослужителей города и бывших монахинь располагавшегося здесь Казанско-Богородицкого женского монастыря¹²⁴.

В отличие от антирелигиозной кампании 1918-1925 гг., когда основной удар был направлен против Русской православной церкви, в конце 1920-х – 1930-е гг. репрессивные мероприятия проводились в отношении всех без исключения конфессий. Так, уже в 1928 гг. в Казани прошёл процесс по делу так называемого «нелегального медресе», в рамках которого по обвинению в «нелегальном» обучении шакирдов различным мерам наказания подверглись известные религиозные деятели того времени – мухтасиб Казани Ш.Шараф (в 1938 г. по делу ЦДУМ был приговорён к высшей мере наказания. – Р.И.), бывший преподаватель Азимовского медресе Д.Низамутдинов, имам-хатыб мечети 7 прихода Т.Алтынбаев и имам К.Гафаров¹²⁵. В последующие годы, по данным А.Л.Литвина, «... в Татарии были расстреляны десятки мулл»¹²⁶. Количество же репрессированных служителей культа всех конфессий в ТАССР, только за 1932-33 гг. составило 234 человек¹²⁷.

В то же время, согласно отчётам районных исполнительных комитетов Комиссии по вопросам культов при ЦИК ТАССР, в начале 1930-х гг. в отдельных районах республики ещё функционировало значительное число культовых зданий. К примеру, по данным на 1932 год, в Пестречинском районе из 34 имеющихся культовых зданий было закрыто

¹²² Литвин А.Л. Запрет на жизнь: сталинские репрессии в Татарстане. – Казань, 1993. – С.27.

¹²³ Татарский энциклопедический словарь/ Гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань, 1999. – С.460.

¹²⁴ Елдашев А. Елабужский монастырь: история длиною почти в полтора столетия // Гасырлар авазы – Эхо веков. – №3/4. – 2003. – С. 60-64.

¹²⁵ Подробнее о деле «нелегального медресе» см.: Минуллин И. Дело «нелегального медресе» в Казани. 1927-1928 гг.// Гасырлар авазы – Эхо веков. – №3/4. – 2002. – С.110-117.

¹²⁶ Литвин А.Л. Запрет на жизнь: сталинские репрессии в Татарстане. – Казань, 1993. – С.28.

¹²⁷ Книга Памяти жертв политических репрессий / Гл. ред. А.А.Иванов. – Ч.1.– Казань, 2000. – С.61.

только одно¹²⁸. По другим районам статистика, подтверждающая данную ситуацию, выглядит следующим образом: в Акташском районе – 25 и 2¹²⁹; в Бугульминском районе – 29 и 4¹³⁰; в Лаишевском районе – 33 и 6 (в том числе и монастырь, закрытый в 1923 году)¹³¹; в Тетюшском районе – 41 и 8¹³²; в Рыбно-Слободском районе – 79 и 15¹³³. В этот период, в Казани также ещё действовали 14 храмов Русской православной церкви¹³⁴.

Для религиозных объединений Татарской АССР наиболее тяжёлым временем стал период 1939-1941 гг., начало которого совпало по времени с проведением XVIII съезда ВКП(б). На съезде было объявлено о завершении (в основном) строительства социалистического общества в СССР и, разумеется, в «стране победившего социализма» не могло быть места такому «пережитку» общественного сознания, как религия. В этой связи партийные и советские руководители на местах принялись рьяно искоренять «пережитки прошлого». Так, в Калининском районе к 1941 г. было закрыто 68 молитвенных зданий, из них 52 – в период 1939-1941 гг.¹³⁵ В других районах республики эти цифры распределились следующим образом: в Муслумовском районе – 48 и 29¹³⁶; по Юдинскому району – 25 и 18¹³⁷; по Высокогорскому – 21 и 14¹³⁸; по Дубъязскому – 55 и 30¹³⁹; по Кайбицкому – 23 и 17¹⁴⁰; по Тельманскому – 23 и 17¹⁴¹; по Рыбно-Слободскому – 36 и 22¹⁴²; по Тюлячинскому району – 45 и 40¹⁴³ и т.д.

Обыденным явлением в деятельности Президиума Верховного Совета ТАССР стала практика, когда на одном заседании принималось решение о закрытии свыше десятка культовых зданий. Так, только одним Указом Президиума Верховного Совета ТАССР от 5 мая 1939 г. было закрыто 23 молитвенных здания.

¹²⁸ НА РТ. Ф.Р.732. Оп.6. Д.36. Л.15.

¹²⁹ Там же. Л.26.

¹³⁰ Там же. Л.9.

¹³¹ Там же. Л.59.

¹³² Там же. Л.30.

¹³³ Там же. Л.25.

¹³⁴ Там же. Л.154.

¹³⁵ Там же. Ф.Р-873. Оп.2. Д.26. Л.27об.

¹³⁶ Там же. Л.19.

¹³⁷ Там же. Д.19. Л.12.

¹³⁸ Там же. Д.16. Л.17.

¹³⁹ Там же. Д.26. Л.33об.

¹⁴⁰ Там же. Д.9. Л.34.

¹⁴¹ Там же. Д.28. Л.18.

¹⁴² Там же. Д.30. Л.23.

¹⁴³ Там же. Д.3. Л.25.

В числе молитвенных зданий, закрытых в 1939 г., был и Казанский Петропавловский собор. Поводом для этого послужило то, что община верующих в должной мере не обеспечивала «полное сохранение исключительно ценных архитектурных особенностей ... церкви...»¹⁴⁴. Подобная формулировка Президиума Казанского городского Совета повлекла за собой Указ Президиума Верховного Совета ТАССР от 13 августа 1939 г., о «... закрытии Петропавловской церкви г. Казани и передаче здания ... Наркомпросу ТАССР для использования под антирелигиозный музей и лекционный зал»¹⁴⁵. Подобные действия властей носили массовый характер.

К началу Великой Отечественной войны политика Советского государства в отношении религии почти достигла своей цели. По официальным данным тех лет, с каждым днём увеличивалось число деревень, посёлков, городов и районов, в которых не было ни одного официально действующего молитвенного здания и религиозного объединения¹⁴⁶. В этом отношении не стала исключением и Татарская АССР. К 1941 г. на её территории официально действовали всего лишь две общины Русской православной церкви – в городах Казани и Мензелинске.

Сведения о количестве официально действующих в республике мусульманских религиозных объединений – неоднозначны. В статистических сведениях уполномоченного СДРК по Татарской АССР, датируемых второй половиной 1940-х гг., пять мусульманских религиозных объединений в графе «дата регистрации» обозначены следующим образом: «зарегистрированы как ранее действующие», т.е. прошедшие перерегистрацию¹⁴⁷. В этой связи можно предположить, что к началу Великой Отечественной войны на территории Татарстана официально действовало по крайней мере пять мусульманских объединений.

Что касается протестантских общин, то согласно сведениям И.П.Корнилова по данной конфессии к концу 1930-х гг. на территории республики не осталось официально действующих объединений¹⁴⁸. Однако, не менее 16 групп евангельских христиан в это время действовали в Татарской АССР нелегально¹⁴⁹. В отношении объединений других конфессий (католических, старообрядческих, иудейских) республики сведения ещё более скудные. В официальных документах отсутст-

¹⁴⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.1. Л.26.

¹⁴⁵ Там же. Л.41.

¹⁴⁶ Барменков А.И. Свобода совести в СССР. – М., 1979. – С.162.

¹⁴⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.7. Л.8, 9. Подробнее см. Приложение №5.

¹⁴⁸ Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С.20.

¹⁴⁹ Там же.

вуют данные, которые подтверждали бы факт легитимного функционирования религиозных общин этих верований на период начала Великой Отечественной войны. Вероятно, часть их была ликвидирована властями, а часть была вынуждена действовать на неофициальном уровне.

В целом, о размахе антирелигиозной кампании свидетельствует такая цифра – в 1935-1941 гг. в Татарской АССР было закрыто около 1,5 тысяч молитвенных зданий¹⁵⁰.

Подводя итог положению религиозных объединений Татарстана к началу Великой Отечественной войны, можно отметить следующее: 1) если в первое десятилетие Советской власти, по политическим причинам отношение властных структур к религиозным конфессиям в известной степени было дифференцированным, то с конца 1920-х гг. отношение государства к конфессиям унифицируется – гонениям подвергаются все вероисповедания республики; 2) начиная с 1920-х гг. властями инициируются политические дела против духовенства, являвшегося основополагающим элементом религиозной жизни; 3) в ходе кампаний по закрытию культовых зданий 1920-30-х гг. из сферы религиозных отношений была изъята большая часть имевшихся в республике церквей, мечетей и других зданий культа.

Результаты исследования основных составляющих элементов государственно-конфессиональных отношений в изучаемый нами период, позволяют сделать следующие выводы:

1. партийно-государственная элита, изначально рассматривая идеалистическое мировоззрение как угрозу господствующей в советском обществе коммунистической идеологии, сформировала в отношении конфессий соответствующее законодательство. С одной стороны, оно декларировало принцип свободы совести, а с другой, санкционировало установление всеобъемлющего контроля над верующими и духовенством, с целью полного искоренения религии;

2. для реализации этой цели были задействованы различные государственные, советские и общественные организации, имевшие свою иерархию и «фронт» работы;

3. весь комплекс принятых властями Татарской АССР антирелигиозных мероприятий, привёл к тому, что к началу 1940-х гг. в республике практически не осталось официально действующих религиозных объединений, верующие и духовенство в глазах общества были искусственно дискредитированы.

¹⁵⁰ Подсчитано нами по: НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Дд.1-46.

Глава II

Взаимоотношения властных структур и религиозных объединений в Татарстане в 1940-1980-е гг.

§2.1. Религиозные объединения в 1941-1947 гг.

К началу Великой Отечественной войны в результате массовой атеистической пропаганды, репрессий в отношении верующих и духовенства, а также после трёх общесоюзных антирелигиозных кампаний, религиозные объединения в Татарской АССР находились на грани полного уничтожения.

Ситуация стала меняться в 1941 г., с началом Великой Отечественной войны. Представители всех конфессий, действовавших на территории СССР, выступили с патриотическими воззваниями к своим последователям. В пастырском послании митрополита Сергия, разосланном по всем приходам, были следующие слова: «Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. ... Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге пред Родиной...»¹⁵¹. С июня месяца 1941 по август 1944 г. было опубликовано 30 обращений митрополита (с сентября 1943 г. – патриарха Московского и Всея Руси) Сергия к духовенству и верующим с призывом к сплочению в борьбе за Родину¹⁵².

С патриотическим призывом выступили и представители ислама. В нём говорилось: «Центральное духовное управление мусульман СССР призывает всех правоверных встать на защиту родной земли, молиться в мечетях за победу Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело»¹⁵³.

Патриотическая деятельность верующих и духовенства выражалась в самых различных формах, начиная от непосредственного участия в боевых действиях на фронте и заканчивая сбором в тылу материальных средств в фонд Красной Армии. К примеру, в одном из своих воззваний от 14 октября 1941 г. митрополит Сергей призвал верующих «пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам», а в декабре 1942 года по его же инициативе был начат сбор средств для формирования танковой колонны имени Дмитрия Донского. В Татарской АССР религиозными объединениями городов Казани и Мензе-

¹⁵¹ Цит. по: Поспеловский Д.В. Указ соч. – С.184.

¹⁵² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Л.18.

¹⁵³ Цит. по: Курсов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. – М., 1982. – С.92-93.

линска к марту 1944 г. в фонд обороны страны было собрано 1272,4 тыс. руб. Кроме того, государству было сдано около 4 фунтов золота и собраны подарки бойцам и командирам Красной Армии – всего 476 предметов¹⁵⁴.

Тот факт, что религиозные организации заняли патриотическую позицию и выразили готовность всемерно поддержать и оказать содействие Советскому правительству в его борьбе с внешним агрессором, стал логическим продолжением курса религиозных организаций на «мирное сосуществование» с враждебно настроенной по отношению к ним властью. По словам А.Б.Юнусовой, «и до войны как церковь, так и верующие зачастую активно поддерживали всевозможные начинания и кампании советов, ... не противопоставляли себя стране и властям»¹⁵⁵. Новым же явлением во взаимоотношениях государства и церкви стала ответная реакция властей, выразившаяся в относительном смягчении политики государства в области религии. Причиной этих шагов стала ситуация как внутри страны, так и за рубежом.

Жесткий контроль, установленный сталинским режимом над всеми сторонами общественной жизни, в т.ч. духовной, подавление любых проявлений несоответствия с советским образом жизни и мышления, в условиях военного времени был невозможен. Как известно, социальные катаклизмы, к числу которых относятся войны, обуславливают эмоциональный кризис у большинства индивидов общества. В такие периоды актуализируются и становятся особенно востребованными стабилизирующие и интегрирующие функции религии. Поэтому неудивительно, что в эти годы многие верующие стали открыто выражать свою приверженность к той или иной конфессии, посещая молитвенные здания и отправляя обряды, игнорируя тем самым многие запреты и ограничения.

Одной из причин, повлекших корректировку политики государства в отношении религии, и как следствие, введение некоторых новшеств в советское законодательство о культурах, стала международная ситуация. Перед Советским Союзом, в одиночку ведущим войну с фашистской Германией, стояла важная задача – открытие второго фронта. В этих условиях демократизация некоторых сторон жизни Советского общества могла благоприятно сказаться на ходе переговоров с союзниками. Дело в том, что с целью скорейшего открытия второго фронта на лидеров стран-союзниц оказывалось значительное давление

¹⁵⁴ Подсчитано нами по: НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Лл. 8,13, 25, 26. Однако, по подсчётам Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Ф. Горбачёва, общая сумма пожертвований составляет 1 273 413 руб.

¹⁵⁵ Юнусова А.Б. Указ соч. – С.200.

со стороны различных общественных организаций этих государств. В Великобритании таковым являлся Объединённый комитет помощи СССР, возглавляемый настоятелем Кентерберийского собора Х.Джонсоном. В свою очередь англиканская церковь, представителем которой являлось вышеупомянутое лицо, настойчиво добивалась разрешения Сталина посетить Советский Союз. Чтобы произвести «нужное» впечатление на делегацию, Советскому правительству было необходимо пересмотреть некоторые самые жёсткие и одиозные моменты в своей религиозной политике. К тому же, по словам Д.В.Поспеловского, «Черчилль и Рузвельт дали ему (Сталину – И.Р.) понять, что настроить общественное мнение их стран в пользу Советского Союза могут сведения о религиозной свободе в СССР»¹⁵⁶. Поэтому не случайно официальное признание властями заслуг религиозных организаций и верующих произошло накануне переговоров на высшем уровне в Тегеране.

Таким образом, по совокупности причин и обстоятельств, к осени 1943 г. Советским правительством была осознана необходимость заключения перемирия с религиозными организациями. Ввиду того, что большая часть верующих Советского Союза являлись приверженцами Русской православной церкви, первый шаг к сравнительной нормализации отношений между государством и религиозными организациями был сделан в отношении именно этой конфессии. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В.Сталина с главами Русской православной церкви, в ходе которой были приняты решения, ознаменовавшие новый этап в отношениях государства и религии. В дальнейшем, это выразилось в принятии правительством «смягчающих» постановлений и директив.

Потепление отношений между государством и Русской православной церковью распространилось также и на другие конфессии, действовавшие на территории Советского Союза. Важным событием для мусульман страны, стало разрешение на совершение хаджа группе верующих из 17 человек, в которой квота от Татарской АССР составляла два человека. В 1943 г., в дополнение к действующему ЦДУМ (с центром в г. Уфе), были образованы ещё три духовных управления мусульман – Северного Кавказа (в Буйнакске), Закавказья (Баку), а также Средней Азии и Казахстана (Ташкент). Таким образом, государство стремилось воздействовать на сознание верующих с целью дальнейшего стимулирования и усиления их патриотической деятельности.

Среди перечисленных духовных управлений мусульман статус

¹⁵⁶ Поспеловский Д.В. Как Сталин церковь возродил // Независимая газета. – 2000. – 12 июля.

неформального лидера приобрело Среднеазиатское духовное управление, в ведении которого находилось единственное на территории СССР высшее мусульманское учебное заведение – медресе Мир-Араб (г. Бухара). В этой связи, «...прочие духовные управления стали рассматриваться властями как второстепенные, представляющие периферию «советского ислама»¹⁵⁷.

Для властей основным показателем, выражавшим усиление религиозных проявлений населения, стали массовые заявления верующих с просьбой о регистрации религиозных объединений и открытия молитвенных зданий. До сентября 1943 г., то есть официального начала либерального курса в религиозной политике, ходатайства верующих оставались без положительных решений и это понятно, так как в условиях тоталитарного режима, без соответствующих директив «сверху», представители власти на местах не могли самостоятельно изменить своего отношения к столь важному вопросу. Более того, в 1941-1942 гг. в отдельных населённых пунктах ТАССР продолжалось закрытие молитвенных зданий. К примеру, 10 января 1941 г. в Атинском районе было закрыто 9 мечетей, 11 марта того же года закрыта церковь в с. Верхний Акташ Акташского района¹⁵⁸. Только после серии законодательных актов, официально ознаменовавших некоторое смягчение политики Советского государства в области религии, стало возможным удовлетворение властями в середине 1940-х гг. несравнимо малой части ходатайств верующих республики о регистрации религиозных объединений. Так, с 1944 по 1947 гг. в Татарской АССР подверглись перерегистрации и регистрации 34 религиозных объединения (без учёта объединений Русской православной церкви городов Казани и Мензелинска)¹⁵⁹. В то же время, лишь за 1944 г. только от православных объединений республики поступило 46 ходатайств.

В другой сфере государственно-конфессиональных отношений – атеистической пропаганде, существенные перемены произошли уже с началом войны. Сообразно с новыми реалиями коррективам подверглась деятельность СВБ – массовой атеистической организации, призванной вести агитационно-пропагандистскую работу среди верующих. Центральный Совет СВБ предписал областным, краевым и республиканским отделениям в своей деятельности руководствоваться незыблемой на его взгляд аксиомой о том, что усиление религиозности среди значительной части населения представляет собой временное

¹⁵⁷ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998. – С.58.

¹⁵⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.6. Л.25.

¹⁵⁹ Там же. Оп.1. Д.4. Л.33. Полный перечень зарегистрированных религиозных объединений см. в Приложении №5.

явление, вызванное исключительно обстоятельствами военного времени.

По словам председателя областного Оргбюро СВБ Татарской АССР З.И.Мелешенко, «... с момента начала войны, во многих районах работа СВБ начала сворачиваться, а подчас совсем прекращаться»¹⁶⁰. Поэтому с целью активизации деятельности первичных ячеек СВБ на местах и формирования новых методов работы в условиях войны З.И.Мелешенко были разработаны тезисы «О целях и задачах СВБ в период Великой Отечественной войны Советского народа против фашистских захватчиков». Согласно этому документу, всю деятельность СВБ можно условно разделить на организационно-массовую и агитационно-пропагандистскую работу.

К первой относились: оформление и структурное укрепление районных и городских первичных ячеек СВБ, учёт проводимой работы, возобновление регулярного сбора членских взносов, вербовка новых членов в ряды СВБ. Примечательно, что в качестве мощного агитационного средства для оживления деятельности и привлечения новых кадров в своё общество, руководство СВБ предлагало использовать тот факт, что 2/3 всех собранных по членским взносам средств передавались на нужды обороны страны. Для членов СВБ это служило своеобразным показателем практической помощи, собственной востребованности и значимости в деле борьбы с общим врагом. Поэтому, по мнению Мелешенко, «... каждый приём членского взноса от члена СВБ является благоприятным моментом для агитации за вступление в члены СВБ»¹⁶¹. При этом такой способ привлечения новых кадров, как агитация «за борьбу с религиозными предрассудками», отошёл на второй план.

Что касается агитационно-пропагандистской деятельности СВБ, то здесь он перешёл с огульной и безудержной критики религии на более «мягкие» формы воздействия. В вышеупомянутых тезисах Мелешенко подчёркивала: «Сейчас (имеется в виду 1943 г. – И.Р.) эта работа должна выполняться иными путями, чем прежде»¹⁶². Непосредственно это выразилось в замене «острых» антирелигиозных лекций и докладов довоенного периода (таких, как «Был ли Христос» и «Происхождение пасхи») на лекции, пропагандирующие естественнонаучные знания, без прямого противопоставления последних религии. В директивах З.И.Мелешенко райсоветам СВБ Татарской АССР было обращено внимание на тот факт, что в некоторых районах не были учтены

¹⁶⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.890. Л.13.

¹⁶¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.890. Л.14.

¹⁶² Там же. Л.13.

особенности текущего времени. В частности, в Больше-Тархановском (ныне территория Тетюшского района) и некоторых других районах проходили лекции на тему «Религия и церковь на службе германского фашизма»¹⁶³. Руководством республиканского СВБ предлагалось акцентировать внимание на проведении научно-популярных лекций по вопросам Советской Конституции, естествознания, агрономии, медицины; шире привлекать к лекционной работе учителей, медицинских и ветеринарных работников, а в качестве так называемых «беседчиков» (в организуемых на предприятиях беседах атеистической направленности) – учащихся техникумов и выпускников средних школ¹⁶⁴.

Огромное значение для усиления патриотических настроений среди верующих приобрела демонстрация варварского отношения фашистов к религии на оккупированных ими территориях. В этот период становится актуальным формирование образа единственного врага верующих в лице фашизма. Активистам СВБ в беседах и лекциях предписывалось использовать рассказы и воспоминания очевидцев о бесчинствах и расправах над служителями культа и верующими, актах вандализма над молитвенными зданиями. При этом в методических указаниях председателя областного Оргбюро СВБ Татарской АССР говорилось о необходимости противопоставить «бесчеловечному и отупляющему строю фашизма – свободный, защищающий человеческое достоинство, советский строй»¹⁶⁵. Правда, подобное сравнение вряд ли могло быть использовано советской пропагандой эффективным образом, так как действия властей по отношению к верующим и духовенству в довоенный период невозможно характеризовать как «защищающие человеческое достоинство».

О смещении акцентов в работе СВБ говорит и тематика лекций, рекомендованных З.И.Мелешенко райсоветам СВБ республики. По их заглавиям можно проследить тенденцию к более гибким и мягким формам атеистической пропаганды. В сентябре 1944 г. вышло постановление ЦК КПСС, «призывавшее к усилению антирелигиозной пропаганды через пропаганду научного мировоззрения»¹⁶⁶. В этой связи руководство республиканского СВБ предложило своим первичным ячейкам провести следующие лекции: «Как фашистские оккупанты относятся к церковным организациям, служителям культа и верующим»; «Советская агрохимическая наука – на службу фронту, на борьбу за высокий урожай»; «Борьба за санитарное состояние тыла, за оз-

¹⁶³ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.890. Л.14 об.

¹⁶⁴ Там же. Л.12об., 13.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Поспеловский Д.В. Указ соч. – С.256.

доровление быта трудящихся»; «Советская медицина в борьбе за жизнь и здоровье бойцов Красной Армии»; «Доноры – борцы за спасение больных и раненых защитников родины»; «Сталинская Конституция и свобода вероисповеданий в СССР»¹⁶⁷.

Однако несмотря на вышеперечисленные попытки центрального и республиканского СВБ структурно сохранить и активизировать деятельность первичных ячеек, вскоре они прекратили свою деятельность. Лишь в 1947 г. было образовано общество «Знание», призванное выполнять схожие с СВБ функции.

Своеобразие государственно-конфессиональных отношений в республике на данном этапе заключалось в том, что уполномоченные СДРПЦ и СДРК при СМ СССР по Татарской АССР пытались осуществлять контроль за выполнением законодательства о культах не только применительно к религиозным общинам и группам, но и в отношении исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся. Данное направление работы уполномоченных присутствовало отдельным пунктом в их квартальных планах. В частности, уполномоченный СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР Ф.Ф.Горбачёв на II квартал 1948 г. запланировал «изучить причину фактов вмешательства местных органов во внутрицерковную жизнь и фактов нарушения постановлений правительства СССР о церкви»¹⁶⁸. Однако в дальнейшем, в связи со сменой политической конъюнктуры в отношении религии, подобные пункты в планах работы уполномоченных уступили место другим, предусматривавшим контроль только религиозной стороны.

Говоря о методах работы уполномоченных СДРПЦ и СДРК при СМ СССР по Татарской АССР в 1943-1948 гг., следует отметить их объективность в оценке религиозной ситуации в республике. В качестве примера можно привести стремление уполномоченных подвергнуть регистрации некоторые фактически действующие религиозные объединения, из числа наиболее настойчиво добивавшихся своей легализации и безоговорочно признававших советское законодательство о культах. Это давало возможность получения более объективной информации об уровне религиозности среди населения, а также существенно облегчало осуществление контроля как за самими религиозными объединениями, так и всей религиозной обстановкой в целом. Однако вышестоящие инстанции власти в лице Совета Министров Татарской АССР и Татарского Обкома ВКП(б), а также местные органы в лице исполкомов Советов депутатов трудящихся, весьма неохотно шли на

¹⁶⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.890. Л.16.

¹⁶⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.3. Л.84.

принятие подобных решений, так как массовое их применение означало бы неминуемый рост числа зарегистрированных религиозных объединений. Численность же последних для советской пропаганды являлась основным показателем религиозной активности населения. Поэтому даже в период максимально лояльного отношения государства к религии подобные действия в массовом порядке были невозможны, хотя в исключительных случаях они допускались.

Данные положения подтверждаются практикой. К примеру, в период с 1945 по 1947 гг. группы православных верующих настойчиво ходатайствовали об открытии церквей в городе Елабуге, а также в сёлах Верхняя Кармалка Первомайского района, Кармалы Шереметьевского района, Чинчурино Тетюшского района. При этом ходатайства верующих были поддержаны Казанским архиепископом Гермогеном и Патриархом Московским и всея Руси Алексием, мнения которых, в свою очередь, были одобрены председателем СДРПЦ при СМ СССР Г.Г.Карповым и заместителем председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгиным. Тем не менее, в марте 1946 г. уполномоченный СДРПЦ при СМ СССР по ТАССР Ф.Ф.Горбачёв в служебной записке на имя Г.Г.Карпова писал: «Тов. Шарафеев (председатель Совета Министров Татарской АССР. – И.Р.) прямо заявил, чтобы «по этим вопросам ко мне не ходили, решать не буду до тех пор, пока не будет согласия тов. Муратова (1-й секретарь Татарского Обкома. – И.Р.)». Добившись приёма у тов. Муратова приходится уходить без решения вопросов по единственному мотиву, что «... этим увлекаться не будем и что до сих пор не было указаний на неправильное действие»¹⁶⁹. Приведённые факты позволяют говорить о том, что вопреки неписаным законам командно-административной системы, при которой «рекомендации» центральных органов власти подлежали обязательному исполнению на местах, окончательное решение вопроса о регистрации той или иной религиозной общины или группы в конечном итоге оставалось на усмотрение местных властей. Последние в свою очередь вполне обоснованно считали разумным не проявлять излишнего рвения в содействии реализации прав верующих и духовенства, в сущности являвшихся их идеологическими противниками.

Аналогичная ситуация сложилась с ходатайством мусульман Кировского района Казани о регистрации религиозной общины и открытии мечети по адресу Большая улица, 63. К середине 1940-х годов в этом районе сформировались три мусульманские общины. По мнению уполномоченного СДРК при СМ СССР по ТАССР Х.С.Багаева, было целесообразно открыть мечеть по вышеуказанному адресу и зарегист-

¹⁶⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Л.40об.

рировать одну из общин, после чего произошло бы их объединение. Однако предложение уполномоченного не было поддержано представителями местной власти.

Нередко случалось, что практическая реализация решений по удовлетворению ходатайств верующих об открытии того или иного культового здания оказывалась невыполнимой вследствие бюрократических неувязок. К примеру, правовые сложности возникали при передаче религиозным общинам молитвенных зданий, в которых размещались государственные и общественные организации. Дело в том, что в соответствии со статьей 41 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» молитвенные здания, как имеющие особый характер, передавались для использования государственным организациям без исключения из состава национализированного фонда, т.е. временно. Однако СНК республик, не учитывая вышеупомянутой специфики, часто передавали молитвенные здания государственным и общественным организациям на постоянное пользование на правах собственности, а следовательно, не оставляя за собой права возвращения молитвенного здания в случае необходимости его использования по прямому назначению.

Пик религиозной активности населения республики пришёлся на середину 1940-х гг. О его размахе говорит заключение уполномоченного СДРПЦ при СНК СССР по Татарской АССР, выезжавшего для исследования религиозной обстановки в Тельманский район ТАССР. В своём отчёте он отмечает: «В отдельных населённых пунктах Тельманского района, особенно в райцентре с. Мамыково и с. Тюрясево приняли широкие размеры религиозные службы в домах колхозников...»¹⁷⁰. К сожалению, в связи с тем, что уполномоченные долгое время не могли заниматься своими непосредственными обязанностями в полном объеме, информация подобного рода весьма ограничена. О глубине проникновения религиозных воззрений говорит и тот факт, что в план работы уполномоченного СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР на II квартал 1947 г., отдельным пунктом был включён вопрос об изучении влияния церкви на детей школьного возраста, в части посещения ими религиозных служб. Уполномоченный же СДРК при СМ СССР по Татарской АССР в 1947 году в справке о мусульманской общине деревни Фомкино Октябрьского района отмечал, что «колхозники очень верующие. Уразу держат 14-15 летние девочки – почти все»¹⁷¹.

¹⁷⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.120.

¹⁷¹ Там же. Л.89.

В этот же период, а именно 15 ноября 1945 г., в республике необычайно торжественно и широко прошло празднование Курбан-байрама. Из отчёта уполномоченного СДПК при СНК СССР по ТАССР следует, что в Казани в праздничном намазе (проходившем в 6 местах, хотя зарегистрированной в органах власти была только одна мечеть и община мусульман) приняли участие ориентировочно 24 000 – 25 000 человек, причём половина из них были представителями молодёжи и людей среднего возраста¹⁷². Шествие к местам исполнения намаза сопровождалось произношением «Такбир» (молитвенная формула «Аллаху Акбар» – «Аллах – велик!»). В мечети Марджани – единственной официально действующей мечети города Казани – на праздничный намаз собралось около 12 000 – 13 000 человек¹⁷³. Среди них были замечены и люди в военной форме, которые были не только участниками богослужения, но и сами осуществляли жертвоприношения. Военнослужащие и демобилизованные объясняли свой поступок тем, что «на фронте они дали слово – "назер-айту", если останутся живыми, то зарежут богу "курбан"»¹⁷⁴. Всего по сведениям, полученным от служителей культа, в этот день было принесено в жертву около 900 – 1000 овец. Для сравнения, во время праздника Курбан-байрам в 1944 г. было зарезано около 150 – 200 голов скота. Ещё одной особенностью празднования курбан-байрама в 1945 г. стала значительная численность участвовавших в нём детей школьного возраста и женщин. Последним была предоставлена возможность провести молебен 17 ноября в мечети Марджани, где численность собравшихся составила 1 500 – 1 800 человек¹⁷⁵.

В этот день почти во всех деревнях республики были проведены богослужения в частных домах. Ими руководили бывшие муллы и старики, знающие обряды ислама. Количество принесённых в жертву овец колебалось от 3 до 15. Например, в деревне Кляшево Тетюшского района на праздничный намаз в пустующей мечети собралось более 60 человек, из них 30% – пожилых, 40% – среднего возраста и 30% – молодёжи (1928-1930 г.р.). При этом было зарезано 15 овец, причём один из обрядов жертвоприношения исполнил председатель колхоза¹⁷⁶.

Видимо, причиной столь активного участия мусульман республики в праздновании Курбан-байрама стала, с одной стороны – долгожданная победа в Великой Отечественной войне, радость возвращения домой

¹⁷² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.18446. Л.1.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.18446. Л.1.

победителей, и с другой стороны, наоборот, – горечь утраты родных и близких, повлекшая за собой эмоциональный кризис у значительной части населения. Всё это в совокупности определило необычайно высокий уровень религиозной активности населения в первый послевоенный праздник Курбан-байрам. В последующие годы подобной массовости среди верующих уже не наблюдалось.

Из вышесказанного видно, что в данный период открыто выражали свои религиозные чувства не только люди пожилого возраста, но и достаточно молодые и социально активные слои населения республики. Данная тенденция была характерна не только для приверженцев ислама, но также и для представителей других конфессий. Так, в 1946 г. инициатором и организатором подачи заявления верующих об открытии церкви в д. Ключищи Верхнеуслонского района стала бывшая председатель Ключищенского сельсовета¹⁷⁷.

Усиление религиозности населения в военные и послевоенные годы выразилось также в активизации деятельности духовенства. В своем сообщении, датированном 1944 г., уполномоченный СДРК при СНК СССР по ТАССР писал: «Отдельные служители культа, оставившие свою прежнюю деятельность и работавшие ряд лет в Советских учреждениях, в данное время оставляют работу и переходят к своей прежней деятельности»¹⁷⁸. Говоря о духовенстве нельзя не отметить, что оно подвергалось мощному налоговому прессингу со стороны государства. Это создавало ситуацию, при которой духовным лицам было выгоднее отправлять обряды будучи незарегистрированными, т.к. согласно указанию Министерства финансов СССР от 13 декабря 1946 г. доходы бывших священнослужителей, не имеющих своего прихода и постоянного дохода, не облагались налогом. Так, в середине 1940-х гг. в одном из отчетов уполномоченный СДРК при СМ СССР по Татарской АССР указывал: «...бывшие муллы, муэдзины среди верующих татар исполняют: исем кушу, никах, похороны, омывание покойников, ходят по домам в гости, собирают милостыню и живут хорошо, подоходный налог не платят»¹⁷⁹. В то же время, местные фискальные органы нередко вопреки закону облагали налогом и нелегально действующих служителей культа¹⁸⁰.

¹⁷⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.15. Л.51.

¹⁷⁸ Там же. Оп.1. Д.2. Л.18.

¹⁷⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Л.56.

¹⁸⁰ Список зарегистрированных и фактически действующих священнослужителей Октябрьского района Татарской АССР, оплативших подоходный налог в 1949 г., см. в Приложении №6.

В этой связи епископ Казанский Гермоген (в миру Кожин Василий Иванович) в докладной записке на имя председателя Миссионерского Совета при Священном Синоде архиепископа Виталия сообщал, что в 1947 г. в пределах Казанской епархии нелегально занимались религиозной деятельностью 13 православных священников. При этом они, не поддерживая никаких отношений с местным епископом, странствовали по городам и сёлам Татарской АССР, совершая религиозные требы и богослужения. Тем не менее, по утверждению епископа Гермогена, финансовые органы некоторых городов и районов высылали этим священнослужителям извещения об уплате подоходного налога¹⁸¹. Иными словами, они относились к ним как к зарегистрированным, легально действующим служителям культа.

Частичный ответ на вопрос, каким образом это было возможно, даёт план работы уполномоченного СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР на II квартал 1947 г.: «На примере двух-трёх районов ознакомиться с практикой налогового обложения заштатного духовенства (имеется в виду незарегистрированного – И.Р.) и какие результаты даёт эта практика»¹⁸². Видимо, существовала некая негласная директива центральных органов власти, согласно которой и происходило взимание налогов с незарегистрированного духовенства. В дальнейшем она получила официальный статус, а пока была своего рода апробацией одного из методов борьбы с нелегально действующими служителями культа, в данном случае – путём финансового давления на них. К тому же, в своих директивах уполномоченным на местах СДРПЦ и СДРК настойчиво указывали на необходимость установления постоянной связи с Министерствами финансов союзных и автономных республик. В некоторых директивах недвусмысленно указывалось на необходимость сбора соответствующих сведений о незарегистрированных служителях культа с целью их дальнейшей передачи в местные финансовые органы. Так, в письме от 21 декабря 1946 г. заместитель председателя СДРПЦ при СМ СССР Бельшев писал уполномоченному Совету по Татарской АССР Ф.Ф.Горбачёву следующее: «Сообщайте им (т.е. финансовым органам – И.Р.) все имеющиеся в Вашем распоряжении проверенные сведения о зарегистрированном и незарегистрированном духовенстве. При наличии у Вас данных о доходах духовенства также сообщайте их финорганам ... Духовенство с содержанием настоящего письма знакомить не следует»¹⁸³.

Примечательно, что нарушения финансовыми органами существ-

¹⁸¹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Л.84.

¹⁸² Там же. Д.3. Л.68.

¹⁸³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Л.71.

вующих законов в сфере налогообложения духовных лиц допускались достаточно часто. Наряду со случаями принятия на веру, без проверки, показаний самих плательщиков налога об их доходах, имели место факты определения доходов служителей культа без учёта этих показаний, совершенно произвольно или на основании показаний членов исполнительного органа и верующих соответствующего религиозного объединения. Достаточно часто определение величины облагаемого годового дохода осуществлялось исходя из сумм, полученных в наиболее доходные месяцы, а также включения в облагаемый доход не только личного заработка служителей культа, но и церковных доходов и исчисления подоходного налога по совокупному доходу, полученному всем причтом.

Несмотря на указание Министерства финансов СССР о внимательном отношении к вопросам взимания подоходного налога со служителей культа (циркуляр от 17 июня 1946 г.), со стороны последних в 1946 г. поступило несколько жалоб на неправильные действия местных финансовых органов. Так, правящий епископ Казанской епархии Гермоген подал заявление в райфинотдел Молотовского района г. Казани о завышении суммы подоходного налога и допущении произвольных действий при учёте суммы доходности¹⁸⁴. Как было указано в заявлении, в личный доход В.И.Кожина были включены суммы, поступавшие на его счёт от приходов, а затем перечисляемые на счёт Московской патриархии. Поэтому учитывать эти средства в сумме обложения не было оснований, так как они могли быть перечислены на счёт патриархии самими приходами, но по сложившейся практике правящий епископ собирал эти средства у себя, а затем перечислял их в Москву. В другом случае, настоятель Кладбищенской церкви г. Чистополя Троицкий и второй священник этой церкви Куницын подали заявление о снижении суммы подоходного обложения и изменении практики взимания налога, так как финотдел исполкома Чистопольского горсовета обязал местное зарегистрированное духовенство оплачивать подоходный налог ежедневными взносами в размере 200 рублей¹⁸⁵. Священники Мензелинской церкви в своём заявлении указывали, что ревизор Министерства финансов Татарской АССР излишне начислил добавочную сумму в размере 54 тыс. рублей к сумме подоходного налога за 1945 и 1946 гг. Более того, районный финотдел требовал погасить эту сумму дополнительного начисления в течение двухнедельного срока¹⁸⁶.

Недоразумения и спорные вопросы в сфере налогообложения возникали не только относительно духовенства, но и религиозных объеди-

¹⁸⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Л.66.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

нений. К примеру, в середине 1940-х гг. две прихожанки Кладбищенской церкви города Казани, проживающие за несколько кварталов от неё, выпекали из муки, принадлежавшей религиозной общине вышеупомянутой церкви, просфоры для совершения литургии. Часть просфор староста данного религиозного объединения совершенно легально реализовывал верующим. Тем не менее, Молотовский районный финансовый отдел обязал старосту выплатить налог за 1947 г. в размере 128 тысяч рублей. В то же время, по словам Казанского епископа Гермогена, «действовало положение, согласно которому просфоры, выпекаемые из церковной муки не подлежали взиманию налогов»¹⁸⁷, на что представители финансовых органов отвечали, что «...просфоры только в том случае освобождаются от обложения налогом, если они выпекаются только при церкви»¹⁸⁸. В данном случае формально финансовые органы были правы. Однако в сущности, если по каким-либо причинам просфоры изготавливались вне территории, зарегистрированной в органах власти церкви, но для её нужд, факт, где они производились не имел важного значения. Подобные не единичные ситуации представляли возможность для властей на формально абсолютно легитимном уровне если не ликвидировать, то существенно осложнить существование какой-либо религиозной общины.

В середине 1940-х гг. были случаи, когда с незарегистрированных в органах власти религиозных объединений местными финансовыми органами взимались все необходимые налоги как с зарегистрированного, официально действующего религиозного объединения. В такой ситуации оказались верующие религиозной общины д. Нижний Нурлат Октябрьского района, имевшие достаточно оснований для того, чтобы считать свою общину действующей на легальном положении. Поэтому когда через некоторое время райисполком решил переоборудовать занимаемую верующими мечеть под детские ясли, у прихожан этот факт вызвал вполне объяснимое возмущение, что выразилось в отправлении писем с жалобой на действия местных властей в СДРК при СМ СССР. Представители последнего выразили недоумение в том, «почему причину закрытия мечети в райисполкоме верующим объясняют не тем, что мечеть существует незаконно (незарегистрированная), а выдумывают различные несерьёзные причины, которые не могут удовлетворить верующих граждан, а также на каком основании религиозное общество выплачивало все налоги, как зарегистрированная община»¹⁸⁹. Подобные нелегитимные действия финансовых органов были не еди-

¹⁸⁷ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Л.94.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.70.

ничны и, в частности, были применены в отношении незарегистрированных религиозных объединений села Ерыкла и Бикүлово Октябрьского района¹⁹⁰. Подобные случаи имели место и в других районах республики.

Наличие указанных ошибок в действиях местных властей можно объяснить тем, что наказание за слишком суровое отношение к верующим и духовенству носило либо формальный характер, либо такое вообще отсутствовало. Как уже говорилось ранее, куда опаснее было проявлять инициативу в содействии верующим в реализации их прав. Другой причиной могла быть и профессиональная некомпетентность некоторых специалистов, особенно на низовом, районном уровне. В дальнейшем, с повышением общего уровня образования специалистов этот пробел в работе местных органов власти постепенно устранялся.

Вышеприведённые примеры являются свидетельством того, как, несмотря на наличие постановлений и директивных указаний центральных органов власти, призванных способствовать более лояльному отношению к верующим и духовенству, представители местных, низовых звеньев власти, в данном случае сотрудники Министерства финансов ТАССР, не всегда должным образом реагировали на них.

Видимо, здесь давал знать о себе стереотип мышления, выработанный десятилетиями гонений на религию, когда служители последней представлялись руководителям низового звена «злейшими врагами» существующего строя, и потому выполнение «либеральных» директив на местах носило в основном формальный характер. Даже в период наиболее лояльного отношения государства к религии местные власти создавали верующим всяческие бюрократические барьеры. В основном они выражались в поиске поводов для отвода ходатайств о регистрации религиозных объединений. Так, в 1946 г. причиной отклонения ходатайства верующих об открытии церкви в с. Введенская Слобода Верхнеуслонского района, по словам члена исполкома райсовета стало то, что «список верующих был составлен не на собрании группы верующих, а путём обхода по домам»¹⁹¹. Этот факт, по мнению местных властей, был столь серьёзным нарушением правил о регистрации религиозных объединений, что являлся вполне обоснованным доводом для отклонения вышеупомянутого ходатайства. В другом случае, имевшем место в 1946 году, ходатайство об открытии церкви в селе Новошешминск Новошешминского района было подписано лицами, не достиг-

¹⁹⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.151.

¹⁹¹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.15. Л.46.

шими 18-летнего возраста, а в список ходатайствующих были включены семьи из нескольких человек с распиской за всех только одного члена семьи. В итоге, по словам уполномоченного СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР Ф.Ф.Горбачёва, «в силу недоброкачества списка заявление оставлено без рассмотрения»¹⁹². И такие случаи были не единичны. Подобное незнание верующими советского законодательства о религиозных культах вполне устраивало власти, так как давало возможность, если не окончательно предотвратить появление новой религиозной общины, то по крайней мере отложить это событие на неопределённый срок. Учитывая, что наиболее активной частью верующих были люди достаточно преклонного возраста – время становилось лучшим союзником властей. Не последнее значение имел и психологический фактор, а именно боязнь руководителей среднего и низшего эшелона переусердствовать в своём расположении к общности людей, которая ещё совсем недавно рассматривалась как враждебная, и с которой велась непримиримая борьба.

Решающую роль во многих вопросах, возникающих в процессе взаимоотношений между религиозными объединениями и органами государственной власти, могли сыграть какие-либо неблагоприятные (по меркам советского тоталитарного режима) факты в биографиях верующих-активистов. Так, в 1945 г. поводом для отказа в регистрации некоторым религиозным объединениям стали следующие моменты в биографии их активистов: 1) по д. Ибрайкино Аксубаевского района – проверкой было установлено, что инициатор ходатайства во время массовой коллективизации выступал против организации колхоза, за что был привлечён к уголовной ответственности; 2) по д. Волково Красноборского района – от имени общины действовал человек также ранее осужденный советским судом; 3) по д. Кумазан Мамадышского района – от имени общины действовал демобилизованный боец Красной Армии, бывший в плену немцев¹⁹³. Таким образом, наличие каких-либо компрометирующих материалов на верующих, из числа ходатайствующих о регистрации религиозного объединения, имело для органов местной власти очень важное практическое значение. Оно позволяло ликвидировать возможность появления официально действующего религиозного объединения ещё на начальной стадии.

Нередко причиной различных недоразумений между властями и верующими являлась недостаточная информированность руководителей на местах относительно последних веяний в политике партии в от-

¹⁹² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Л.61.

¹⁹³ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.18446. Л.1.

ношении религии. Примером служит ситуация, создавшаяся в 1945 г. на железнодорожной станции Агрыз, после того как один из путевых обходчиков получил вызов из Московской духовной семинарии. В своём запросе в Татарский Обком партии секретарь парткома станции писал: «Для нас является новостью, во-первых, то что существуют духовные богословские учебные заведения, так как этого в печати не публиковалось. Во-вторых, предоставлено широкое право набора в данные учебные заведения ... Не зная положения (по данному вопросу – И.Р.) я ему (т.е. путевому обходчику – И.Р.) ответил, что таких училищ у нас нет и отпусков не может быть...»¹⁹⁴. К сожалению, отсутствие в архиве ответа на данный запрос не позволяет проследить до конца ход этого дела, однако и без того налицо огромный «разрыв» между относительно терпимыми тенденциями в центре и реальным положением на местах.

Безусловно, только легально действующих религиозных объединений не хватало для нужд верующих республики. В Татарской АССР в течение 1945 г. поступило 30 ходатайств от приверженцев ислама об открытии мечетей. Из них были решены положительно только 6. В декабре 1947 г. в течение лишь одной недели было отклонено 10 аналогичных ходатайств по данной конфессии¹⁹⁵. В этой связи верующие были вынуждены собираться для коллективного отправления религиозных обрядов в незарегистрированных, но фактически действующих общинах и группах. В силу особенностей обрядовой системы, это было характерно в основном для последователей ислама. По данным уполномоченного СДПК при СМ СССР по Татарской АССР, в 1948 году насчитывалось 25 подобных мусульманских общин. По его же сведениям, численность нелегально действующих мулл на 1 февраля 1949 г. составляла 32 человека¹⁹⁶. Поскольку незарегистрированная община учитывалась только в том случае, если о ней «сигнализировали» с мест или она обращалась в местные органы власти с ходатайством о регистрации, есть основания утверждать, что численность вышеупомянутых общин и групп в данный период была значительно выше.

В этом плане показательна ситуация с мусульманами Казани, где в органах власти была зарегистрирована всего лишь одна мечеть – мечеть Марджани. Многочисленные ходатайства мусульман Кировского района города об открытии здесь мечети не находили поддержки в органах власти. Отказ мотивировался тем, что здания мечетей, предлагаемых верующими, были переоборудованы под культурно-просветительские или хозяйственные нужды, в результате чего они

¹⁹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д.18446. Л.4.

¹⁹⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.3. Лл.76-77.

¹⁹⁶ Там же. Оп.1. Д.2. Лл.21, 23.

потеряли свой первоначальный вид, а согласно ст. 41 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», таковые не могли учитываться как молитвенные здания¹⁹⁷. Нередко, ввиду недостатка помещений для исполнения коллективного намаза, в пятничные или праздничные дни мусульмане республики были вынуждены собираться на территориях татарских кладбищ. Но и в этом случае на просьбу разрешить им собираться в указанных местах верующие получали отказ от органов власти, так как, согласно советскому законодательству, все кладбища являлись «всенародными» и находились в ведении сельских и городских Советов. К примеру, представители религиозной общины г. Агрыз просили разрешения у властей молиться в помещении, расположенном на территории татарского кладбища¹⁹⁸. Однако, в силу вышеуказанной причины, они получили отказ.

Таким образом, государство ставило большую часть верующих и фактически действующие религиозные объединения в такие условия, при которых они были вынуждены действовать на нелегальной основе, что в свою очередь давало властям возможность на законных основаниях применять в их отношении административные меры.

Декларируемое лояльное отношение государства к религии несколько приглушило процессы, имевшие место в 1930-х гг., но не ликвидировало их. В этой связи показательной и типичной является ситуация с одной из старейших мечетей Казани – Азимовской, закрытой в 1938 г. и частично использовавшейся под общежитие, а в 1946 г. по ходатайству Казанского кино-корреспондентского пункта Куйбышевской студии документальных фильмов, переданной Казанской звуковой студии документальных фильмов.

В послевоенные годы государство делало отдельные «реверансы» в отношении религии, но во многом они носили показной характер, существенно не влияя на положение верующих и духовенства. Так, в 1946 г. СДРК при СМ СССР по согласованию с директивными органами, разрешил ЦДУМ издать мусульманский лунный календарь, но весьма ограниченным тиражом. В 1948 г. впервые за 22 года был созван меджлис Центрального духовного управления мусульман (переименованного на съезде в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири. – ДУМЕС), сам факт созыва которого в истории государственно-конфессиональных отношений в Советском государстве является едва ли не исключительным. Однако решения,

¹⁹⁷ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2. Л.57.

¹⁹⁸ Там же. Оп.2. Д.2. Л.76.

принятые на съезде, лишь подтвердили ограниченность прав, какими обладали верующие и духовенство в 1920-1940-е гг. Из ведения Духовного управления были изъяты такие полномочия, как право организовывать конфессиональные школы и курсы для подготовки служителей культа, образовывать новые мухтасибаты, составлять метрические книги и др.¹⁹⁹. В его компетенции оставались функции богословского характера, а также отныне ему предписывалось вести учет мечетей и молитвенных домов²⁰⁰. Политическая конъюнктура той эпохи, даже в условиях относительной либерализации государственно-конфессиональных отношений, не позволяла ставить вопрос о полном восстановлении прав верующих и духовенства.

Подводя итог взаимоотношениям республиканских и местных властей с религиозными объединениями в военные и послевоенные годы, можно отметить следующее: 1) незначительной части религиозных объединений республики было предоставлено право на легальную деятельность; 2) существенно были «смягчены» формы и методы деятельности местного отделения СВБ, в итоге распавшегося в конце войны; 3) в годы «разрешительной» политики в отношении религии республиканские и местные органы власти применяли в своей деятельности формы и методы, не соответствовавшие «либеральным» законодательным положениям Советского государства.

Таким образом, наряду с некоторыми проявлениями более терпимого и лояльного отношения государства к религиозным объединениям, у республиканских и местных органов власти по отношению к верующим и духовенству доминировали весьма жёсткие стиль и методы работы.

§2.2. Ужесточение антирелигиозной политики в конце 1940 – середине 1960-х гг.

Изменение политической конъюнктуры в конце 1940-х гг. привело к ужесточению политики государства в области религии. В её лице партия видела конкурента, способного успешно влиять на сознание граждан, а это являлось «привилегией» официальной идеологии. Кроме того, к этому периоду отпала практическая необходимость во временном союзе с церковью: миновали тяжёлые военные и послевоенные годы, была ликвидирована униатская церковь. Однако в данной ситуации резкий переход от относительно либеральных тенденций к новой

¹⁹⁹ Юнусова А.Б. Указ. соч. – Уфа, 1999. – С.217.

²⁰⁰ Там же. – С.218.

кампании по преследованию верующих и духовенства, закрытию молитвенных зданий, был нежелателен, так как в памяти народа были ещё слишком свежи патриотизм и духовно-материальная поддержка религиозных организаций, оказанная государству в годы войны. В этой связи в конце 1940-х гг. со стороны партии и советского правительства не последовало каких-либо громких постановлений и указов, обозначивших коренной переворот во взаимоотношениях с религиозными объединениями. Тем не менее, некоторые шаги государства обозначили свёртывание относительно либеральных тенденций в его политике в области религии.

В 1947 г. впервые после войны на страницах периодических изданий в «мягкой» форме возобновилась антирелигиозная пропаганда. В газете «Комсомольская правда» появились статьи, утверждавшие, что членство в ВЛКСМ несовместимо с верой в Бога. В «Учительской газете» говорилось, что верующий человек не имеет права быть учителем, а также было объявлено о «ложности» теории безрелигиозного образования. По мнению газеты, образование могло быть только антирелигиозным. Идеологический орган ВКП(б) журнал «Большевик» провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии²⁰¹. Во 2-м издании Большой Советской энциклопедии в статье «СССР» утверждалось о непримиримости КПСС к любой конфессии.

Все эти события происходили на фоне сохранения отдельных элементов «разрешительной» политики. В частности, в областях, краях, республиках по-прежнему продолжалась регистрация некоторых религиозных объединений. Так, в Татарской АССР на конец 1940-х гг. из 34 официально действующих религиозных объединений 13 были зарегистрированы в 1947 г. Среди 16 зарегистрированных мусульманских объединений большая часть, а именно 11, получили официальный статус также в этом году (см. Приложение №5).

Однако вышеупомянутые антирелигиозные выпады в печати не были случайны. Они явились своего рода предтечей завершения относительно либерального периода в политике Советского государства в области религии. В 1948 году СДРК при СМ СССР разослал своим уполномоченным циркуляр, предписывавший прекратить вынесение положительных решений по ходатайствам о регистрации религиозных общин.

Ужесточение политики государства в области религии в конце 1940-х гг. в Татарии выразилось в поиске виновных в «ошибках», до-

²⁰¹ По: Поспеловский Д.В. Указ. соч. – С.267.

пущенных в годы относительного потепления государственно-конфессиональных отношений. Таковыми в ТАССР оказались местные уполномоченные СДРПЦ и СДРК при СМ СССР, тем более, что причина для инициирования разбирательств была веской: в ночь с 7 на 8 июля 1949 г. православные верующие с. Семиозёрка Юдинского района, после массового моления попытались осуществить крестный ход в Казань²⁰². По мнению бюро Татарского Обкома, главным виновником, допустившим этот «инцидент», был уполномоченный СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР Ф.Ф.Горбачёв. Помимо обвинения в вышеупомянутом происшествии уполномоченному также вменялось в вину, что он «в своей практической работе не обеспечивает проведение в жизнь директив партии и правительства по отношению к церкви и даже более того, своим бездействием и беспринципным подходом к решению конкретных вопросов, по существу, способствует усилению деятельности церковников»²⁰³. Исходя из этого, бюро Обкома ВКП(б) постановило: «Ф.Ф.Горбачёва с работы снять и объявить ему выговор с занесением в учётную карточку»²⁰⁴.

Политическая конъюнктура в стране и запущенный маховик проверки в отношении должностных лиц, призванных осуществлять «связь между правительством и религиозными организациями» непосредственно в Татарской АССР, предусматривал проверку деятельности также и уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР Х.С.Багаева. В его работе были обнаружены такие недочёты и ошибки, как: «безразличие к действиям незарегистрированных мулл и других служителей культов ... в разрешении ряда вопросов, определяющих наше отношение к религии и её служителям, проявлял аполитичность и в ряде случаев стал пособником мулл и руководителей других религиозных общин»²⁰⁵. Подобные выводы о результатах проверки обусловили следующее решение бюро Обкома ВКП(б): «За притупление большевистской бдительности тов. Багаева с работы уполномоченного снять и объявить ему выговор с занесением в учётную карточку»²⁰⁶.

Данные разбирательства и принятые по ним решения на ближайшие годы стали для руководителей и сотрудников властных структур,

²⁰² Такая активность верующих с. Семиозёрки во многом была связана с располагающимся здесь комплексом зданий Богородицкого мужского монастыря, действовавшим в XVII – начале XX вв., а также иконой в прошлом особо почитаемой в Казанской губернии.

²⁰³ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.9. Д.6. Л.70.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. Л.165.

²⁰⁶ Там же.

задействованным в реализации политики государства в области религии, негласным руководством в их взаимоотношениях с религиозными объединениями. Отныне представители государственных органов власти в своей деятельности не допускали действий, которые могли быть восприняты как «пособничество» верующим и духовенству. В этой связи религиозные объединения Татарии оказались в условиях весьма жёсткого давления и контроля со стороны властей. В последующие 18 лет в Татарской АССР не было зарегистрировано ни одного религиозного объединения. Более того, в первой половине 1950-х гг. с регистрации были сняты два мусульманских объединения и одно иудейское. В то же время, в соседней Башкирии в 1950-е гг. четыре мусульманских объединения получили возможность функционировать официально²⁰⁷.

Варианты мотиваций, по которым проводился отказ религиозным объединениям в регистрации в органах власти, были заложены на законодательном уровне в Постановлении СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей». Таким образом, можно утверждать, что ещё в начале периода нормализации отношений между религией и государством, последнее, предвидя масштабы будущего религиозного возрождения, на законодательном уровне заложило механизмы регулирования и сдерживания роста количества молитвенных зданий. К примеру, по причине наличия поблизости молитвенного здания зарегистрированной религиозной общины той же конфессии, только одним решением СДРК при СМ СССР от 30 июня 1948 г. в Татарской АССР было отказано в регистрации мусульманским общинам деревень Кзыл-Болгар Чистопольского района, Новые Ургагары Алькеевского района и Ерыкла Октябрьского района²⁰⁸. При этом, согласно директиве от 2 октября 1946 г. председателя СДРК при СМ СССР И.В.Полянского уполномоченному по ТАССР Х.С.Багаеву, это правило распространялось на те случаи, когда расстояние между населёнными пунктами, где функционировала зарегистрированная религиозная община и той, откуда поступило заявление об открытии нового религиозного объединения, составляло 2-6 километров²⁰⁹. Однако по данной мотивации осуществлялись отказы и в тех случаях, когда расстояние между населёнными пунктами составляло 10-15 километров.

В сложившейся ситуации особое значение приобретали пустующие молитвенные здания, количество которых (особенно в сельской местности) оставалось значительным. Например, в Таканышском районе Татарской АССР на 1 ноября 1947 г. насчитывалось 18 подобных

²⁰⁷ Юнусова А.Б. Указ соч. – С.242.

²⁰⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.6 Лл.58, 67.

²⁰⁹ Там же. Д.3. Л.52.

мечетей, в Кукморском – 21²¹⁰. Как и в других регионах СССР, в Татарской АССР получила распространение практика использования незарегистрированными религиозными общинами пустующих молитвенных зданий. С точки зрения властей, последние были не просто местом удовлетворения верующими своих религиозных потребностей, а местом собрания людей с идеологией и мировоззрением, значительно отличавшимися от официальных. Поэтому, в конце 1940-х гг. было решено возобновить практику передачи молитвенных зданий культурно-просветительским и хозяйственным учреждениям. При этом они теряли свой первоначальный вид и атрибуты, определявшие их принадлежность к какой-либо конфессии. Посредством таких действий, государство изымало из сферы религиозных отношений культовые здания, так как после соответствующего переоборудования они практически не могли быть использованы по первоначальному назначению.

Формально инициатива использования бывших культовых сооружений для культурно-просветительских, производственных и других целей практически всегда исходила от жителей того или иного населённого пункта. Подобным способом государством создавалась иллюзия «народного волеизъявления», по аналогии с той, что имела место в конце 1920-х гг., когда в рамках осуществляемой коллективизации и культурной революции молитвенные сооружения по «инициативе верующих» передавались хозяйственным и культурно-просветительским учреждениям, а также во второй половине 1930-х годов при массовом закрытии культовых зданий.

На рубеже 1940-1950-х гг. в Татарской АССР наметилась тенденция на ликвидацию пустующих зданий мечетей и церквей как очагов «нелегальной» религиозной жизни. Со стороны властей этот процесс инициировался как вынужденная разборка молитвенных зданий, ввиду их якобы аварийного состояния. Сомнение относительно правдивости подобных заключений органов власти вызывает тот факт, что, как правило, оставшийся строительный материал использовался для возведения культурно-просветительских и хозяйственных объектов. К примеру, в 1951 г. в Октябрьском районе ТАССР были разобраны бывшие мечети в деревнях Савиново, Курманаево, Бурметево и многих других²¹¹. Следует отметить, что к документам с ходатайством местных исполкомов райсоветов о сломе молитвенных зданий очень редко прилагался полагающийся в подобных случаях дефектный акт с подробным описанием их технического состояния, позволявший объективно

²¹⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.4. Л.2; там же. Д.22. Л.8.

²¹¹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Лл.35, 38, 42.

судить о степени необходимости разборки зданий. Как правило, в своих заключениях уполномоченные СДРПЦ и СДР при СМ СССР по Татарской АССР или представители местных органов власти ограничивались только общими фразами, такими, как «протекает крыша», «сгнили половицы» и т.д. Однако, судя по тому, что оставшиеся строительные материалы всегда использовались вторично, можно говорить о том, что техническое состояние большинства молитвенных зданий было вполне удовлетворительным, требовался лишь ремонт, расходы на который готовы были взять на себя верующие.

О надуманности проблемы ветхого состояния мечетей говорит пример с уже упоминавшейся мечетью в д. Нижние Нурлаты. В справке о деятельности этой религиозной общины, относящейся к концу 1940-х гг., уполномоченный СДРК при СМ СССР по Татарской АССР Х.С.Багаев писал: «Мечеть деревянная...ремонта не требуется (курсив наш. – И.Р.)»²¹², а уже в 1952 г. решением исполкома сельсовета с мечети был снят минарет, поскольку, по словам преемника Х.С.Багаева на его посту Г.С.Сафина, «...для *полуразрушенного здания* (курсив наш. – И.Р.) минарет является большим и опасным грузом»²¹³. Вряд ли в течение 2-3 лет со зданием могла произойти такая метаморфоза.

Подобные действия властей были типичными в отношении всех конфессий. Примером тому служит ситуация с иудейской общиной города Казань²¹⁴. Она была зарегистрирована 10 мая 1947 г., но специального молитвенного здания не имела и для молитвенных собраний арендовала пристройку к частному дому по улице Дегтярной, 35/7. В феврале 1949 г. двое представителей вышеупомянутого религиозного объединения обратились к уполномоченному СДРК при СМ СССР по Татарской АССР с заявлением о том, что вышеуказанная пристройка находится в аварийном состоянии, существует угроза обвала, в связи с чем проведение молитвенных собраний в данном помещении становится весьма опасным. Созданная через год техническая комиссия составила акт с заключением о необходимости закрыть данное помещение, что вскоре и было сделано по постановлению начальника пожарной охраны Управления МВД Татарской АССР. Само же религиозное общество продолжало существовать. Несколько вариантов зданий, предложенных верующими под молитвенный дом, по разным причинам не устроили властей. В итоге, согласно официальной мотивировке, ввиду того, что «еврейское религиозное общество в Казани надлежа-

²¹² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.58.

²¹³ Там же. Л.53.

²¹⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.5. Л.51.

щего помещения не подыскало»²¹⁵, Постановлением Совета Министров Татарской АССР от 13 марта 1953 г. данное религиозное общество было снято с регистрации. Это решение было утверждено СДРК при СМ СССР постановлением от 1 апреля 1953 г.

В ответ на действия властей верующие обратились в вышестоящие инстанции с жалобой на предвзятость местных органов. В этой связи нельзя не отметить поступок известного учёного, в то время депутата Верховного Совета СССР, А.Е.Арбузова, который, несмотря на неблагоприятную политическую и идеологическую конъюнктуру и не считаясь с возможными негативными последствиями для своей карьеры, по просьбе верующих вышеупомянутой общины в 1954 г. направил по данному делу депутатские запросы в Совет Министров Татарской АССР и СДРК при СМ СССР. Однако это не повлияло на решение властей, и иудейская община г. Казани так и не была восстановлена.

Тем не менее, община продолжала функционировать уже на нелегальной основе и оставалась при этом в поле зрения уполномоченного и местного исполкома. В марте 1955 г. налоговой инспекцией Дзержинского районного финансового отдела г. Казани было установлено, что 12 членов данной общины изготавливают мацу, о чём и был составлен соответствующий акт²¹⁶. Так как изготовление мацы официально не было запрещено, этот шаг со стороны властей можно рассматривать как попытку уличения верующих в нарушении налогового законодательства.

Следует отметить, что данные события происходили на фоне общесоюзной кампании по борьбе с космополитизмом, основными носителями которого, по мнению руководителей страны, являлись евреи. К тому же незадолго до этих событий, в 1952 г. в Москве прошёл сфабрикованный процесс по делу Еврейского антифашистского комитета, в результате которого были расстреляны видные еврейские деятели. Поэтому в случае с иудейской общиной г. Казани в действиях властей, наряду с антирелигиозным мотивом, присутствовал также и антисемитский фактор. Примечательно, что и в официальных документах вышеупомянутое религиозное общество значилось не как иудейское, а как «еврейское религиозное общество», тем самым акцентировалось внимание на национальной принадлежности верующих.

Подобная политика государственных органов в отношении религиозных объединений была типичным явлением для «постлиберального» периода взаимоотношений государства и конфессий. Позиция вла-

²¹⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.5. Л.51.

²¹⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Л.73.

стей в этом вопросе определялась стремлением возратить религиозные объединения к их предвоенному состоянию и тем самым снизить влияние религии на сознание граждан. Едва ли не основное внимание в этом процессе уделялось ликвидации её организационных структур – религиозных групп и общин. Согласно советскому законодательству о религиозных культах, одним из главных условий легального функционирования упомянутых объединений было наличие у них молитвенных зданий, поэтому неудивительно, что неотъемлемой составляющей политики государства в области религии стало изъятие культовых помещений у верующих. Отличием от периода 1920-1930-х гг. являлось то, что изъятие осуществлялось без явных нарушений прав верующих и законодательства о культах. Учитывая, что последнее всецело выражало интересы Советской власти, это было не сложно.

Наряду с выполнением циркуляра о прекращении регистрации религиозных объединений, местные органы власти усилили работу по борьбе с нелегально действующими религиозными общинами и группами. Значимость данного направления их деятельности вполне объяснима – подавляющее большинство верующих удовлетворяли свои религиозные потребности именно в незарегистрированных объединениях. Некоторые из них продолжали функционировать ещё с дореволюционного периода, другие организационно оформились позднее, в частности, в период «разрешительной» политики. Тогда власти относились к подобным объединениям достаточно нейтрально, как бы не замечая их существования, но с завершением относительно либерального периода во взаимоотношениях государства и религиозных объединений, подобная лояльность со стороны властей стала невозможна.

Показательна и типична в этом отношении история мусульманской общины деревни Нижний Нурлат Октябрьского района (ныне Нурлатский район)²¹⁷. В 1944 г. на волне либерализации государственно-религиозных отношений в вышеуказанном населенном пункте образовалась община верующих, которая для своих нужд заняла помещение пустующей мечети. Несмотря на то, что община не получила разрешения на официальную регистрацию в органах государственной власти, по сложившейся практике, которая будет описана ниже, Духовным управлением мусульман в эту общину был назначен мулла. На таком полуполюгальном положении религиозная община просуществовала до 1951 г., когда власти поставили вопрос о её закрытии. Примечательным является тот факт, что не подвергнув регистрации данную религиозную общину, при рассмотрении других ходатайств власти

²¹⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.65.

косвенно ссылались на неё как на зарегистрированную (хотя напрямую и не обозначали её таковой в документах). В частности, в 1948 г. в ответ на ходатайства об открытии мечетей в близлежащих деревнях Верхний Нурлат и Ново-Иглайкино, уполномоченный СДПК при СМ СССР по Татарской АССР предложил им объединиться с общиной деревни Нижний Нурлат, так как её мечеть по своим размерам могла обеспечить потребности верующих этих трёх сёл. Практика показывает, что подобная формулировка применялась только в отношении зарегистрированных в органах власти религиозных общин.

Примечательным является также отношение женщин этой деревни к инициированной местным райисполкомом перспективе переоборудования мечети под детские ясли. Вопреки обычной для тех времён практике – поддержке в обязательном порядке любого начинания властей, они в категорической форме высказались против данного мероприятия, заявив следующее: «Мы не одна не понесём своих детей в мечеть и не будем её осквернять»²¹⁸. Этот случай показывает, что даже в условиях тоталитарного режима и возведения атеизма в ранг официальной идеологии, исламские компоненты в сознании татар были достаточно сильны и устойчивы, а в некоторых случаях были способны противостоять отлаженному десятилетиями механизму принятия «общими собраниями трудящихся» необходимых для властей решений. Однако попытки верующих сохранить мечеть оказались безрезультатными и впоследствии они были вынуждены собираться для богослужений в частном доме.

В этот период предпринимались нападки и на официально действующие религиозные общины. Многие местные представители государственных органов власти использовали малейшую возможность для инициирования действий по закрытию зарегистрированных религиозных объединений. В основном в качестве причины для закрытия выступало какое-нибудь бюрократическое недоразумение, зачастую вымышленное. По меньшей мере некорректными можно назвать действия местных органов власти в отношении мусульманского объединения села Кривое Озеро Октябрьского района, имевшие место в 1951 г. Формально причиной его закрытия послужило отсутствие типового договора, на основании которого верующие арендовали мечеть. Аналогичный случай произошёл в 1952 г. с зарегистрированной мусульманской общиной деревни Старые Киязлы Аксубаевского района²¹⁹. Без согласия верующих представители сельсовета, основываясь только на собственном волевом решении, сначала заняли здание мечети под склад зерна, а за-

²¹⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.71 об.

²¹⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.5. Л.22.

тем и вовсе решили разобрать его. В обоих случаях только благодаря личному вмешательству муфтия ДУМЕС Ш.Хиялетдинова верующим удалось сохранить мечети.

На рубеже 1940-50-х гг. в ТАССР получает распространение практика, когда муфтий инициировал (вопреки советскому законодательству о культах) придание незарегистрированным муллам определенного статуса легитимности, посредством выдачи им свидетельств на право исполнения обрядов. Такие муллы активно действовали в селах Нижние Нурлаты и Бикүлово Октябрьского района, деревнях Новое Кадеево и Чегодайкино Первомайского района, Шали Пестречинского района и др.²²⁰. В июле 1952 г. верующие незарегистрированной группы в г. Буинске обратились к муфтию Ш.Хиялетдинову с вопросом, как им быть в связи со смертью незарегистрированного муллы. Муфтий Хиялетдинов своим письмом от 18 мая 1952 г. дал указание – подобрать вместо умершего другого муллу и продолжить свою деятельность²²¹. Такое явное нарушение законодательства о культах требовало от властей немедленного вмешательства. Поэтому СДРК при СМ СССР в лице его председателя И.В.Полянского «предложил» уполномоченному Совету по Башкирской АССР Каримову, «в категоричной форме рекомендовать муфтию Ш.Хиялетдинову и работникам его управления прекратить связь с незарегистрированными группами и духовенством и впредь не выдавать им удостоверений и одновременно принять меры к изъятию уже выданных»²²². Однако практика показала, что муфтий и в дальнейшем поддерживал отношения с нелегально действующими мусульманскими объединениями, продолжал принимать от них денежные пожертвования и выдавать бывшим муллам свидетельства на право исполнения обрядов.

Наличие в населённых пунктах таких мулл являлось твёрдой гарантией существования здесь устойчивой религиозной группы или общины. Именно они являлись генераторами и цементирующими элементами религиозной жизни на местах. Поэтому как центральные, так и республиканские органы власти акцентировали внимание председателей городских и районных исполкомов Советов трудящихся депутатов на необходимость неустанной борьбы с ними. Так, в директивах республиканских властей относительно нелегально действовавшей мусульманской общины деревни Нижний Нурлат особо подчёркивалось «принять соответствующие меры к прекращению незаконной организаторской деятельности гражданина Аглиуллина Ахмевафы (муллы дан-

²²⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.4. Л.34.

²²¹ Там же. Д.5. Л.34.

²²² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.5. Л.34.

ного религиозного объединения – И.Р.)»²²³. Как видно, А.Аглиуллин «раздражал» власти не столько как человек с религиозным мировоззрением, сколько как организатор и руководитель, пусть небольшой общины, стремящейся вопреки окружающей действительности реализовать свои конституционные права.

В начале 1950-х гг. увеличивается выпуск литературы антирелигиозного характера. В 1950 г. выходит в свет первый номер сборника «Вопросы истории религии и атеизма», в котором религия была определена «одним из пережитков прошлого в сознании людей, пережитком живучим, мешающим части трудящихся, политически менее развитой, сознательно и активно участвовать в строительстве социалистического общества»²²⁴. На местном уровне отделы пропаганды и агитации обкомов партии и республиканские лекционные бюро активизировали лекционную работу по пропаганде атеистических взглядов. Так, в сентябре 1948 г. в селе Биляр-Озеро Октябрьского района ТАССР, где действовала зарегистрированная община Русской православной церкви, среди прочих была прочитана лекция «Антирелигиозное воспитание детей в семье и школе»²²⁵. В селе Семиозёрки Юдинского района республики за 1950 г. было прочитано восемь лекций атеистической направленности²²⁶. Среди них преобладали лекции, в которых противопоставлялись научные и религиозные взгляды на различные вопросы бытия: «Наука и религия о происхождении жизни на Земле», «Наука и религия», «О происхождении человека», «Наука и религия о строении Вселенной», «Солнце и Земля». Присутствовали также лекции исторического цикла, такие, как «О происхождении христианства» и «Было ли начало и будет ли конец мира». Как видно из названий лекций, в их подборе ещё доминировали тенденции, заложенные СВБ в период Великой Отечественной войны. Однако новые веяния со стороны коммунистической партии и правительства по отношению к религиозному вопросу требовали корректировки методов работы отделов пропаганды и агитации на местах. В этой связи в том же году в селе Семиозёрки были проведены закрытое партийное собрание с повесткой дня «О задачах коммунистов в усилении антирелигиозной пропаганды» и совещание агитаторов по усилению массово-политической работы среди верующих.

Даже не имея возможности ознакомиться со стенограммой этих собраний, по факту их проведения можно говорить о тенденциях к ужесточению отношения к религии на низовом уровне.

²²³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.71 об.

²²⁴ Вопросы истории религии и атеизма. – 1950. – Вып.1. – С.5.

²²⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.30. Д.587. Л.24.

²²⁶ Там же. Оп.31. Д.758. Л.10.

Однако в масштабах всей республики власти никак не могли полностью восстановить систему лекционной пропаганды антирелигиозного мировоззрения. Этот факт признавали и сами власти. Так, в отчёте по вопросам идеологической работы Бугульминского райкома КПСС за 1955 год, в пункте о лекционной пропаганде отмечалось: «В первой половине года не было подготовлено ни одной лекции на антирелигиозную тему. Этот и другие недостатки устраняются»²²⁷. Созвучен ему и отчёт Камско-Устьинского райкома КПСС за этот же период: «В культурно-просветительских учреждениях всё ещё мало проводятся лекции и доклады на естественнонаучные, антирелигиозные темы. Поэтому в районе имеются факты совершения религиозных обрядов»²²⁸. Слушателями на этих лекциях в основной массе были атеисты, а верующие, для которых они собственно и предназначались, находили поводы игнорировать их.

Общая направленность на ужесточение политики государства в области религии коснулась не только агитационно-пропагандистской работы, но и непосредственно отношения местных властей к верующим. Показательна и во многом типична для этих лет ситуация с верующими села Никольское Куйбышевского района Татарской АССР, где в апреле 1954 г. на сессии местного сельсовета депутатов трудящихся среди прочих был также рассмотрен вопрос «О состоянии культурно-массовой, разъяснительной работы», в котором отмечалось, что в последнее время в данном селе наблюдается «усиление деятельности церковников»²²⁹. По мнению местных властей, влиянием религии здесь были охвачены даже такие передовые в идеологическом отношении слои общества, как некоторые педагоги местной семилетней школы²³⁰. Так, согласно протоколу собрания учителей вышеупомянутой школы, «некоторые учителя не освободились сами от религиозных предрассудков... у многих учителей в комнатах висят иконы... Вокруг них (т.е. учителей – И.Р.) собираются подписи на открытие церкви»²³¹. Для предотвращения подобных тенденций решениями партийно-комсомольского собрания, коллектива учителей местной школы и профсоюзного собрания работников конной части конного завода №57, было признано необходимым ходатайствовать перед исполкомом Куйбышевского райсовета о переоборудовании здания церкви под культурно-просветительское учреждение²³².

²²⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.37. Д.687. Л.63.

²²⁸ Там же.

²²⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.21. Л.59.

²³⁰ Там же. Л.60.

²³¹ Там же.

²³² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.21. Л.60.

Заслуживает внимания тот факт, что если в конце 1940-х годов подобные вопросы решались на общих собраниях жителей того или иного населённого пункта, то в этом случае в принятии данного решения участвовали далеко не все жители села. Из-за невозможности предугадать ход собрания и неуверенности в «желательном» итоге на собрание были допущены только представители так называемого «актива», хотя, как оказалось, среди них тоже могли быть верующие.

Интересно, что в данной ситуации возможность регистрации религиозной общины с последующим её функционированием на легальной основе, местными властями даже не рассматривалась. На вопрос – почему этого не произошло, дают ответ определения, которыми «наградили» верующих учителя-атеисты местной школы. В данном случае выражают мнение местных властей: «Это (т.е. верующие – И.Р.) люди, которые никогда не работали, не пользовались авторитетом и которые занимались сбором денег с населения, чтобы потом спекулировать на эти деньги. Нужно так раскрыть лицо этих религиозников, чтобы всё население отвернулось от них и они остались бы одни»²³³. Таким образом, здесь налицо стремление властей причислить верующих к полукриминальной категории населения, представив их как некую антисоциальную общность людей, ведущих паразитирующий образ жизни, после чего не могло быть и речи о том, чтобы эти люди могли продолжать такой «антиобщественный» образ жизни на законных основаниях, путём регистрации в органах власти своей общины.

Анализ ситуации в селе Никольское показывает, что методы и механизмы борьбы с религией были позаимствованы властями из арсенала 1920-х–1930-х гг. Из вышеприведённого видно, как в некоторых случаях решалась проблема наличия в населённом пункте конфессионального объединения. Несмотря на высокий уровень религиозности и глубину её проникновения в сознание людей, принималось решение пресекать деятельность религиозных общин самыми жёсткими мерами.

Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» вызвало у верующих новый импульс оптимизма, что выразилось в очередной волне ходатайств о регистрации религиозных общин и групп. По данным уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР, в 1957 г. верующими республики было подано 28 подобных заявлений и 50 человек посетили его с ходатайством лично²³⁴. Наиболее настойчивые представители религиозных объединений обращались

²³³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.21. Л.60.

²³⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Лл.100-101.

с заявлениями в Советы Министров РСФСР и СССР. Однако функционирование командно-административной системы было выстроено таким образом, что заявление или жалоба верующих «возвращалась» для разбирательства обратно в адрес местных органов власти, на действия которых жаловались заявители.

Относительно Постановления от 10 ноября 1954 г. следует сказать, что в Татарской АССР его выполнение носило исключительно декларативный характер. По уже упоминавшимся причинам (Л.108), в Татарской АССР не было зарегистрировано ни одного религиозного объединения, в то время как в Башкирии власти сочли возможным придать нескольким религиозным объединениям легитимный статус.

Показательна и типична в этом отношении история с ранее упоминавшимися незарегистрированными мусульманскими общинами Кировского района г. Казани, которые неоднократно, в частности в 1947 и 1956 гг., ходатайствовали об открытии мечети²³⁵. В середине 1950-х гг. в районе действовали две мусульманские общины численностью около 30 верующих каждая. Руководитель одной из них Ш.Шамсеев (1889 г.р.) после отказа Совета Министров Татарской АССР в сентябре 1956 г. зарегистрировать данную общину и передать верующим под молитвенный дом здание по улице Большой 63, в декабре того же года обратился с аналогичной просьбой в Совет Министров РСФСР. Руководитель второй группы верующих – Г.Мухаметзянов, в конце января 1957 г. лично ездил в Москву и обращался в Совет Министров РСФСР с заявлением, в котором содержалась просьба об открытии мечети в Ягодной слободе Кировского района, для чего им предлагалось возвратить верующим здание бывшей мечети по улице Краснококшайская 43/20, закрытой в 1930 г. и используемой под общежитие Казанского льнокомбината, или – здание мечети по улице Фрунзе 38, закрытой также в 1930 г. и используемой под детский сад. Представители верующих в своих заявлениях указывали, что единственная зарегистрированная в городе Казани мечеть Марджани находится на расстоянии 10-12 километров от места проживания верующих Кировского района. К тому же, помещение указанной мечети в дни пятничных намазов не вмещало всех желающих.

В обоих случаях заявления верующих были направлены в Совет Министров Татарской АССР с формулировкой «для дополнительного рассмотрения», которое, в свою очередь, переадресовало его уполномоченному СДРК при СМ СССР по Татарской АССР Г.С.Сафину. Последний в своём заключении по данному вопросу на доводы верующих ответил следующим образом: «Кировский район связан с зарегистриро-

²³⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.38. Лл.114-115.

ванной мечетью транспортным сообщением»²³⁶. В отношении же тесноты в культовом здании было сказано, что в мечети Марджани, способной вместить до 2 000 человек, в скором времени исполнительный орган данной мечети готовится провести ремонт, который позволит увеличить вместимость мечети на 500-600 человек. Основываясь на этих мотивировках Сафиним было предложено вновь отклонить ходатайства обеих общин, что и было сделано решением Совета Министров Татарской АССР.

Аналогичная политика велась и в отношении храмов Русской православной церкви. Многочисленные просьбы верующих разрешить богослужения в Петропавловском соборе г. Казани неизменно получали отказ в республиканских органах власти. В этой связи верующие, а также Казанский архиепископ Иов, вынуждены были действовать через центральные органы власти, как светские, так и церковные. В июне 1956 г. в СДРПЦ при СМ СССР поступило письмо патриарха Московского, в котором излагалась просьба архиепископа Казанского об открытии в городе Казани вышеупомянутой церкви. Данный вопрос было поручено изучить уполномоченному по Татарской АССР. Последний в письме, направленном в СДРПЦ при СМ СССР, сообщал, что в Казани имеются две зарегистрированные церкви – Кладбищенская, вместимостью около 300 человек и Николы Нисского, состоявшая из двух храмов Никольского и Покровского, вмещающих соответственно около 1 000 и 200 человек. Помимо них действовала церковь в селе Азино Столбищенского района, которая находилась почти в черте города. По мнению уполномоченного, этих церквей было вполне достаточно для удовлетворения православными верующими столицы Татарии своих религиозных потребностей. В силу вышеизложенного в СДРПЦ при СМ СССР последовал ответ о том, что Совет Министров Татарской АССР «считает невозможным открыть в городе Казани бывшее здание Петропавловской церкви»²³⁷.

Не оказало существенного влияния на положение верующих республики и Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г., в соответствии с которым подлежали регистрации все фактически действующие религиозные объединения. В последующие двенадцать лет в Татарской АССР не было зарегистрировано ни одной религиозной общины.

С конца 1950-х гг. происходит усиление атеистической пропаганды. Внутриполитическая жизнь страны в этот период во многом определялась решениями XX съезда КПСС. Прочитанный на нём доклад Н.С.Хрущёва «О культе личности и его последствиях» дал импульс

²³⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.38. Л.115.

²³⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.38. Л.3.

процессу обновления общества, освобождению сознания людей от определённых идеологических догм и стереотипов. Однако в то же время проявилась и поверхностность проводимых новым лидером перемен. В частности, степень дозволенности в духовной жизни по-прежнему соизмерялась с основными идеологическими установками государства. В 1961 году на 22 съезде КПСС была принята новая Программа КПСС, намечавшая построение коммунистического общества к 1980-м гг. В этой связи религия, будучи в сущности альтернативой господствовавшей в стране материалистической форме мировоззрения, становится объектом новых массивных нападков. Данный курс подтверждается и углубляется решениями Пленума ЦК КПСС, прошедшего в июне 1963 года, где утверждалось о невозможности формирования коммунистической морали без борьбы с религиозной идеологией²³⁸.

Одновременно в обществе начинается инициированный государством процесс переоценки роли религиозных организаций в Великой Отечественной войне. Казалось бы неоспоримый факт – значимость для государства материальной и моральной поддержки конфессиональных объединений в борьбе с внешним врагом – стал подвергаться сомнению. В 1964 г. философ В.Е.Ладоренко в ежегодном издании Института истории Академии наук СССР «Вопросы религии и атеизма» написал: «Не следует преувеличивать значение патриотической деятельности церкви в годы Великой Отечественной войны»²³⁹. Интересно, что для реализации этих целей власть использовала не только прямые высказывания своих официальных представителей, но и иные формы внушения массам собственного видения данного вопроса, в частности, художественную литературу. Так, в повести В.Тендрякова «Чудотворная» сельская учительница на заявление священника о патриотизме церкви в годы войны, отвечает: «Да, верю, польза была. ... Спасибо вам за вашу маленькую пользу, но знайте: мы по достоинству оценим и вред»²⁴⁰.

Вышедшие в конце 1950 – начале 1960-х гг. антицерковные постановления определили дальнейшее ужесточение действий государства в отношении всех конфессий. Религиозная жизнь представлялась средствами пропаганды как неизбежный процесс «вырождения» и «угасания». В основном данный постулат обосновывался количественным показателем зарегистрированных религиозных обществ, которые, по

²³⁸ Ильичёв Л.Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. – М., 1963. – С.46.

²³⁹ Ладоренко В.Е. К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви (1917-1945)// Вопросы истории религии и атеизма. – 1964. – Вып.12. – С.121.

²⁴⁰ Там же. – С.122.

мнению властей, адекватно отражали состояние религиозной активности населения.

В русле этих установок на территории Татарской АССР на рубеже 1950-1960-х гг. с регистрации были сняты 5 религиозных объединений. В начале 1960-х гг. в числе таковых оказались православные объединения сел Царицыно Столбищенского района и Тюрясево Октябрьского района. Причиной ликвидации последней общины стало то, что зданию занимаемой ею церкви потребовался капитальный ремонт, однако средств на его осуществление у религиозного объединения не оказалось. В результате верующим было предложено объединиться с зарегистрированной православной общиной села Биляр-Озеро, находившегося от села Тюрясево на расстоянии 12 километров, хотя согласно директивам, подобное решение могло приниматься только в тех случаях, когда расстояние между населёнными пунктами составляло не более 5 – 6 километров. Ещё раньше, в 1960 году была снята с регистрации мусульманская община деревни Фомкино Октябрьского района, а в 1959 году – мусульманские общины деревень Туба Шереметьевского района и Татарский Толкиш Чистопольского района²⁴¹. Таким образом, к началу 1960-х гг. на территории Татарской АССР осталось 27 официально функционирующих религиозных объединений.

Несостоятельность и иллюзорность вышеупомянутого постулата об адекватном соотношении количества зарегистрированных религиозных объединений и уровня религиозности в стране, продемонстрировал проведённый в 1961 г. единовременный учет религиозных объединений и духовенства. Следует заметить, что в Советском Союзе подобное мероприятие проводилось впервые. В его рамках предполагалось взять на учет все реально функционирующие религиозные общины и группы. По итогам данной кампании в Татарской АССР было выявлено: 646 неофициально действующих мусульманских объединений, а также 366 нелегально работающих мулл; 167 общин Русской православной церкви; 14 групп евангельских христиан-баптистов; 5 сектантских групп старообрядцев; 9 групп сектантов истинно-православной церкви²⁴². Материалы учета показали, что культовой деятельностью среди верующих занимались люди, в прошлом занимавшие руководящие посты, работавшие в сфере образования, в колхозах, совхозах, на производстве, служившие в рядах Советской Армии. Эти данные не соответствовали стереотипу того времени о том, что влиянию религии были подвержены исключительно отсталые и малограмотные слои общества.

²⁴¹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.28. Л.80; там же. Оп.1. Д.7. Л.8; там же Л.79.

²⁴² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.107; там же. Д.13. Л.88.

Результаты учёта, выявившие на территории Татарской АССР значительное число фактически действующих религиозных объединений и служителей культа, вынудили власти признать, что количество зарегистрированных религиозных объединений не адекватно отражало уровень религиозности в стране. По словам заместителя Председателя Совета Министров Татарской АССР Д.С.Шакирзяновой, «абсолютное большинство верующих свои культовые потребности удовлетворяют через незарегистрированные религиозные общества, группы верующих и служителей культа»²⁴³. Таким образом, признавался и факт сосредоточения всей религиозной жизни республики на нелегальном уровне. С этого времени на территории республики стали проводиться социологические опросы населения, призванные способствовать получению более объективных данных об уровне религиозности граждан.

В отчётах уполномоченных можно также проследить тенденцию к более объективной оценке религиозной ситуации. В официальных документах они открыто признавали, что «трудно и невозможно определить какой процент населения находится под влиянием религии, но известно, что крещение детей, наречение имени новорождённым, обрезание, венчание, отпевание покойников, соблюдение постов и других религиозных обрядов среди значительной части населения остаётся пока массовым явлением»²⁴⁴. Как можно заметить, в их словах присутствовало признание собственного бессилия в обеспечении контроля над религиозной ситуацией.

Большая часть вины за наличие подобного явления была возложена на местные исполкомы райсоветов. По мнению республиканских властей, именно отсутствие с их стороны должного контроля за религиозными объединениями приводило к усилению влияния религии на население. Таким образом, единовременный учёт религиозных объединений наглядно продемонстрировал малоэффективность административного контроля за религиозной жизнью в республике.

В начале 1960-х гг. в одном из своих отчётов уполномоченный СДРК при СМ СССР по Татарской АССР главной проблемой в борьбе с влиянием религии назвал незарегистрированные общины и группы верующих, а также служителей культа²⁴⁵. Итоги деятельности мусульманских объединений в Татарской АССР за 1960-1962 гг. действительно показали, что уровень влияния ислама на население республики оставался достаточно высоким. В другом отчёте уполномоченного СДРК отмечалось: «Значительная часть взрослого мужского населения

²⁴³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.47.

²⁴⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.14.

²⁴⁵ Там же. Л.6.

продолжает ходить в мечеть для совершения намазов, обращается к служителям культа за совершением религиозных обрядов и поддерживает их материально... По-прежнему, не наблюдается заметного отхода верующих от мечети и спада активности духовенства»²⁴⁶.

Такие обряды, как исем кушу (наречение имени), суннат (обрезание), никах (венчание), дженаза (отпевание) – были весьма распространены, особенно на селе. Так, в 1961 г. среди жителей села Старые Князлы Октябрьского района, где действовала зарегистрированная мечеть, обряд наречения имени выполнялся в 48%, никах – в 86,6%, отпевания – в 92% случаев; в селах Курманаево, Степное Озеро и Кривое Озеро, в которых также функционировали зарегистрированные мечети, эти цифры соответственно составили 54%, 82% и 100%²⁴⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее практикуемым обрядом являлась дженаза. Видимо, мало кто решался проводить в последний путь близкого человека без соблюдения этого обряда. В такие моменты даже люди, имевшие до этого достаточно твердые атеистические убеждения, обращались к религии и не считали конечность человеческой жизни бесспорным фактом.

Применительно к началу 1960-х гг. следует отметить и такую тенденцию, как рост доходов религиозных организаций и объединений. Их сумма среди зарегистрированных мечетей в 1960 г. составила 56 740 рублей (в новых деньгах), в 1961 – 61 160 рублей, в 1962 – 65 602 рубля²⁴⁸. Такая же тенденция была характерна и в отношении доходов Казанского епархиального управления. Если в 1962 г. он составил 111 980 рублей, то в 1963 г. – 151 242 рубля²⁴⁹. Столь явная разница в цифрах объясняется особенностями обрядовой практики мусульманской и православной конфессий.

В противовес указанным тенденциям власти инициировали уточняющие планы, призванные способствовать улучшению контроля за мусульманской обрядностью. Так, в начале 1960-х гг. в официальных документах были подвергнуты критике факты совершения мусульманами своих обрядов в домах. В этой связи уполномоченным СДРК при СМ СССР по Татарской АССР были проведены беседы со многими верующими и муллами, по поводу возможности перенесения совершения мусульманских обрядов из квартир и домов верующих в здания культа или другие специальные помещения, что, разумеется, встретило с их стороны резкий отпор. В итоге, по словам уполномоченного, было

²⁴⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.110.

²⁴⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.11.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. Л.12.

решено, что «ставить вопрос в мусульманстве об обязательном перенесении исполнения религиозных обрядов из квартир верующих в храм пока преждевременно»²⁵⁰. Таким образом, в своем стремлении покончить с религией государство пыталось вмешиваться и устанавливать свои нормы и правила даже в такой исключительно духовной сфере, как религиозная обрядность.

Уполномоченные СДРК и СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР неоднократно отмечали, что в атеистической пропаганде государство в недостаточной мере использует светские обряды. С целью исправить данную ситуацию вышло Постановление Совета Министров РСФСР от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Аналогичное Постановление было принято 23 апреля 1964 г. Советом Министров ТАССР и Татарским областным советом профсоюзов. В результате, в Татарском обкоме и при Казанском горкоме партии были созданы «группы из числа творческих работников и общественных деятелей по выработке гражданских обрядов»²⁵¹. Как можно догадаться, деятельность вышеуказанных групп носила формальный характер. В числе проведенных ими мероприятий учитывались такие, как регистрация брака и новорожденных в торжественной обстановке, торжественные проводы молодежи в Советскую армию, проводы на пенсию и другие.

Разумеется, такие меры не могли повлиять на мировоззрение людей старшего поколения, выросших в обстановке уважительного отношения к религии. Задача так называемых «гражданских обрядов» заключалась в проведении профилактической работы среди молодежи и людей среднего возраста. Расчет властей был прост: верующие как социальная общность, основную часть которой составляли люди пожилого возраста, через 10-15 лет в результате естественной убыли должны были исчезнуть сами.

В этой связи предметом особого контроля со стороны властей было воспитание подрастающего поколения в духе воинствующего материализма, прикрываемое термином «научно-атеистическое воспитание». В уже упоминавшемся, ярко выраженном антирелигиозном Постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», говорилось о необходимости «преподавать школьные предметы (историю, литературу, природоведение, физику, химию и т.д.) с позиций атеизма...

²⁵⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.178.

²⁵¹ Там же. Д.77. Л.142.

усилить антирелигиозную направленность в школьных программах»²⁵². В плане дальнейшего развития этих тенденций, в 1961 году Н.С.Хрущёв в отчётном докладе ЦК КПСС на XXII съезде КПСС отметил: «Нужна продуманная и стройная система научно-атеистического воспитания, которая охватила бы все слои и группы населения, предотвращала распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и подростков»²⁵³. Из этих слов видно, что одним из важнейших направлений в политике в области религии было недопущение преемственности религиозного мировоззрения от старшего поколения к молодёжи. В тех случаях, когда в семьях школьников имелись верующие, власти всячески стремились оградить детей от их влияния путём противопоставления религиозному мировоззрению, бытующему в домашней обстановке, мировоззрения «воинствующего материализма». Неудивительно, что плоды всепроникающей атеистической пропаганды были весьма значительны. К примеру, настоятель Казанской Никольской церкви, несмотря на свою глубокую религиозность, с предубеждением относился к тем родителям, которые приводили крестить детей школьного возраста. По словам уполномоченного, настоятель в подобных случаях начинал уговаривать родителей не совершать обряд крещения, мотивируя это тем, что «в школе воспитание атеистическое, и что в школе и на улице над этими ребятами будут смеяться товарищи»²⁵⁴.

В некоторых ситуациях государство шло на радикальные меры в отношении родителей, которые, являясь верующими людьми, стремились приобщить к религии своих детей. В этом отношении показателен случай с семьёй члена секты СЦЕХБ Ярковой²⁵⁵. В марте 1960 г. на заседании опекунской комиссии при исполкоме Казанского горсовета депутатов трудящихся решался вопрос о лишении её родительских прав. Причиной послужило то, что она, являясь «фанатичным членом общины баптистов, не была в состоянии обеспечить правильное воспитание своей дочери и воспитывала её в религиозном духе»²⁵⁶. Поэтому было решено возбудить ходатайство перед соответствующими органами о лишении гражданки Ярковой родительских прав и определении девочки в интернат, который обеспечил бы «нормальное» советское воспитание ребёнка.

²⁵² Советское законодательство о культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С.37.

²⁵³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.10.

²⁵⁴ Там же. Оп.2. Д.40. Л.62.

²⁵⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Лл.135–172.

²⁵⁶ Там же. Л.171.

Следует подчеркнуть, что в Татарской АССР не зафиксированы, по крайней мере документально, факты применения столь суровых мер наказания в отношении представителей других конфессий. Дело в том, что среди членов Казанского общества евангельских христиан-баптистов, как и в подобных обществах других регионов страны, сложилось течение, сторонники которого ратовали за широкую проповедническую деятельность, предпринимали активные действия по вербовке новых членов, часто устраивали богослужения в частных домах, на которых исполняли гимны и читали проповеди. Указанные действия нарушали советское законодательство о культах. Сообразно ситуации государство предпринимало весьма жёсткие шаги, воздействуя на родительские чувства верующих и ставя перед ними выбор между религиозными убеждениями и собственным ребёнком. Помимо тяжёлого морального выбора, это была ещё и своего рода показательная акция, для устрашения других баптистов, из числа тех, кто ещё не устоялся в своих религиозных убеждениях. Необходимо отметить, что вряд ли отношение властей к традиционным конфессиям и к различным сектам было дифференцированным. Во многом, степень лояльности или нетерпимости органов власти к религиозным объединениям зависела от того, насколько точно и неукоснительно последние соблюдали советское законодательство о религиозных культах. К примеру, взаимоотношения властей и законопослушных объединений ВСЕХБ городов Казани и Чистополя были достаточно равными.

В борьбе с религиозностью населения государство стремилось охватить все формы её проявления. Как известно, местом особого почитания верующих были «святые места», куда осуществлялись массовые паломничества. С целью их ликвидации в 1959 г. выходит Постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам». Для организации работы в данном направлении в Татарской АССР использовались дореволюционные материалы религиозного характера, содержащие сведения по истории паломничества верующих к святым местам в республике. Таким образом, была систематизирована информация почти по 50 святым местам, действовавшим в крае до 1917 г.²⁵⁷

Для иллюстрации методов работы по ликвидации «святых мест» можно отметить организацию этого дела в Пестречинском районе Татарской АССР, где до 1963 г. отмечалось массовое паломничество к «святому источнику» близ села Куюки и групповые паломничества к

²⁵⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.87. Л.84.

ключу близ села Верхние Девлезери²⁵⁸. В районе был проведён персональный учёт лиц, посещающих эти места, а полученный материал был использован в индивидуальной работе с верующими по месту жительства. Районная санэпидемстанция опубликовала в печати данные проб воды из этих источников, а врачи провели беседы среди населения и с паломниками. Ежегодно летом в селах Куюки и Верхние Девлезери в дни паломничества проводились массово-политические и атеистические мероприятия, в которых принимали участие учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, лекторы-атеисты. Предмет особого почитания верующих – икона «Николая Чудотворца», хранившаяся у одной из жительниц села Куюки, была передана в Никольский собор города Казани. Построенные верующими сторожки, кресты и часовни – снесены. В результате указанных действий «святые места» в районе были ликвидированы.

В Лаишевском районе в селе Бима главный организатор паломничества была помещена в дом престарелых. Всё культовое имущество, находившееся в её доме, было передано в действующую церковь в селе Большие Кабаны.

В агитационной работе власти использовали также фетвы ДУМЕС и послания патриархата, осуждающие паломничество к «святым местам».

Ужесточение политики в области религии и, как следствие, усиление контроля за деятельностью верующих и духовенства, предусматривало более активное участие в этом процессе силовых ведомств. Поэтому в рамках Постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», в профилактической работе были также задействованы силы правопорядка. 30 мая 1961 г. МВД Татарской АССР направило начальникам городских и районных органов милиции республики указание «О повышении роли милиции в борьбе за строгое соблюдение советского законодательства о религиозных культах». В рамках его реализации во второй половине того же года на местах были проведены соответствующие мероприятия. Так, в Кировском районе города Казани сотрудники милиции задержали некоего Файзутдинова, 1927 года рождения, занимавшегося отправлением обрядов в частных домах. Решением районного суда его выслали из города сроком на пять лет²⁵⁹. Инспектором Тукаевского районного отделения милиции было установлено, что 70-летний Хакимов незаконно исполняет обязанности муллы

²⁵⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.87. Л.87.

²⁵⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.52.

на собраниях верующих в деревне Марьян. После проведённой с ним разъяснительной работы «он перестал нарушать закон»²⁶⁰. В деревне Ерсубайкино Альметьевского района активисты незарегистрированной группы верующих Сергеева и Шакмакова подверглись выселению «в специально отведённые местности сроком на два года»²⁶¹.

Милиция также проводила работу по предотвращению массового паломничества верующих к «святым местам». Поблизости от этих мест организовывались совместные дежурства сотрудников милиции и дружинников. В результате данных мероприятий, в 1961 г. верующие лишились возможности посещать места поклонения в Тетюшском, Биллярском, Лениногорском, Шереметьевском и ряде других районов республики.

Некоторые городские и районные отделы милиции привлекли к ответственности лиц, занимавшихся изготовлением и продажей предметов религиозного культа. К примеру, в Альметьевском районе были задержаны жители Мордовии Кузнецова и Морозкина, изготовлявшие и сбывавшие населению иконы²⁶². После оформления на них в городском отделе милиции материалов, как на лиц, занимавшихся незаконным промыслом, они были оштрафованы и строго предупреждены финансовыми органами.

Сотрудники МВД использовались в борьбе с религией не только в разовых широкомасштабных мероприятиях, проходивших в рамках какой-либо кампании. Милиция и дружинники также участвовали в обеспечении порядка во время религиозных праздников, в предотвращении собраний незарегистрированных религиозных обществ.

Властями была выработана особая система по противодействию лицам, стремящимся получить религиозное образование. В соответствии с ней, духовные учебные заведения были обязаны представлять уполномоченным СДРПЦ и СДРК при СМ СССР сведения о лицах, подавших заявления о поступлении в данные заведения. Далее уполномоченный знакомил с этими сведениями своих коллег из тех областей, краёв и республик, где проживали абитуриенты. В отношении последних просил принять меры «воспитательного» характера, а также запрашивал о наличии компрометирующих материалов, которые могли бы послужить препятствием к зачислению их в духовное учебное заведение. Таким образом, власти проявляли известную гибкость, используя политику «кнута и пряника». С одной стороны, они стремились создать таким людям всевозможные условия для продолжения даль-

²⁶⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.52.

²⁶¹ Там же. Л.53.

²⁶² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.54.

нейшей гражданской жизни, с другой – использовали изъяны их биографии для «силового» противодействия получению ими религиозного образования.

Подобная практика стала применяться в Татарской АССР в массовом порядке с начала 1960-х гг. и просуществовала до конца 1980-х гг. К примеру, в мае 1965 года уполномоченным СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР А.С.Диульским была получена информация от уполномоченного города Ленинграда о том, что условия приёма в семинарию запросил житель города Казани В.Пацей²⁶³. Об этом Диульский поставил в известность заведующего отделом пропаганды и агитации Татарского Обкома КПСС Н.А.Андриянова и первого секретаря Казанского горкома КПСС Р.М.Мусина. В течение мая - июля 1965 г. с В.Пацей была проведена большая «воспитательная» работа. В результате личных бесед выяснилось, что «письмо в семинарию было написано им под давлением бабушки»²⁶⁴. На момент отправки письма в Ленинградскую духовную семинарию он работал в Казанском авиаотряде учеником слесаря. Ему предложили перейти на работу учеником токаря, так как это давало возможность улучшить его материальное положение. Кроме того, была достигнута договорённость о его приёме на учёбу в местный техникум связи. После того, как Пацей выразил недовольство своим прежним местом работы в казанском аэропорту, он был переведён на Казанский компрессорный завод, как и было обещано, учеником токаря. Одновременно парторганизация завода активно изыскивала средства для организации его дальнейшего образования.

В другом случае аналогичное сообщение было получено о некоем Гужавине, выпускнике Казанского авиационного института, сотруднике лаборатории №1 инженерно-конструкторской группы п/я 678²⁶⁵. Здесь власти действовали иными методами. По-видимому, Гужавин крайне резко отреагировал на попытку властей провести с ним «воспитательную» работу. Поэтому вскоре уполномоченным были получены с места работы Гужавина сведения о неадекватном поведении последнего. В частности, в них указывалось, что «сидя за столом, он (Гужавин. – И.Р.) начинал вскакивать и выкрикивать бессвязные слова, после чего в принудительном порядке был направлен к невропатологу, где был установлен диагноз – начало шизофрении»²⁶⁶. Тот факт, что странности в поведении Гужавина были обнаружены руководством и коллегами только после обнаружения органами власти его желания

²⁶³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.12. Лл.29-31.

²⁶⁴ Там же. Л.29.

²⁶⁵ Там же. Л.30.

²⁶⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.12. Л.30.

поступить в духовное учебное заведение, даёт право на версию о спланированном характере этих событий. В пользу этой версии говорит то, что властями негласно поддерживалось и поощрялось отношение к верующим в обществе как к людям, страдающим «вялотекущей формой шизофрениии».

На примере подобных случаев, имевших массовый характер, можно проследить, как дифференцировано поступали власти с людьми, стремившимися получить богословское образование. В отношении абитуриентов с не сформировавшимися окончательно религиозными убеждениями, зачастую идущими на этот шаг под влиянием родственников, власти прилагали все силы для получения их обратно в «стан материалистически мыслящих граждан». На значимость данного направления работы указывает тот факт, что контроль в данном вопросе осуществлялся на таком высоком уровне. Поэтому неудивительно, что легко решались бытовые проблемы несостоявшихся абитуриентов в том случае, если они были готовы отречься от своих первоначальных замыслов.

Антирелигиозные мероприятия властей затронули не только верующих, но и их духовных пастырей. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», власти стали ещё жёстче относиться к представителям духовенства, проявлявшими чрезмерную активность в стремлении реализовать свои права и права верующих на отправление религиозных потребностей. Так, в 1960 г. на три года заключения был осужден Казанский архиепископ Иов. Официально он был обвинён в неуплате налогов. Однако нельзя исключать и того что, возможно, это была расплата за частые ходатайства в центральные органы власти о передаче верующим Петропавловского собора в г. Казани и «... противодействие закрытию храмов в епархии»²⁶⁷.

Массированная атеистическая пропаганда приносила свои плоды. В обществе сложилась атмосфера резкой нетерпимости к верующим. В отношении последних звучали ложные упрёки и обвинения со страниц газет, журналов, радио и телевидения. Благодаря всеобъемлющей пропагандистской системе у простых обывателей создавалось представление о верующих, как о некоем социуме людей, существующих вне закона, на которых не распространялись общечеловеческие права. Иногда проявления подобного отношения были настолько грубыми,

²⁶⁷ Мировые религии. Учеб. / А.А.Алов, Н.Г. Владимиров, Г.Ф.Овсиенко. – М., 1998. – С.115.

что партийно-государственным органам приходилось пресекать явные нарушения их гражданских прав. К примеру, в 1964 г. руководством предприятия п/я №757 города Казани было отказано в трудоустройстве некоему Семикозову только на том основании, что он являлся сыном пресвитера зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов²⁶⁸. На справедливое возмущение отца Семикозова начальник отдела кадров ответил следующее: «На заводе итак много сектантов работает, хватит и того, что ты и сам работаешь, а сына твоего не приму»²⁶⁹. Только после вмешательства Казанского горкома КПСС Семикозов был принят на работу.

При этом факт, что религиозные общины были зарегистрированы в органах власти и, следовательно, находились под защитой советского законодательства или наоборот таковыми не являлись, для местных властей не являлся решающим. Так, в 1960 г. Чистопольский горисполком самовольно закрыл молитвенный дом зарегистрированной старообрядческой общины. В 1962 г. правление местного колхоза без всяких на то оснований изъяло у зарегистрированной мусульманской общины села Новое Узеево Октябрьского района здание мечети и некоторое время использовало его для хранения зерна²⁷⁰. В обоих случаях верующим вернули их молитвенные помещения только после вмешательства обкома КПСС и Совета Министров Татарской АССР. Таким образом, республиканским органам иногда приходилось корректировать антирелигиозные действия местных руководителей для сохранения, хотя бы в минимальной степени, законности в отношении верующих.

В первой половине 1960-х гг. антирелигиозная пропаганда стала настолько нетерпимой, что зачастую в ходе неё страдали люди, которые, не являясь верующими, в силу различных обстоятельств имели к ним косвенное отношение. К примеру, в 1965 г. на одном из заседаний группы содействия контролю за соблюдением советского законодательства о культах при исполкоме Лениногорского Совета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос о поведении заведующего клубом д. Куакбаш В.Хасанова²⁷¹. На заседании группы, кроме её членов, участвовали работник идеологического отдела горкома КПСС, председатель Куакбашского сельсовета и заведующий отделом районной газеты. Предметом обсуждения стал тот факт, что, по словам присутствовавших, «Хасанов В. превратил свой дом в молитвенный дом, где по

²⁶⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.186.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.11. Л.175.

²⁷¹ Там же. Д.4. Л.84.

пятницам и религиозным праздникам собирались старики численностью от 7 до 10 человек читать молитвы»²⁷². В своё оправдание Хасанов заявил, что сам не будучи верующим позволяет собираться в своём доме односельчанам для чтения намазов только по настоянию верующей матери. Однако этот довод не был принят во внимание, Хасанов был предупреждён о недопустимости подобного явления, а по линии отдела культуры – снят с работы «за развал и пьянство»²⁷³. Возможно, факты, указанные выше, действительно имели место, но в данном случае расплата за них последовала только после обнародования случаев, связанных с нелегальными собраниями в его доме мусульман для исполнения пятничного намаза. Аналогичные случаи в эти годы были не единичны. В своей борьбе с нелегально действующими религиозными объединениями органы власти часто шли на самые жёсткие меры, причём не только в отношении самих верующих, но и их ближайших родственников. Так как верующие в основной своей массе были людьми достаточно пожилыми и имели соответствующий своему мировоззрению и возрасту круг общения, власти не могли воздействовать на них путём общественного осуждения. В отношении же их родственников властям представлялась возможность создать крайне негативную обстановку, начиная от насмешек знакомых и заканчивая поиском причин для увольнения с места работы.

В своей пропагандистской деятельности власти максимально использовали случаи отречения некоторых верующих и духовенства от Бога и духовного сана. Подобные факты широко освещались в прессе, а самих отрёкшихся государство стремилось привлечь к антирелигиозной пропаганде. Бывшие духовные лица нередко выступали с атеистическими лекциями. С точки зрения действенности на аудиторию они имели больший эффект, по сравнению с теми, что читали лекторы общества «Знание», поскольку читались лицами, на себе испытавшими «религиозный дурман» и знавшими о каких-либо неприглядных сторонах в деятельности религиозных объединений не понаслышке. К тому же следует учитывать, что большая часть служителей культа являлись прирождёнными ораторами и хорошими психологами, что делало их незаурядными лекторами. В Татарской АССР тоже были такие представители духовенства. К примеру, здесь в 1960-е гг. от духовного сана отказались бывший мухтасиб Расулов, мулла Чистопольской мечети Вагапов и проповедник Казанского общества евангельских христиан-баптистов Герасимов²⁷⁴. Местные власти создали вышеупомянутым лицам необ-

²⁷² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.4. Л.84.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.7. Л.91.

ходимые условия для последующей профессиональной самореализации: Расулов после ухода от культовой деятельности работал преподавателем французского языка в средней школе г. Казани, помимо этого ему была назначена персональная пенсия. Проповеднику Герасимову была назначена пенсия в размере 40 рублей. Вагапов после отречения от сана уехал в Казахскую ССР и дальнейшая его судьба неизвестна. В своей «новой» жизни Расулов и Герасимов активно выступали с докладами и лекциями на антирелигиозные темы, более того Герасимов являлся членом общества по распространению политических и научных знаний, где также активно вёл атеистическую работу²⁷⁵.

Ущемление прав верующих внутри страны и массированная атеистическая пропаганда сочетались с желанием властей представить себя в выгодном свете на международной арене. Начиная с 1960-х гг., в связи с либерализацией внешнеполитического курса возрастает роль религиозных организаций в контактах с аналогичными зарубежными объединениями. В глазах мировой общественности они должны были служить подтверждением мифа о религиозной свободе в СССР. Таким образом, есть основания говорить о политике «двойного стандарта» в отношении «внутренней» жизни верующих и их зарубежных контактов. Правительством страны одобрялось стремление конфессиональных организаций участвовать на религиозных конференциях, имевших миротворческую направленность. В частности, в 1961 г. СДРК при СМ СССР было признано целесообразным участие представителей религиозных организаций СССР в работе религиозной конференции в городе Киото (Япония)²⁷⁶.

Власти не ограничивались разрешением некоторым верующим и духовенству выезда за границу. Практиковался также приём зарубежных религиозных делегаций и внутри страны. В этой связи одним из мест, включаемых в маршруты посещений, становится мечеть Марджани города Казани. Так, в июле 1960 г. СДРК при СМ СССР по согласованию с руководством страны, были приглашены посетить Советский Союз генеральный секретарь индонезийской партии «Нахдатул Улама» Сайфутдин Зухри и один из её лидеров, министр по делам религий Фаттах Ясини²⁷⁷.

В целом, говоря о характере отношения различных республиканских и местных органов власти Татарской АССР к религиозным объединениям в конце 1940-х – середине 1960-х гг., можно утверждать, что в сравнении с предыдущим этапом они значительно ужесточились.

²⁷⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.7. Л.91.

²⁷⁶ Там же. Д.5. Л.138.

²⁷⁷ Там же. Л.120.

При этом в рамках данной тенденции, можно условно выделить два периода: 1) конец 1940-х – конец 1950-х гг., в эти годы власти всячески стремились ограничить религиозные проявления населения, усилившиеся в военные и первые послевоенные годы; 2) конец 1950-х – середина 1960-х гг. – данный период характеризуется усилением административного давления на верующих и духовенство.

На практике, это проявилось в следующих действиях властей: 1) в конце 1940-х гг. за слишком «мягкое» отношение к верующим и духовенству были сняты со своих должностей уполномоченные СДРПЦ и СДРК по Татарской АССР, что послужило ориентиром в выборе форм и методов реализации политики в отношении религии для представителей властных структур, непосредственно осуществлявших данную политику, что в ближайшие годы выразилось в крайне жёстких действиях властей в отношении религиозных объединений республики; 2) на протяжении 20 лет в республике не было зарегистрировано ни одного религиозного объединения, наоборот, шло постепенное их сокращение; 3) участились административные нападки на легально действующие религиозные объединения; 4) признав факт концентрации религиозной жизни на нелегальном уровне, власти проводят широкомасштабные мероприятия по ликвидации деятельности незарегистрированных религиозных объединений, их священнослужителей и святых мест; 5) были выработаны и применены на практике меры по противодействию поступлению граждан в духовные учебные заведения.

§2.3. Государственно-конфессиональные отношения в республике во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг.

На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. Н.С.Хрущёв был смещён со всех партийных и государственных постов и отправлен на пенсию. Новое руководство страны в своей политике стремилось избавиться от наиболее одиозных моментов «хрущёвской эпохи», в том числе массовых гонений на религию. В этот период в действиях государства просматривалась допустимость относительно мирного сосуществования социума верующих и духовенства, с одной стороны, и подавляющего большинства общества – людей с материалистическим мировоззрением, с другой.

Если в условиях хрущёвского натиска на религию и достаточно частого инициирования антирелигиозных постановлений местные органы власти должны были быть максимально активными в своей работе с верующими и духовенством, то в 1970-е гг. эта сфера деятельности исполкомов становится менее насыщенной. Перестало уделяться

должное внимание вопросам улучшения качества и объективности информации о деятельности религиозных объединений. Зачастую годовые отчёты исполкомов по данному вопросу представляли собой шаблонный перечень мероприятий, из которых большая часть в действительности не была проведена. Значительная часть местных руководителей в пункте о деятельности на территории их районов незарегистрированных религиозных объединений писали об отсутствии таковых. В некоторых случаях общественные комиссии содействия по соблюдению законодательства о культах числились только на бумаге.

Правда, своеобразный импульс к активизации деятельности исполкомов и комиссий по данному направлению придавали инспекторские проверки представителей республиканских органов власти. В частности, в своей справке о командировке в Черемшанский район в 1971 г. заместитель уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР Т.Ахметшин, писал: «Как видно, религиозные группы Черемшанского района не чувствуют строгой контрольности, работают в целях укрепления связей, проводят собрания, принимают посторонних лиц, сами ездят для получения консультаций»²⁷⁸. Однако уже в 1974 году опыт работы исполкома Черемшанского райсовета по организации контроля за деятельностью сектантских групп рассматривался как образцовый. В частности, за 1971-1973 гг. в результате бесед с населением и баптистами были собраны исчерпывающие данные на сектантов. Было установлено, что сектантские группы образовались в период войны в результате активной проповеднической деятельности нескольких баптистов. К 1955 г. в районе действовали группы сектантов по 20-30 человек, организаторы которых имели устойчивые связи с зарегистрированным центром баптистов СССР – ВСЕХБ, а также нелегальным СЦЕХБ, посещали семьи сектантов из других районов республики, а также Казани²⁷⁹. Следует отметить, что количество таких командировок было весьма ограничено, в связи с чем они не могли коренным образом поменять неблагоприятную для властей ситуацию.

В 1973 г. председатель Совета Министров Татарской АССР Г.И.Усманов, в обращении к председателям исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся отмечал, что «в этих материалах (имеются в виду отчёты – И.Р.) из года в год повторяются одни и те же второстепенные и поверхностные данные ..., зачастую фальсифицируется картина религиозности населения»²⁸⁰. Республиканские

²⁷⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.46. Л.37.

²⁷⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.44. Лл.18-19.

²⁸⁰ Там же. Д.43. Л.2.

органы власти, осознавая, что религиозная ситуация в республике, отражаемая в отчётах местных районных и городских руководителей, неадекватна реальной, время от времени, посредством вышеупомянутых обращений и директив, пытались добиться получения истинных показателей. Однако действенность подобных методов активизации деятельности исполкомов и общественных комиссий была незначительна, вызывая лишь временную активизацию в их работе.

На данном этапе были также скорректированы действия властей в работе с родственниками активистов-верующих, теперь они использовались преимущественно в отношении явно негативно настроенных в отношении властей конфессий. К примеру, в 1969 г. профилактические беседы уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР И.А.Михалёва с активным проповедником казанских сторонников СЦЕХБ М.Л.Якимовым показали, что наиболее уязвимым местом в его психологии являлось беспокойство за своих детей, страх за то, что его активная деятельность в этом обществе могла причинить им вред. В этой связи И.А.Михалёв просил СДР при СМ СССР «оказать помощь в использовании его детей через Высшее техническое училище (сын – аспирант Московского высшего технического училища имени Баумана) для переписки с отцом и встреч с ним для разрыва с раскольниками и перехода на лояльные позиции к Советской власти»²⁸¹.

В 1970-е – 1980-е гг. сотрудничество государственных органов власти и некоторых представителей религиозных организаций приобретает более глубокий и регулярный характер. В частности, уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР в этот период всегда располагал исчерпывающей информацией о лицах, осуществлявших пожертвования в адрес религиозных центров. Сведения были настолько подробными (имена, фамилии, отчества, адреса жительства и сумма пожертвования), что источником подобной информации мог быть только непосредственно сам религиозный центр, куда осуществлялся перевод. В поддержку этого довода говорят и слова уполномоченного СДР при СМ СССР по Башкирской АССР М.Ардуванова в сопроводительном письме к списку лиц, жителей Татарской АССР, от которых в 1975 г. поступили добровольные пожертвования в ДУМЕС: «Данные получены доверительно через религиозные каналы. Поэтому при использовании ими просим ссылки на них не делать»²⁸².

²⁸¹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.34. Л.18.

²⁸² Там же. Д.73. Л.11.

Следует заметить, что эти данные использовались властями не только для определения уровня религиозной активности населения, но и контроля за деятельностью местных исполкомов. Нередко, по данным исполкомов Советов депутатов трудящихся, на их территории не функционировало ни одной религиозной общины, как из числа зарегистрированных, так и действующих на нелегальной основе. Однако по сведениям, поступившим из Башкирской АССР, оказывалось, что на их территории проживали верующие, финансово поддерживающие ДУ-МЕС или иные религиозные объединения и организации.

В конце 1960-х – 1970-е гг. в республике получила широкое развитие практика, не столь часто применявшаяся в начале 1960-х гг., когда столица Татарской АССР выступала местом демонстрации лояльного отношения властей к религии в целом и к исламу в частности. Так, в сентябре 1969 года Казань посетила мусульманская делегация республики Верхняя Вольта (ныне Буркина-Фасо); в октябре 1970 года в столицу Татарской АССР прибыли делегаты международной конференции «За единство и сотрудничество в борьбе за мир», проходившей в Ташкенте; в ноябре 1972 г. – генеральный секретарь при канцелярии президента государства Того; в августе 1974 г. – делегация мусульманских деятелей зарубежных стран, участвовавших в конференции в городе Самарканде, посвящённой 1200-летию Исаиила Бухари; в июне 1977 г. – участники Московской всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами»; в августе 1978 г. – мусульманская делегация государства Чад; в октябре 1979 г. – турецкая мусульманская делегация; в 1980 г. – участники Ташкентской конференции «XV век хиджры должен стать веком мира и дружбы между народами» и т.д.²⁸³

Во время визита в республику члены зарубежных делегаций из мусульманских стран непременно посещали мечеть Марджани, встречались с ее имамом, после чего оставляли запись в книге почетных гостей о том, что «советское правительство не препятствует деятельности религиозных организаций». К примеру, во время визита в Казань делегатов международной ташкентской конференции 1980 г. председатель мусульманской ассоциации Гаяны сказал: «Мы убедились в том, что ваш народ живёт хорошо, в мечетях много верующих и никто их за это не преследует»²⁸⁴. Ради таких слов и соответствующих впечатлений, увезённых на родину, власти позволяли отдельным мечетям некоторые послабления, такие, как покупка автомобиля, пристройка допол-

²⁸³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.73. Дд.34, 41, 44, 81.

²⁸⁴ Там же. Оп.2. Д.41. Л.33.

нительного помещения к зданию мечети, как это имело место с мечетью Марджани. Здесь учитывались даже такие моменты, как обеспечение религиозных объединений священными книгами. Ввиду того, что по традиции гостям вручали Коран, так как это оставляло у делегаций благоприятное впечатление, уполномоченный ходатайствовал перед СДР при СМ СССР о необходимости пополнить запасы этой книги. Гостями мечети были не только духовные лица. К примеру, в 1978 г. её посетили французские журналисты Серж Зейон и Мишель Серьер²⁸⁵. Тем не менее, некоторые нелицеприятные для властей факты были столь очевидны, что скрыть их не удавалось. Так, в октябре 1979 г. во время визита в Казань мусульманской делегации из Турции, ее члены выразили недоумение в том, что в Ташкенте действует 16 мечетей, а в Казани только одна²⁸⁶.

На данном этапе наступает признание властями заслуг духовенства в деятельности по сбору денежных средств в Фонд мира и Общество охраны памятников. Так, в 1977 г. за активное участие в работе советского Фонда мира, почетными грамотами были награждены священнослужители всех зарегистрированных религиозных общин Татарской АССР. Лояльность властей к духовенству демонстрировалась и на самом высоком уровне – в 1977 г. указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Трудового Красного Знамени был награждён патриарх Московский и всея Руси Пимен.

Государство создавало с лояльным духовенством некий «союз» для пропаганды тех аспектов своей политики, где между ними не было принципиальных разногласий. В этот период власть стала более активно стимулировать участие духовенства в общественной жизни страны, организуя многочисленные встречи служителей культа с лекторами общества «Знание» по вопросам внутренней и внешней политики Советского государства. К примеру, 25 октября 1977 г. во Дворце культуры имени Кирова города Казани прошла их встреча с представителями исполнительных органов и духовенством мечетей, расположенных в Татарской АССР, 26 октября в клубе «Комсомолец» – встреча с представителями исполнительных органов и служителями культа церкви республики по материалам Внеочередной 7-й сессии Верховного Совета СССР²⁸⁷. После выступления лекторов общества «Знание» с ответным словом выступил имам-хатиб Казанской мечети Х.Яруллин, который по поручению присутствовавших огласил текст письма в адрес СДР при СМ СССР с одобрением новой Конституции СССР. В клубе

²⁸⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.87. Л.52.

²⁸⁶ Там же. Д.93. Л.58.

²⁸⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.81. Л.98.

«Комсомолец» с аналогичной речью выступили настоятель Кладбищенской церкви г. Казани В.П.Тарасюк и управляющий Казанской и Марийской епархии епископ Пантелеймон. Таким образом, власти стремились максимально задействовать священнослужителей в проведении государственной линии среди верующих. К тому же представители духовенства, прошедшие подобные лекции, при встречах с зарубежными делегациями должны были демонстрировать свою «политическую грамотность» и поддержку всем аспектам политики партии и правительства.

Очевидным становится негласное соглашение между властями и религиозными организациями, при котором «религиозные деятели вполне довольствовались существующими «свободами», а власти терпели тот уровень религиозности населения, который сохранился к данному времени»²⁸⁸. При этом необходимо отметить, что для обеих сторон это «соглашение» носило вынужденный характер.

Несмотря на то, что со второй половины 1960-х гг. политика государства в области религии несколько смягчается, власти не оставляли попыток ограничить влияние религиозных объединений. К примеру, в 1974 г. СДР при СМ СССР предложил уполномоченным подготовить новые рекомендации по ограничению деятельности исполнительных органов религиозных объединений рамками закона, в частности, в хозяйственно-финансовой сфере²⁸⁹. Примечательно, что эту работу предписывалось проводить весьма осторожно, по возможности не запрашивая какие-либо новые данные от религиозных обществ, чтобы не вызвать у них подозрений. Иными словами, совмещая относительно лояльные отношения с церковными иерархами и верующими, власти стремились найти новые пути для ограничения их деятельности.

В 1970-е гг. для некоторой части советского общества становится ясным, что коммунистическая идеология и пропагандируемое ею атеистическое мировоззрение оказались несостоятельны в решении многих вопросов, возникающих перед человеком на разных этапах его жизни. В этой связи религия для них предстала как альтернатива официальной идеологии, как система нравственно-этических ценностей, способная заполнить духовный вакуум, образовавшийся у части граждан после разочарования в идеях коммунизма.

В русле таких процессов и сравнительного ослабления контроля со стороны органов власти, среди населения Татарской АССР значительно возрос интерес к религии. В отчёте отдела пропаганды и агита-

²⁸⁸ Юнусова А.Б. Указ. соч. – С.270.

²⁸⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.60. Л.28.

ции Татарского обкома КПСС «О деятельности религиозных общин на территории ТАССР в 1975 г. и некоторых тенденциях активизации духовенства и верующих» отмечалось: «В последнее время процесс угасания религии замедлился, что в значительной мере объясняется активизацией религиозных общин, духовенства и ослаблением внимания к этим проблемам»²⁹⁰. Характер и степень воздействия религии на население можно проиллюстрировать посредством ряда показателей, по которым вёлся учёт органами власти. При этом ещё раз следует оговориться, что в силу уже ранее указанных причин не все количественные показатели, особенно по исламу, полностью отражали суть происходивших процессов.

Так, расходы жителей Татарской АССР на отправление культовых потребностей в 1975 г. превысили 2 220 тысяч рублей²⁹¹. Рост этих доходов по православию в сравнении с 1971 г. составил 400 тысяч рублей, а по исламу – 187 тысяч. В 1975 г. в церквях и сектантских общинах республики подверглись обряду крещения 9 540 детей и совершеннолетних, против 9 219 случаев в 1974 г.²⁹². Из общего числа окрещённых 8 408 были жителями Татарии, что в процентном отношении составляло 29,6% от числа родившихся (без татарских семей). Обряд венчания совершили 761 пара молодожёнов, против 555 в 1970 г.²⁹³. Позитивная динамика религиозной обрядности сохранялась и в последующие годы. Так, если в 1975 г. было совершено религиозных обрядов всех наименований – 164,6 тысяч, то в 1979 – 218,3 тысяч²⁹⁴. Денежные поступления по всем религиозным объединениям составили (в тысячах рублей): в 1967 г. – 1 296; в 1972 г. – 1 833; в 1973 г. – 1 951,2; в 1976 г. – 2 312; в 1980 г. – 3 012; в 1985 г. – 3 504²⁹⁵.

Одним из непосредственных проявлений ослабления контроля местных властей за мусульманскими объединениями в тех или иных районах и городах республики, стала активизация незарегистрированных священнослужителей и активистов-верующих на татарских кладбищах. Как правило, процессом похорон неформально руководили либо незарегистрированные муллы, либо активисты нелегально действующих религиозных объединений. Они не только следили за правильностью исполнения соответствующих обрядовых действий, но и определяли

²⁹⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275г. Л.13.

²⁹¹ Там же. Л.106-109.

²⁹² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275г. Л.11.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же. Л.106.

²⁹⁵ Там же. Оп.14. Д.403. Л.58. (Динамику доходов и расходов религиозных объединений отдельно по конфессиям см. в Приложении №7).

место захоронения, тем самым выполняя и административное руководство похоронами. На некоторых кладбищах при входе устанавливались религиозные эмблемы, изречения из Корана. К примеру, на входе кладбища рабочего посёлка Арск висела вывеска «Арское мусульманское кладбище» и там же было написано изречение на арабском языке «Нет Бога, кроме аллаха»²⁹⁶. Были факты, когда руководители местного уровня сами негласно разрешали верующим отправлять обряды на кладбищах, в частности, в селе Большие Берези Арского района мусульмане с негласного согласия председателя местного сельсовета возводили на территории кладбища большое здание мечети, которую намеревались открыть к празднику Курбан-байрам 27 февраля 1969 г.²⁹⁷. При сооружении нового входа на кладбище Приволжского района города Казани первоначально также была предусмотрена мусульманская эмблема – полумесяц, но из-за вмешательства республиканских властей она не была водружена, по той причине, что «советское коммунальное предприятие не может выступать под религиозными эмблемами и девизами»²⁹⁸.

В связи с усилением роли незарегистрированных священнослужителей и верующих-активистов в похоронных делах власти пытались противопоставить традиционной мусульманской обрядности собственную систему обрядов. К примеру, в данный период при отделах социального обеспечения некоторых горсоветов «... в целях упорядочения похоронного обслуживания населения»²⁹⁹ были созданы комиссии содействия похоронам. В их состав вошли в основном пенсионеры-общественники, которые должны были способствовать внедрению гражданской похоронной обрядности, тем самым пытаясь вытеснить верующих и духовенство из этой сферы.

В 1970-е годы в Татарской АССР значительно активизировались 6 незарегистрированных общин СЦЕХБ, объединявших в 1975 г. около 200 человек³⁰⁰. Они распространяли нелегальную литературу, создавали библейские школы для детей и открыто не признавали советского законодательства о культах. Среди вышеупомянутых общин наиболее активной была баптистская община Кировского района г. Казани, обращавшаяся с жалобой на действия местных властей в адрес XXV съезда КПСС. Кроме того, в столице республики действовали незарегистрированные общества пятидесятников в Советском районе и

²⁹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275г. Л.18.

²⁹⁷ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.40. Л.37.

²⁹⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275г. Л.16.

²⁹⁹ Там же. Л.39.

³⁰⁰ Там же. Л.11.

адвентистов седьмого дня в Вахитовском районе. По признанию самих властей в лице заведующего отделом пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС Калаганова, «Мы не добились успехов в ликвидации деятельности этих групп»³⁰¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в вышеуказанных сектах значительную часть их членов составляла молодёжь и женщины. К примеру, в секте адвентистов седьмого дня (общая численность на середину 1970-х гг. около 40 человек), организационно оформившейся в 1969 г., 80% её участников составляли женщины, из которых не менее 30% были в возрасте 20-30 лет. На богослужениях регулярно присутствовали не менее 15 детей и подростков³⁰².

В середине 1970-х годов в руки молодёжи практически перешло руководство группой сектантов, сторонников СЦЕХБ, в Кировском районе Казани. Были случаи перехода молодых верующих в эту общину из официально действующей в Вахитовском районе. В ноябре 1975 г. властями была сорвана попытка проведения межобластной конференции баптистской молодёжи. 8 ноября 1975 г. к дому активиста общины СЦЕХБ г. Казани В.С.Сучкова прибыло около 80 человек делегатов конференции³⁰³. Однако члены ДНД и БКД не дали им возможности пройти в дом, так как в соответствии с советским законодательством о культах подобные мероприятия должны были быть прежде согласованы с руководством республики и СДР при СМ СССР, что в силу нескрываемого враждебного отношения к властям СЦЕХБ, не могло быть осуществлено. Несмотря на это, молодые баптисты вместе с детьми систематически посещали Марийскую АССР и Кировскую область для совместных богослужений со своими единоверцами.

В 1970-е годы заметно возросла роль молодёжи не только в казанской общине СЦЕХБ. Организационно активизировалась сравнительно молодая часть верующих и других религиозных объединений. В частности, осенью 1975 г. произошла смена руководства в мечети Марджани, где из состава учредителей данного мусульманского объединения были выведены люди пожилого возраста, в результате чего председателем исполнительного органа мечети стал 42-летний рабочий Казанского завода РТИ³⁰⁴. Именно «молодая» часть муттавалиата делегировала в ДУМЕС трёх своих членов, поставивших перед муфтием вопрос об открытии в Казани медресе. Кроме этого, новый актив общины поставил в известность уполномоченного СДР при СМ СССР по Татар-

³⁰¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275г. Л.13.

³⁰² Там же.

³⁰³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.67. Л.86.

³⁰⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275г. Л.13.

ской АССР о том, что они хотят «превратить Азимовскую мечеть, отданную на поругание неверующим, в филиал соборной мечети (т.е. мечети Марджани – И.Р.), поскольку мусульманам не хватает места для молитвы»³⁰⁵. По словам уполномоченного, они также ставили вопрос о свободе издания религиозной литературы³⁰⁶.

Некоторые представители верующих на данном этапе стали активнее и решительнее в стремлении в полной мере реализовать свои права на удовлетворение религиозных потребностей. В этой связи можно отметить одно событие, выходящее из разряда обыденных. 14 марта 1975 г. верующий мусульманской общины г. Казани З.Минвалиев, при поддержке А.Саматова, Х.Садыкова, Р.Галлиулина, самовольно использовав громкоговорящее трансляционное устройство мечети, выступил перед верующими с призывами не подчиняться положениям законов о культах, требуя от органов власти предоставления мусульманским активистам полной свободы проповеднической деятельности среди населения³⁰⁷. В этот день, а также 21 и 28 марта, З.Минвалиев и Х.Садыков по-своему интерпретировали «Декларацию прав народов России», текст «Обращения к трудящимся-мусульманам России и Востока», заявляя, что органы власти ущемляют права верующих.

Примечательным в этой истории является то, что большая часть верующих и все представители духовенства мечети Марджани не поддержали выступивших и просили «принять меры по ограждению прав верующих от этих подстрекателей беспорядков»³⁰⁸. Очевидно, подавляющее большинство прихожан, будучи людьми престарелыми, хорошо помнили те годы, когда за такие поступки можно было серьёзно пострадать. Поэтому в их понимании было лучше довольствоваться предоставленными государством возможностями для реализации собственных культовых потребностей, чем пытаться такими радикальными способами добиться расширения своих прав.

Характерна в этой истории реакция и поведение властей. Непосредственно в день обращения Минвалиева к верующим, т.е. 14 марта, уполномоченным СДР при СМ СССР по Татарской АССР И.А.Михалёвым была проведена с ним и лицами, его поддерживавшими, соответствующая беседа, в ходе которой было сделано разъяснение о содержании законов о культах³⁰⁹. Таким образом, со стороны властей

³⁰⁵ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.67. Л.15.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же. Оп.2. Д.45. Л.52.

³⁰⁸ Там же. Л.53.

³⁰⁹ НА РГ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.45. Л.57.

не последовало каких-либо силовых мер воздействия, что могло бы иметь место при аналогичной ситуации в первой половине 1960-х гг.

В другом случае своё несогласие с некоторыми аспектами политики в отношении религии выразили представители духовенства. Здесь предметом расхождений стало налоговое обложение священнослужителей и их статус в трудовом законодательстве. 13 апреля 1976 г. представители духовенства и исполнительного органа мечети Марджани адресовали Председателю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину и Председателю Верховного Совета СССР Н.В.Подгорному письмо. В последнем заявители указывали, что «обложение подоходным налогом (служителей культа – И.Р.)... в корне не соответствует рассказам тов. В.А.Куроедова (в тот период председателя СДР при СМ СССР – И.Р.)... о том, что верующие всех религий, как и священнослужители – полноправные граждане Советского Союза...»³¹⁰. При этом служители культа в числе оснований для смягчения налогового пресса, указывали на тот факт, что кроме повседневной текущей работы, они принимали делегации из арабских стран, которые имели возможность воочию убедиться, что в СССР отправление религиозных культов осуществляется совершенно свободно³¹¹. В данном случае заявителями делался весьма прозрачный намёк на некий негласный договор между государством и религиозными организациями, согласно которому они честно выполняли свою часть обязательств и просили дополнительного поощрения.

Для приведения реального положения духовенства в соответствие с вышеупомянутым тезисом ими предлагалось: 1) обложение подоходным налогом духовенства производить наравне со всеми гражданами СССР; 2) разрешить образование профсоюза работников религиозных учреждений, мечетей с возложением на него обязанностей оплаты по временной нетрудоспособности, очередных отпусков, назначений пенсий по старости. Членские взносы профсоюза и отчисления в фонд социального страхования сосредоточить в Духовном управлении.

Реализация этих требований, в особенности пункта 2, грозила государству значительным усилением влияния Духовного управления и приобретением им некоторой автономности в области собственной кадровой политики. К тому же сам тон письма и указания на активную деятельность мусульманских священнослужителей по созданию образа государства, где осуществляется принцип свободы совести, ставил власти и религиозные организации в статус равноправных партнёров, чего государство не могло допустить. Поэтому заявление вызвало резко

³¹⁰ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.76. Л.43.

³¹¹ Там же. Л.44.

негативную реакцию властей. С лицами, подписавшими письмо, была проведена беседа «о недопустимости подобных экстремистских проявлений»³¹². Служителей культа предупредили о возможности снятия их с регистрации в случае повторения подобного факта. Следует заметить, что это было весьма мягким наказанием в сравнении с тем, что могло бы произойти 12-15 годами раньше.

Однако в отношении объединений, регулярно нарушающих законодательство о культах, силы правопорядка использовались регулярно и открыто. В частности, в 1974 г. жёсткие административные меры с привлечением сотрудников органов внутренних дел были применены в отношении верующих казанской общины СЦЕХБ. 5 января 1974 года частный дом по улице Светлая 11, где собирались для молитв баптисты, посетили сотрудники милиции и дружинники. Не имея санкции на обыск, они забрали Библию и несколько рукописных текстов религиозного содержания³¹³. 7 января повторились те же события и действия властей, а 11 и 13 января около вышеупомянутого дома была выставлена охрана из числа дружинников для противодействия собраниям верующих. 27 октября 1974 года верующих снова посетили представители власти в лице сотрудников Кировского РОВД, а также представителя Кировского райисполкома г. Казани. Сотрудники милиции и сопровождавшие их дружинники, по словам верующих, «хватали старушек и выталкивали их во двор, где производили запись и фотографировали для установления личности... После окончания молитвы милиция и дружинники с угрозой по одному выводили из молитвенного дома и вталкивали в автобус и увезли на допрос»³¹⁴. Письма с описанием этих событий были отправлены верующими в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева, председателя Верховного Совета СССР Н.В.Подгорного, Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина, а также ещё ряда партийных и государственных деятелей центрального и местного уровней. Однако, как можно догадаться, они не возымели никаких позитивных последствий для верующих.

Для властей подобные общины находились вне закона, что и определяло соответствующие действия в их адрес. Использование крайних административных мер имело место и в дальнейшем. Так, 13 января 1978 г. силами правопорядка вновь было сорвано молитвенное собрание общины СЦЕХБ, а его участники были доставлены в штаб ДНД, где на них составили протоколы, а с некоторыми провели индивидуальные беседы; 15 января 1978 г. было организовано дежурство спец-

³¹² НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.76. Л.48.

³¹³ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.70. Л.24.

³¹⁴ Там же. Лл.24-26.

группы ДНД НПО имени В.И.Ленина, однако сектанты на молитвенное собрание не явились³¹⁵. В этой связи комиссия содействия исполкому Кировского райсовета совместно со спецгруппой БКД проводила работу по выявлению новых мест проведения молитвенных собраний.

В 1970-1980-е гг. милиция была задействована и в борьбе с мусульманскими религиозными проявлениями, но в несколько ином плане, чем в предыдущие годы. Вследствие того, что в советский период выпуск изданий религиозного характера был весьма ограничен, некоторые верующие изготавливали фотокопии отдельных глав этих книг. В случае получения подобной информации, уполномоченный тут же извещал об этом органы МВД.

Различным мерам административного наказания подвергались и представители незарегистрированных религиозных объединений, чьи конфессии не находились в состоянии жёсткой конфронтации с властями. Действия властей в их отношении носили эпизодический характер и, как уже говорилось выше, во многом зависели от степени антирелигиозного настроения местных руководителей, а также от периодичности инспекционных командировок в районы и города уполномоченного СДР при СМ СССР и его заместителя, дававших импульс для развёртывания антирелигиозной деятельности на местах. В частности, в течение 1971–1975 гг. в Татарской АССР к административной ответственности через комиссии исполкомов районных и городских советов было привлечено 28 организаторов и руководителей молитвенных собраний незарегистрированных мусульманских общин и групп, в том числе 13 человек были подвергнуты различным штрафам³¹⁶. В отношении подобных лиц проводились и профилактические беседы по разъяснению советского законодательства о культах. Таковых за указанный период оказалось 65 человек³¹⁷. Примечательным было то, что мусульманские активисты не были подвергнуты обсуждениям на собраниях по месту работы и жительства.

Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. в Татарской АССР увеличивается число зарегистрированных религиозных обществ. С 1976 по 1983 гг. в республике было зарегистрировано 7 мусульманских объединений, 2 объединения Русской православной церкви и община адвентистов седьмого дня, в результате чего общее количество легально действующих религиозных объединений достигло 38 единиц. Во многом это стало возможным благодаря тому, что в дан-

³¹⁵ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.77. Лл.108-110.

³¹⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.65. Л.66.

³¹⁷ Там же.

ный период времени власти, учитывая реальную ситуацию в сфере религиозной активности населения, стали применять более гибкие формы и методы во взаимоотношениях с конфессиональными объединениями. Так, в справке, подготовленной отделом пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС «О состоянии религиозности и атеистической работы в ТАССР в 1984 г.», говорится: «Нередко местные органы власти отказывают в регистрации фактически действующим религиозным объединениям, считая факт регистрации уступкой религии. Однако такой подход к законным ходатайствам верующих создаёт ненужную волокиту и нередко ведёт к конфликтной ситуации, вызывает поток жалоб в центральные органы»³¹⁸. Действительно, весь многолетний опыт работы показывал, что несмотря на запретительные меры религиозные объединения фактически не прекращали свою деятельность. К тому же, ввиду того, что зарегистрированные религиозные объединения были обязаны представлять в органы власти любую информацию относительно своей деятельности, государственным структурам представлялось больше возможностей для осуществления контроля над религиозной ситуацией. Поэтому в указанный период получают юридическое оформление некоторые конфессиональные объединения, полностью и безоговорочно признававшие советское законодательство о культурах и наиболее настойчиво добивавшиеся легализации своей деятельности. Яркой иллюстрацией последнего служит пример с мусульманской общиной г. Альметьевск, для регистрации которой верующим понадобилось в период с 1969 по 1975 гг. подготовить 11 ходатайств в городской Совет, 14 – уполномоченному СДР при СМ СССР по ТАССР и 12 – председателю СДР при СМ СССР. Только после этого, в 1976 г., данная община мусульман была зарегистрирована.

На рубеже 1970-1980-х гг. в республике значительно улучшилась ситуация в подготовке кадров для мусульманского духовенства. Во многом это было связано с деятельностью Талгата Таджутдина (в 1973-1980 гг. – имам-хатиба мечети Марджани), сумевшего построить конструктивные отношения с представителями власти и использовавшего этот факт в интересах верующих. В конце 1970-х гг. в Бухарском медресе Мир-Араб обучались 4 шакирда из Татарской АССР (для сравнения, в этот же период в данном учебном заведении обучался только один шакирд из Башкирии). Помимо отправки шакирдов на учебу, исполнительный орган мечети Марджани ходатайствовал об улучшении их материального положения посредством увеличения денежных отчислений в фонд ДУМЕС. Эта инициатива нашла поддержку у мест-

³¹⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.12. Д.241. Л.57.

ных властей. В сопроводительном письме по поводу вышеуказанного ходатайства уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР обратил внимание на то, что «в связи с тем, что в ТАССР кроме Тазеева Т.С. (т.е. Талгата Таджутдина) нет имамов, окончивших медресе, а объем работы по приёму иностранных мусульманских делегаций не только возрастает, но и настоятельно требует дальнейшего улучшения этого дела, нахожу целесообразным поддержать ходатайство Казанской мечети и прошу Совет по делам религий рассмотреть их положительно»³¹⁹. Стремление властей соответствовать образу государства, где действительно соблюдается свобода совести и вероисповедания, религиозные организации пытались использовать для решения своих насущных проблем, среди которых подготовка кадров была одной из основных.

В конце 1970-х гг. усилилось значение исламского фактора в международных отношениях. Вторжение советских войск в Афганистан и борьба с его мусульманской оппозицией, не могли способствовать улучшению отношений между властью и мусульманами. В указанный период государство чётко разделило ислам на две категории. К первой были отнесены «миролюбивые мусульмане Советского Союза», ко второй – «исламские фундаменталисты» за рубежом. Наличие последних позволяло власти поддерживать в советском обществе определённый страх перед исламом в целом, создавая у людей заведомо предвзятое отношение к нему, как к одной из причин дестабилизации за рубежом и потенциальной опасности внутри страны.

Однако в реальной жизни всё больше татар обращалось к исламу. Одной из характерных черт положения ислама в республике в первой половине 1980-х гг. стало усиление роли женщин в жизни мусульманских объединений. В частности, в мечети Марджани на пятничных намазах присутствовало до 200 женщин. Учитывая что в татарском обществе именно им принадлежала главная роль в воспитании детей, распространение среди женщин религиозного мировоззрения трудно переоценить, так как именно в семье татар осуществлялась «передача» духовных ценностей ислама от старшего поколения к подрастающему. По данным социологических исследований, проведённых в республике в середине 1980-х гг., 80% мусульман получили религиозное воспитание именно в семье³²⁰. Подобное положение дел было характерно и для других конфессий. В этой связи красноречиво звучат слова сотрудника отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС: «Несмотря

³¹⁹ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.93. Л.10.

³²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.401. Л.13.

на усилия, которые прилагает партия в борьбе с религиозным мировоззрением, ощутимых результатов мы пока не видим»³²¹.

В рассматриваемый период перестали быть явлениями из разряда уникальных посещения мечетей верующими из числа рабочих и интеллигенции в возрасте 30-40 лет. Нередко среди них встречались даже комсомольцы и коммунисты. Всего за 1981-1984 гг. в посещениях мечетей были замечены 6 коммунистов и 19 комсомольцев. Все они получили различные взыскания. В некоторых случаях члены КПСС являлись активистами религиозных объединений. К примеру, в 1970-е – 1980-е годы мусульманскую общину г. Набережные Челны возглавлял коммунист М.Шакиров; член КПСС Н.Исламов состоял в руководстве казанской мечети Марджани; православную общину г. Бугульма возглавлял коммунист М.Малыхин³²². Все они впоследствии были исключены из партии.

Нельзя сказать, что партийные органы безучастно наблюдали за подобными фактами, удовлетворяясь лишь внушениями в адрес «провинившихся» коммунистов. Перед ними была поставлена задача принятия мер, противодействующих приобщению к религии коммунистов и комсомольцев. В 1980 г. было признано целесообразным провести во всех первичных организациях партийные собрания с повесткой дня: «Об отношении партии и государства к религии и церкви». Однако, как показали вышеуказанные примеры, в некоторых случаях эти установки не возымели должного действия и случаи участия коммунистов и комсомольцев в религиозных обрядах продолжали иметь место. В последующем, некоторые из них также были в числе активистов различных религиозных объединений. К примеру, в середине 1980-х годов среди ходатайствующих о регистрации мусульманского объединения в Московском районе г. Казани было 8 коммунистов и 2 комсомольца³²³. В 1985 г. по причине участия в религиозных обрядах было рассмотрено 199 персональных дел комсомольцев, в результате чего 56 из них были исключены из ВЛКСМ³²⁴. В первой половине 1980-х гг. значительно омолодился и состав духовенства. Если в 1980 году средний возраст священнослужителей Русской православной церкви составлял 51 год, то в 1984 г. – 48 лет³²⁵. Следует принять во внимание то обстоятельство, что тенденция к омоложению была характерна в первую очередь для главных фигур в церкви – священников. Их средний возраст со-

³²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.401. Л.13.

³²² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275 г. Л.92.

³²³ Там же. Оп.14. Д.401. Л.4.

³²⁴ Там же. Л.5.

³²⁵ Там же. Д.400. Л.36.

ставлял всего 41,8 года³²⁶. Происходило и существенное омоложение в составах учредителей и исполнительных органов церквей. Данную тенденцию можно проследить на примере православной общины посёлка Ржавец Куйбышевской области. Если в 1974 г. её учредителями были люди исключительно пенсионного возраста, то в 1981 г. в их состав вошли 4 человека в возрасте от 23 до 47 лет. Из трёх членов исполнительного органа, одному было 26, другому – 33 года. Настоятелем храма являлся 27-летний В.Н.Козлов³²⁷.

Подобные веяния были характерны для многих религиозных объединений, независимо от их конфессиональной принадлежности. В религиозных общинах и группах происходила смена поколений. Престарелое духовенство и религиозный актив уступали место новой формации религиозных деятелей, имевших более высокий образовательный уровень и большие амбиции. Правда, реализовать их в условиях господства атеистической идеологии было весьма трудно.

Наличие таких тенденций требовало от властей соответствующего реагирования. В этой связи были усилены меры в отношении пропаганды атеистических взглядов среди детей и молодёжи. 19 октября 1981 г. выходит Постановление бюро Татарского обкома КПСС «Об усилении атеистического воспитания», а в решениях Пленума ЦК КПСС (Июнь 1983 г.) вновь говорилось о необходимости уделять больше внимания атеистическому воспитанию³²⁸. Однако в данном случае, в районах и городах республики не были проведены масштабные антирелигиозные мероприятия, сопоставимые с теми, что имели место в первой половине 1960-х гг.

В первой половине 1980-х гг. в Татарской АССР предпринимались попытки возродить былую значимость культурно-просветительских учреждений в деле пропаганды атеистических идей. В этой связи министерством культуры республики был разработан план мероприятий по атеистическому воспитанию на 1982-1985 гг. В качестве примера подхода его реализации представляет интерес отчёт Дома культуры села Кунгер Арского района, где на одном из вечеров был подготовлен устный журнал «Наука и религия». Первая страница была озаглавлена «Всегда ли люди верили в бога» – о возникновении различных верований и появлении Библии; вторая – «Чудеса без чудес» – демонстрация опытов, рассекречивающих чудеса; третья – «Наука штурмует небо» –

³²⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.400. Л.36.

³²⁷ ЦГА ИПД РТ. Оп. 14. Д.400. Л.36.

³²⁸ Материалы Пленума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (14-15 июня 1983 г.). – М., 1983. – С.116.

о достижениях советской космонавтики; четвёртая – «Окно сатиры»³²⁹. Как видно из приведённого перечня, тематика выступлений была относительно терпима к религиозным чувствам верующих. Однако, как и прежде, данное направление работы можно было считать эффективным только применительно к людям с уже сформировавшимися атеистическими взглядами.

В целом, государственно-конфессиональные отношения в середине 1960-х – 1980-е гг. характеризовались следующими особенностями: 1) приметой времени стало формальное отношение многих представителей местных властных структур к решению вопросов, касающихся контроля за религиозной ситуацией и вследствие этого – некоторая активизация верующих и духовенства; 2) получила широкое развитие практика привлечения священнослужителей к некоторым сферам общественной жизни республики, наметился некий «союз» между властями и духовенством, для обеих сторон имевший вынужденный характер; 3) в действия властей были привнесены новые формы контроля над религиозной ситуацией, во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. выразившиеся в регистрации некоторых религиозных объединений.

§2.4. Органы власти и религиозные объединения во второй половине 1980-х гг.

В условиях начавшейся в стране перестройки и критики наиболее одиозных аспектов идеологии политики Советского государства верующие вправе были надеяться на пересмотр приоритетов и в отношении своего социума. Однако ожидаемой немедленной религиозной свободы не последовало. Видимо, этого не произошло в связи с тем, что перестройка изначально рассматривалась её инициатором не как коренное преобразование, а как реформирование только отдельных сфер жизни государства и общества.

Начало перестройки для верующих также не предвещало каких-либо позитивных сдвигов. Уже на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. было заявлено о необходимости развёртывания идеологической работы по всем её направлениям, в том числе и атеистическом. Дальнейшие события также показали антирелигиозный настрой нового руководства. Новая редакция Программы КПСС, принятая XXVII съездом партии, была выдержана в прежнем атеистическом духе. По словам Д.В.Поспеловского, «в раздел "Атеистическое воспитание" попали

³²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.12. Д.241. Л.8.

в духе 20-30-х годов и борьба с хищениями, взяточничеством, пьянством. Программа снова относит религию к области патологических отклонений»³³⁰. В рамках самой программы предполагалось «распространение научно-атеистического мировоззрения для преодоления религиозных предрассудков и широкое распространение новых советских обрядов»³³¹. В конце сентября – начале октября 1985 года на совещании заведующих кафедрами общественных наук член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е.К.Лигачёв выступил с жёсткой критикой некоторой части интеллигенции за «заигрывание с боженькой». Закономерно предположить, что и в этот период также не предполагалось введение реальной свободы вероисповедания.

После выхода Постановлений ЦК КПСС от 21 октября 1986 г. и от 18 августа 1986 г., призванных ограничить влияние ислама, силами секции пропаганды научно-атеистических знаний Татарской республиканской организации общества «Знание» было прочитано около 10 тысяч лекций по соответствующей тематике. В 1987 г. в кинотеатрах и сельских киноустановках в качестве приложений к художественным фильмам были продемонстрированы киножурналы антирелигиозного характера более чем на 2-х тысячах киносеансах, на которых побывало около 250 тысяч зрителей³³². Было принято решение о создании во всех школах клубов «Юный атеист», в детских лечебно-профилактических дошкольных и школьных учреждениях были оформлены уголки атеиста³³³.

При реализации соответствующих мер по ограничению влияния ислама большое значение придавалось особенностям и специфике этой религии. К примеру, в связи с особым положением женщин в мусульманском обществе работу с ними предписывалось вести в основном женщинам-агитаторам, для чего было задействовано 2066 женских советов³³⁴. Учитывая же особое уважительное отношение в исламе к старшему поколению, к этой работе было приобщено 1867 советов ветеранов партии, войны и труда³³⁵.

Основные усилия по противодействию мусульманству власти сосредоточили по месту работы и жительства. В районах стали практиковать проведение посиделок, «вечеров бабушек», выступления фольклорных ансамблей. В республике, в основном в городах, стали органи-

³³⁰ См.: Поспеловский Д.В. Указ. соч. – С.385.

³³¹ См.: Там же. – С.385.

³³² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.401. Л.95.

³³³ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.401. Лл. 155, 176, 184, 214.

³³⁴ Там же. Оп.15. Д.264. Л.51.

³³⁵ Там же.

зовывать при родильных домах специальные комнаты для выписки новорождённых, где в торжественной обстановке происходил советский обряд «наречения имени».

В соответствии с вышеуказанными постановлениями в Татарской АССР также были проведены мероприятия по активизации работы комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о культах при районных и городских Советах народных депутатов. В их рамках в IV квартале 1987 г. в г.Казани прошёл зональный семинар-совещание с участием председателей и членов комиссий райисполкомов столицы Татарии и пригородных районов республики. Аналогичные семинары-совещания были проведены в 1988 г. в Альметьевской и Набережно-Челнинской зонах. Основными задачами подобных мероприятий являлись как повышение общего уровня подготовки специалистов, работающих в этой области, так и выведение на новую высоту самой системы агитационно-пропагандистской работы. По словам сотрудников, ответственных за идеологическую работу, «существующая ныне система атеистической пропаганды безнадёжно отстала от жизни и нуждается в коренной перестройке»³³⁶. Данный факт отметил и член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е.К.Лигачёв во время визита в республику в 1987 году.

Был усилен контроль за поступлением денежных средств в религиозные общины и группы. В рамках этих мероприятий проверке подверглась финансово-хозяйственная деятельность религиозного объединения Приволжского района г.Казани, в ходе которой выявились серьёзные недостатки, однако предположения о хищениях со стороны председателя и членов исполнительного органа не подтвердились.

Татарский обком КПСС предписал всем райкомам принять соответствующие меры по выполнению директив вышеупомянутых постановлений. Следует заметить, что в большинстве случаев к данным директивам на местах относились весьма формально. В частности, Постановление бюро Октябрьского райкома КПСС от 31 октября 1986 года «Об усилении борьбы с влиянием ислама» было фактически переписано с Постановления бюро Татарского обкома КПСС. В нём не предусматривались конкретные формы реализации контроля за выполнением этого документа. В связи с чем практически отсутствовал анализ деятельности мусульманских религиозных организаций на территории района и уровня религиозности среди татарской части населения.

В то же время результаты работы в Октябрьском районе бригады работы обкома партии в составе партийных, советских, комсомольских, проф-

³³⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.401. Л.214.

союзных работников и учёных, а также проведённые здесь социологические исследования показали весьма высокий уровень религиозной активности населения. Согласно им 43% опрошенных верили в существование аллаха; 23,2% считали, что ислам оказывает положительное влияние на жизнь людей; 11,4% выразили желание воспитывать своих детей в религиозном духе; 56,7% опрошенных коммунистов считали, что религия не приносит ни вреда, ни пользы, каждый третий (32,7%) не видел необходимости в атеистическом воспитании³³⁷. Примечательно, что, по словам членов вышеупомянутой бригады, «практически ни один коммунист не смог изложить требования Устава КПСС к членам партии в отношении религии»³³⁸. Данное замечание было актуально для многих местных партийных организаций.

Социологическое исследование, проведённое в 1986-1987 гг. Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и имевшее целью выявить уровень религиозности и эффективность атеистической работы в регионах распространения ислама, показало плачевные для республиканских властей результаты, особенно в сравнении с некоторыми другими регионами страны³³⁹. Таким образом, вышеуказанные постановления не смогли переломить тенденцию к усилению влияния ислама в Татарской АССР.

Примечательно, что в эти годы в политике государства в отношении религии отсутствовала последовательность в действиях. Так, наряду с официальными партийными документами, призванными ограничить влияние ислама, в 1986 году властями было санкционировано проведение в г. Баку международной исламской конференции «Мусульмане за мир», в которой приняли участие и восемь делегатов от мусульманских объединений Татарской АССР.

Несмотря на стремление властей проводить дозированную демократизацию советского общества, вскоре этот процесс вышел из-под контроля и проник во все сферы жизни, в том числе и в сферу государственно-конфессиональных отношений. Как и в 1943 г., этому во многом способствовал внешнеполитический фактор. Во второй половине 1980-х гг. активизируется советская дипломатия, стремящаяся преодолеть конфронтацию с ведущими капиталистическими державами, в первую очередь с США, и установить с ними дружеские отношения. Учитывая, какое большое значение в этих странах придавалось демократическим свободам, в том числе и свободе вероисповедания, руко-

³³⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.933. Лл.32, 35.

³³⁸ Там же. Лл.57

³³⁹ Там же. Д.934. Л.14. (Подробные результаты данного социологического опроса см. в Приложении №8).

водство СССР не только ослабило давление на религиозные организации, но и привлекло их к реализации своих внешнеполитических планов. В связи с этим во время визита М.С.Горбачёва в США в состав официальной делегации, наряду с общественными деятелями и учёными, были включены представители основных конфессий, действовавших на территории СССР, что можно считать значительным прорывом в государственно-конфессиональных отношениях.

Характерной чертой времени стало более объективное отношение республиканских органов власти к фактам ущемления прав верующих представителями местных властей. Так, председатель Московского райисполкома города Казани Л.Н.Мишина долгое время препятствовала выполнению решения СДР при СМ СССР по оформлению купли-продажи частного дома под молитвенный дом мусульманскому объединению этого района. Однако в 1987 г., после вмешательства Совета Министров Татарской АССР, данный вопрос был решён положительно, а Л.Н.Мишиной решением Казанского горисполкома был объявлен выговор³⁴⁰. Это был едва ли не первый случай в Татарии, когда за предвзятое отношение к верующим столь строго был наказан представитель власти. Подобный шаг республиканских властей можно было расценивать как одно из проявлений перелома во взаимоотношениях с религиозными объединениями.

В данный период начинается процесс, обратный тому, который шёл в течение 70 лет советской истории. Начинается возврат верующим культовых зданий, правда, пока не в массовом порядке. Выражением этой тенденции стала история с зарегистрированной старообрядческой общиной г. Казани. Начиная с 1985 г. учредители данного объединения обращались в республиканские и союзные инстанции с ходатайствами о передаче в их пользование бывшего культового здания по улице Островского 81, занимаемого к тому времени Татарским республиканским производственным объединением «Татбыттехника». В 1987 г. по данному делу последовало заключение заместителя уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР Ю.В.Михайлова следующего содержания: «В целях предотвращения дальнейшего искажения внешнего вида церкви, сохранения её как памятника архитектуры, считаю необходимым решить вопрос о выселении предприятия республиканского производственного объединения «Татбыттехника» с последующей передачей бывшего культового здания по улице Островского 81 зарегистрированной общине старообрядцев... такое решение вопроса создаст нормальные условия для сохранности ценных икон,

³⁴⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.264. Лл.48, 49.

книг, предметов культа, находящихся ныне в распоряжении Казанской старообрядческой общины»³⁴¹. Следует обратить внимание, что, в отличие от недавних времён, когда аварийное состояние молитвенного здания было только на руку властям и служило поводом для роспуска религиозного объединения, в этом случае в словах уполномоченного проявлялась забота о благополучии, как самого здания, так и различных предметов культа. Подобные действия властей говорили о коренном изменении характера взаимоотношений между государством и конфессиями.

В 1988 г. в Татарской АССР была нарушена многолетняя практика, в соответствии с которой окончательное решение о регистрации религиозных объединений оставалось на усмотрение местного руководства. Видимо, в этот период, ввиду быстро меняющейся обстановки в стране, во властных структурах образовался определённый разрыв между высшим и низшим эшелонами власти, в результате чего местные руководители находились вне контекста доминирующей на тот момент политической конъюнктуры. Данная тенденция нашла выражение в ситуации с регистрацией православной общины города Куйбышева. Весной 1988 г. СДР при СМ СССР сообщил республиканским властям своё намерение «зарегистрировать общину вопреки мнению местных органов власти, в данном случае исполкома Куйбышевского райсовета народных депутатов»³⁴².

Особенностью процессов, происходивших в религиозных объединениях в конце 1980-х гг., стало стремление духовенства обрести всю полноту власти в приходах, как это было до 1960-х гг. Основой для этих тенденций послужил новый Устав об управлении Русской православной церковью, принятый на поместном соборе 8 июня 1988 г. Одно из его положений гласило: «Председателем Приходского Совета может быть избран и настоятель»³⁴³. В сущности, это означало возврат к сосредоточению духовной и административной власти в руках священнослужителей. Характерно, что и сами верующие предпочитали видеть во главе прихода именно настоятеля, а не мирянина. В русле этих тенденций в 1988 г. в православных объединениях городов Елабуги и Мензелинска председателями приходских Советов были избраны священники³⁴⁴.

Действительно, роль духовенства в жизни религиозных общин была огромна. В зависимости от того, насколько служитель культа был

³⁴¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.264. Л.83.

³⁴² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.935. Л.4.

³⁴³ Там же. Л.24.

³⁴⁴ Там же. Л.25.

энергичен и активен в своей деятельности, образован как в богословских, так и в светских науках, умел расположить к себе верующих, во многом зависела и численность прихожан общины. К примеру, в 1987 г. в старообрядческой общине г. Казани на праздничном богослужении во время пасхи и радоницы присутствовало более 200 человек, в то время как в 1986 г. в этом праздновании участвовало не более 40 человек³⁴⁵. Такой перепад в цифрах объясняется тем, что прежде эта община не имела своего священника и религиозные обряды от случая к случаю отправлял священнослужитель из Нижнего Новгорода. После того же, как в общину пришёл молодой священник, она из разряда затухающих перешла в категорию весьма активных. В целом, для всех конфессий был характерен процесс омоложения духовенства. В частности, в общинах Русской православной церкви, действовавших на территории Татарской АССР, 40% служителей культа находились в возрасте до 40 лет³⁴⁶. Во второй половине 1980-х гг. среди учредителей казанской общины адвентистов седьмого дня верующие моложе 60 лет составляли 65%, до 40 лет – 25%³⁴⁷. Продолжала также расти численность участников молитвенных собраний за счёт молодёжи³⁴⁸.

В религиозных объединениях проводилась активная работа по ремонту и благоустройству церковных зданий и молитвенных домов. Расходы на эти цели имели устойчивую тенденцию к повышению. В частности, в 1986-87 гг. среди православных объединений активно проходил сбор средств на восстановление зданий духовных академии и семинарии в г. Загорске, пострадавших от пожара. В то же время обратная картина наблюдалась в отношении отчисления средств на различные общественные нужды, такие, как Фонд мира, Общество охраны памятников и т.д. Динамика суммарных пожертвований на эти цели была следующей: в 1980 году – 945 тысяч рублей, в 1985 г. – 712 тысяч рублей и в 1986 г. – около 400 тысяч рублей³⁴⁹. Причина понижения заключалась в том, что отчисления на эти нужды религиозными объединениями происходили во многом по принуждению властей. Для последних в первую очередь была важна не столько финансово-материальная составляющая этих мероприятий, сколько их политическая значимость, а именно желание привлечь верующих и духовенство к некоторым сферам общественной жизни в стране, сделать их сопричастными к тем событиям, к которым они, возможно, не хотели иметь

³⁴⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.264. Л.31.

³⁴⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.403. Л.58.

³⁴⁷ Там же. Д.401. Л.49.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Там же. Оп.15. Д.403. Л.59.

никакого отношения. Но для властей было важно нивелировать этот социум в общей массе советских людей.

Другой особенностью деятельности религиозных объединений в этот период стало инициирование ими вопроса о строительстве новых мечетей и церквей. В 1988 г. решения данного вопроса активно добивались общины городов Казани, Зеленодольска, Набережных Челнов, Альметьевска и Лениногорска. До этого на всём протяжении советского правления верующие зарегистрированных религиозных объединений всех конфессий использовали для своих нужд культовые здания, построенные до 1917 г. (в редких случаях до конца 1920-х гг.), или приспособленные под эти цели помещения, в т.ч. частные дома. Теперь же, сообразуясь с новыми веяниями в обществе, они стали предъявлять властям более жёсткие требования. Наряду с этими процессами начинается возврат верующим культовых зданий, изъятых у них в различные годы. Так, эпохальным событием для верующих г. Казани стало возвращение им в 1989 году Азимовской мечети и Петропавловского собора.

На фоне начавшейся демократизации всех сторон жизни советского общества, конфессии всё активнее участвовали в общественной жизни республики. Во многом этому способствовали подготовка и проведение юбилейных торжеств по случаю 1 000-летия принятия христианства на Руси в 1988 г., 1 200-летия принятия ислама народами Поволжья и Приуралья и 200-летия образования ДУМЕС в 1989 году. Эти празднования получили широкий резонанс в обществе и прошли соответствующим образом. К примеру, в Казани в клубе «Комсомолец» 21 июня 1988 года состоялось торжественное собрание с участием духовенства и актива православных церквей Татарской и Марийской АССР, а 24 августа 1989 г. – торжественное заседание в Татарском академическом театре имени Г.Камала. Эти мероприятия в значительной степени способствовали тому, что в обществе наметилась переоценка роли религии в истории и культуре. В сознании многих людей, особенно молодёжи, был серьёзно поколеблен сложившийся стереотип в отношении верующих и духовенства. Кардинально меняются подходы при освещении в СМИ вопросов, связанных с религией и деятельностью религиозных объединений. В конце 1980-х гг. частым явлением становятся выступления представителей духовенства различных конфессий на страницах печати, на радио и телевидении. Начинается активная полемика между представителями верующих и атеистов, примером которой явились статьи доцента КГУ А.Калаганова «Куда зовём?», «В защи-

ту атеизма» и журналиста М.Разбежкиной «Во что нам верить»³⁵⁰ и ряд других публикаций.

Однако, несмотря на демократизацию религиозной жизни, власти по-прежнему имели значительное влияние на процессы, происходившие внутри религиозных организаций, в частности, на назначения руководителей последних. Примером этому служит ситуация, создавшаяся в сентябре 1988 года в Татарской АССР, когда встал вопрос о назначении нового епископа Казанской епархии, возникший в связи с преклонным возрастом предыдущего владыки Пантелеймона (согласно Уставу Русской православной церкви, епархиальный архиерей по достижении 75-летнего возраста был обязан подать на имя Патриарха прошение об уходе на покой – И.Р.)³⁵¹. Аппарат уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР считал наиболее подходящей кандидатурой на эту должность архимандрита Анастасия (А.М. Меткина) – секретаря Казанского епархиального управления, настоятеля Никольского собора. При этом определяющими качествами при его рекомендации были «лояльность к органам власти, понимание реального положения и роли церкви в рамках социалистического государства, отсутствие фанатизма»³⁵². В письме на имя председателя СДР при СМ СССР К.М.Харчева уполномоченный по Татарской АССР просил «оказать соответствующее влияние на патриарха при его назначении епископа в Казанскую епархию»³⁵³. Из вышеизложенного видно, что одновременно с яркими проявлениями либерализации политики в области религии в ней ещё присутствовали те составляющие, которые на протяжении десятилетий позволяли властям осуществлять тотальный контроль всей религиозной жизни. Власти весьма неохотно отходили от сложившихся форм взаимоотношений, когда руководители религиозных организаций почти во всех вопросах находились в зависимости от решений светских властей, чьи рекомендации подразумевали их обязательное выполнение.

В то же время, уже независимая от желаний властей невозможность осуществления ими прежней политики, существенно ограничивала участие местных исполнительных структур в решении внутренних вопросов религиозных объединений. Так, в связи со сменой в 1988 го-

³⁵⁰ Калаганов А.Н. В защиту атеизма// Советская Татария. – 1989. – 1 марта; Калаганов А.Н. Куда зовём? // Советская Татария. – 1989. – 6 июня; Разбежкина М. Во что нам верить?// Вечерняя Казань. – 1989. – 15 мая; Постнов А. Хотите верить, хотите нет // Советская Татария. – 1989. – 3 марта.

³⁵¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.935. Л.24.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же.

ду состава исполнительного органа мечети Марджани, уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР И.Ш.Хабибуллин дал следующую справку: «Регистрирующим органам, т.е. райгорисполкомам предоставлено право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества отдельных лиц. В то же время любая община строит свою работу на принципах самоуправления: верующие сами избирают руководящие органы, ревизионные комиссии, распоряжаются денежными средствами, вышестоящие духовные центры назначают в общины священнослужителей»³⁵⁴. Из данного документа видно, что, несмотря на наличие формального основания для вмешательства в дела религиозного объединения, основной упор делался на возможность решения данных вопросов исключительно в рамках религиозного общества.

Во второй половине 1980-х гг. в среде молодёжи наблюдается возрастание интереса к духовному образованию. Начиная с 1980 г. 5 жителей Татарии стали выпускниками Бухарского медресе «Мир-Араб» (среди них был и Госман Исхаков, впоследствии муфтий Духовного управления мусульман РТ), а к 1987 в нём обучалось ещё 5 шакирдов из ТАССР. Об усилении религиозности среди молодёжи красноречиво свидетельствуют и данные социологических опросов. Так, если в 1983 г. только 0,9% студентов отнесли себя к верующим³⁵⁵, то в 1990 таких оказалось 20%³⁵⁶. В целом в 1989-1990 гг. признали себя верующими 34,1%, колеблющимися между верой и безверием – 30,4% городских татар; в сельских районах эти показатели составили соответственно 43,4% и 19,1%³⁵⁷.

Примечательно, что в конце 1980-х гг., в период ломки устоявшихся догм и идеалов, наиболее востребованной стала регулятивная функция религии. Проведённые социологические опросы в городах и районах республики показали, что респонденты чаще других форм положительного воздействия ислама отмечали то, что он способствует установлению социальной справедливости (30% опрошенных)³⁵⁸. По мнению 20% респондентов, он являлся одним из гарантов сохранения национальной культуры и традиций, т.е. выполнял интегративную функцию, 10% отметили его компенсаторную функцию – вера в аллаха помогает в трудные периоды жизни³⁵⁹.

³⁵⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.1627. Л.3.

³⁵⁵ Там же. Д.266. Л.21.

³⁵⁶ См.: Мухаметгалиева С.Х. Ислам в современном социально-культурном развитии Татарстана: Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1999. – С.62.

³⁵⁷ См.: Мусина Р.Н. Ислам и мусульмане в современном Татарстане// Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1997. – С.212.

³⁵⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.1626. Л.18.

³⁵⁹ Там же.

В условиях демократизации советского общества верующие существенно активизировались в реализации своих прав на удовлетворение религиозных потребностей. Прежде всего это выразилось в ходатайствах о регистрации религиозных объединений, передаче им молитвенных зданий, что при сложившейся политической конъюнктуре находило поддержку у властных структур. Легализация религиозных общин, формально находившихся вне закона, становится одним из приоритетных направлений в действиях республиканских и местных властей. Так, только в течение 1989 г. (до декабря месяца) было зарегистрировано 16 мусульманских, 10 православных объединений и община адвентистов седьмого дня. В итоге их общее количество достигло 65. В дальнейшем это число многократно увеличилось. Характерной чертой времени стало стремление религиозных объединений и духовенства повысить свой статус в обществе посредством выхода через СМИ к широкой общественной аудитории. О перспективах и значимости данного направления говорил тот факт, что 6 религиозных деятелей были избраны народными депутатами СССР. Примечательно, что согласно социологическим исследованиям тех лет, 71% опрошенных положительно восприняли эти события³⁶⁰.

В конце 1980-х гг., в связи с усилением влияния религии в обществе, религиозные объединения уже не могли действовать только в тех рамках, которые были отведены им всё ещё формально действующим советским законодательством о культах. Насущные проблемы идеологического и социального характера, почти в одночасье обнажившиеся в советском обществе, и проявившаяся несостоятельность официальных государственных структур предложить их конструктивное решение, вызвали необходимость в более широком участии в общественной жизни страны сил, доселе находившихся едва ли не на полулегальном положении. В числе таковых были и религиозные объединения. В основном они заполнили вакуум в системе образования. В конце 1980-х гг. активистами из числа верующих и духовенством повсюду организуются воскресные школы как для детей, так и для взрослых, где преподавались основы обрядовых систем и догматики. Несмотря на отсутствие законодательной базы, данная практика имела место уже со второй половины 1980-х гг. Так, о наличии в регионах подобных фактов в 1986 г. сообщили в СДР при СМ СССР 65 его уполномоченных³⁶¹.

³⁶⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.1626. Л.50.

³⁶¹ Одинцов М.И. Государственная политика отделения школы от церкви в СССР: исторический анализ и политико-правовой аспект // Религия, церковь в России и за рубежом. Информ.-аналитич. Бюллетень №9-10. – М., 1997. – С.77.

Некоторая часть представителей мусульманского духовенства активно включилась и в движение по национальному возрождению. На учредительном съезде Татарского общественного центра в феврале 1988 года приняли участие около 30 служителей культа из Татарской АССР и других регионов страны. В их числе был и муфтий ДУМЕС Талгат Таджутдин. Организаторы съезда заранее вступили в контакт с муфтием и приглашение на съезд духовенства было осуществлено через ДУМЕС.

Сообразно ситуации стало меняться и отношение властей к верующим и духовенству. В этот период властями осуществлялись тщетные попытки найти новые методы атеистической работы. В партийных документах звучали призывы о «решительном преодолении административных форм работы, нетерпимости к религиозным чувствам, прекращении дискриминации граждан на основании их религиозности»³⁶². В 1988 году в действиях властей наметился и получил развитие процесс «преодоления сложившихся стереотипных тенденций о религии, как о враждебной социализму идеологии»³⁶³, а решение проблемы продолжения атеистических традиций атеизма в новых условиях означало «борьбу против религиозной нетерпимости и фанатизма»³⁶⁴. Приведённый отрывок говорит о том, что уже представители официальной идеологии находились в положении обороняющихся от нарастающего и усиливающегося влияния религии в обществе и пытались найти своё место в изменяющейся ситуации.

В конце 1980-х гг. нередкими становятся факты, когда официальные лица страны публично заявляли об ошибочности всей предыдущей политики Советского государства в отношении религии. В 1989 г. первый секретарь Татарского обкома КПСС Г.И.Усманов заявил следующее: «Опираясь на тезис об отсутствии социальных корней религии в советском обществе, делалось всё, чтобы искусственно, механически сократить количество религиозных объединений, а следовательно и число верующих в стране»³⁶⁵. Признание вышеуказанных фактов на столь высоком уровне означало фактическое прекращение действия советского законодательства о культах, определявшего взаимоотношения государства и религиозных объединений на протяжении многих десятилетий.

Подводя итог взаимоотношениям государственных органов власти и религиозных объединений во второй половине 1980-х гг., можно от-

³⁶² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.1626. Л.58.

³⁶³ Там же. Д.934. Л.57.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же. Д.1627. Л.42.

метить следующее: 1) власти, поначалу усилив антирелигиозную пропаганду, затем в силу объективных причин, переходят на лояльные позиции по отношению к верующим, в этих условиях происходит активизация последних, начинается процесс легализации фактически действующих религиозных объединений и возврат им культовых зданий; 2) республиканские и местные органы власти постепенно утрачивают возможность «сдерживать» в рамках действующего советского законодательства о культах процессы, происходящие в религиозной жизни.

Таким образом, говоря о взаимоотношениях государственных органов власти и религиозных объединений в Татарской АССР в целом за период 1940-1980-х гг., можно сделать следующие выводы:

1. При постоянстве генерального курса партии и правительства на искоренение религии, на определённых этапах истории советского общества имело место варьирование правящей элитой форм и методов реализации политики государства в области религии, которое находило своё отражение и в государственно-конфессиональных отношениях в Татарской АССР.

2. Государственно-конфессиональные отношения в Татарской АССР проходили в русле общесоюзной политики Советского государства в отношении религии. Однако в республике имелась и своя специфика, обусловленная такими факторами, как поликонфессиональность региона, а также личное отношение к религии руководителей республиканских и местных органов власти.

Заключение

Изучение и анализ опыта государственно-конфессиональных отношений в Татарстане в 1940-1980-е гг. привели нас к следующим выводам:

1) Своеобразием политики государства в области религии в этот период являлось несоответствие между декларируемым властью принципом свободы вероисповедания и осуществляемыми на практике мероприятиями. Законодательная база в отношении религиозных культов, сформированная в основных чертах в 1918-1929 гг., предоставляла властным структурам юридическо-правовую основу для всеобъемлющего контроля над религиозными объединениями. Некоторые коррективы советского законодательства о культах, внесённые в 1940-1980-е гг., являвшиеся отражением колебаний в рядах партийно-номенклатурной элиты по вопросу о формах и методах борьбы с религиозными проявлениями, не изменили правовой сущности взаимоотношений органов власти и религиозных объединений. Характерно также и то, что значительная часть издававшихся партийно-правительственных постановлений, директив и циркуляров являлась засекреченной, что во многом обуславливало «юридическую неграмотность» верующих и духовенства.

Спецификой религиозной жизни Республики Татарстан является её поликонфессиональность. Данная особенность наличествовала и в 1940-1980-е гг. Помимо традиционных для региона верований – ислама и православия, здесь действовали общины иудеев, старообрядцев, протестантских сект. Если в первое десятилетие Советской власти государство действовало по отношению к конфессиям в известной степени дифференцированно, то затем политика государства в области религии становится одинаково негативной по отношению ко всем верованиям.

2) В осуществлении мероприятий государства относительно религиозных объединений были задействованы все необходимые для этого институты и органы власти. При этом каждый из них в этой работе занимал свою нишу. На региональном уровне во главе властных структур, претворявших в жизнь политику государства в области религии, находился Обком КПСС, в лице бюро и отдела пропаганды и агитации, осуществлявших контроль за деятельностью других органов в этом направлении. Особая роль возлагалась на уполномоченных СДР при СМ СССР по Татарской АССР, являвшихся связующим звеном между правительством и религиозными объединениями. Различные министерства и ведомства принимали участие в основном в атеистической пропаганде, осуществляя её в соответствии со своей отраслевой принадлежностью. Лекционной пропагандой атеизма занималось респуб-

ликанское и местные отделения общества «Знание». Органами власти, проводившими повседневную работу с религиозными объединениями на местах были исполкомы районных и городских Советов депутатов трудящихся.

3) С началом Великой Отечественной войны заканчивается «ударное» антирелигиозное десятилетие. Под давлением обстоятельств военного времени власти были вынуждены смягчить политику в области религии. В Татарской АССР её проявлениями стали предоставление возможности действовать на легальной основе незначительной части религиозных объединений и смягчение методов и форм пропаганды атеизма республиканским отделением СВБ, которое к концу войны фактически распадается. В остальном же наблюдался разрыв между либеральными тенденциями в высших эшелонах центральной власти и «антирелигиозной инерции» в действиях республиканских и местных органов.

4) После окончания войны и тяжёлого во всех отношениях послевоенного периода в политике государства в области религии наметился откат от либеральных тенденций. В конце 1940-х–1950-е гг. при её проведении государство стало использовать некоторые формы и методы реализации, характерные для периода 1920–1930-х гг. В Татарской АССР возобновляется процесс переоборудования пустующих культовых зданий под культурно-просветительские и хозяйственные цели, а также их разборка на строительные материалы. Усиливаются нападки на нелегально и официально действующие религиозные объединения, сокращается количество последних. В 1948 г. СДРК при СМ СССР разослал своим уполномоченным циркуляр, предписывавший не выносить более положительных решений по ходатайствам верующих о регистрации религиозных объединений. В конце 1940-х гг., за слишком «лояльное» отношение к верующим и духовенству, со своих должностей были сняты уполномоченные СДРПЦ и СДРК при СМ СССР по Татарской АССР. Это на ближайшие годы предопределило крайне жёсткое отношение руководителей властных структур, задействованных в осуществлении политики государства в отношении религии, к конфессиональным объединениям республики. В этой связи в ТАССР на протяжении последующих 18 лет не было зарегистрировано ни одного нового конфессионального объединения. Восстанавливается лекционно-пропагандистская работа атеистической направленности. Весь вектор действия властей акцентируется на «вытеснение» религии с позиций, занятых ею в обществе в военные и послевоенные годы.

Годы правления Н.С.Хрущёва, несмотря на относительно либеральные тенденции в отдельных областях жизни советского общества,

ознаменовались новым натиском на религию. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. в республике вновь произошло сокращение количества официально действующих религиозных объединений. С участием правоохранительных органов была проведена кампания по предотвращению деятельности неофициальных религиозных объединений и духовенства, ликвидации мест их несанкционированных религиозных собраний. Ужесточились действия властей по отношению к родственникам верующих-активистов. Обыденными стали факты вмешательства представителей власти во внутреннюю жизнь конфессиональных объединений.

5) С середины 1960-х гг., наряду с использованием форм и методов осуществления политики в области религии прошлых лет, в неё привносятся и новые элементы. Власти стали рассматривать свои взаимоотношения с религиозными объединениями как вынужденное мирное сосуществование. Сообразуясь с этим, государство стремилось привлечь духовенство к участию в некоторых сферах общественной жизни страны. В Татарской АССР получает дальнейшее развитие практика приёма религиозным обществом мечети Марджани г. Казани зарубежных мусульманских делегаций для демонстрации существующей в стране «религиозной свободы». Причём этой сфере деятельности придавалась едва ли не государственная значимость. В период стагнации советского общества местные органы власти стали в большинстве случаев весьма формально относиться к реализации мер по выполнению религиозной политики, что обусловило активизацию деятельности верующих и духовенства. Убедившись, что административные меры по закрытию нелегально действующих религиозных объединений не дают желаемого результата, власти признали целесообразным регистрацию некоторых из них, из числа безоговорочно признававших советское законодательство о культах. В этой связи во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. в Татарской АССР был зарегистрирован ряд религиозных обществ.

6) Начало перестроечного периода в середине 1980-х гг. не обозначило никаких радикальных перемен в сфере государственно-конфессиональных отношений. Более того, высшие партийные и государственные деятели неоднократно заявляли о необходимости дальнейшего развёртывания идеологической работы, в т.ч. и пропаганды атеизма. В подтверждение этого вышли постановления ЦК КПСС, призванные ограничить влияние ислама на население страны. В этой связи в Татарской АССР республиканскими, районными и городскими органами власти были проведены соответствующие мероприятия.

Коренные перемены в политике государства в области религии наметились в 1988-1989 гг. С этого времени в Татарской АССР начинается массовая регистрация конфессиональных объединений, возврат верующим прежде изъятых культовых зданий и строительство новых. В действиях властей обозначилась тенденция к пересмотру не только форм и методов осуществления политики государства в области религии, но и в целом её основ. Так, в конце 1980-х гг. первые официальные лица республики заявляют об ошибочности всей прежней советской государственной политики в области религии. Завершение данного этапа государственно-конфессиональных отношений юридически было оформлено в октябре 1990 г. принятием Верховными Советами СССР и РСФСР законов «О свободе совести и религиозных организациях» и «О свободе вероисповеданий».

7) На всём протяжении исследованного нами периода политика Советского государства в области религии являлась своеобразной проекцией основных тенденций и доминирующей конъюнктуры в общеполитических процессах, протекавших в стране. В зависимости от этого определялись формы и методы её реализации, что, в свою очередь, во многом обуславливало уровень религиозной активности населения. В этой связи наступившую в конце 1980-х гг. религиозную свободу следует рассматривать не как результат борьбы верующих и духовенства за свои права, а как одно из проявлений кризиса коммунистической идеологии, приведшего к падению одного из главных его устоев – атеизма.

Использованные источники и литература

1. Неопубликованные источники

1.1. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Фонд уполномоченного Совета по делам религий при Совете министров СССР по ТАССР (ф.Р-873). Опись (Оп.) 1. Дело (Д.) 1 (Циркулярные письма, информации, ориентировки СДРПЦ и СДРК при СМ СССР. 93 л.).

1.2. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.2 (Материалы уполномоченного СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР. 150 л.).

1.3. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.3 (Материалы уполномоченного СДРК при СМ СССР. 90 л.).

1.4. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.4 (Материалы уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР. 186 л.).

1.5. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, 5 (Циркулярные письма, информации, разъяснения, телеграммы СДРК при СМ СССР. 337 л.).

1.6. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.6 (Материалы регистрации и снятия с регистрации религиозных объединений. 240 л.).

1.7. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.7 (Материалы уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР. 126 л.).

1.8. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.11 (Материалы уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР по переписке с местными органами. 214 л.).

1.9. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.12 (Циркулярные письма, информации СДРПЦ при СМ СССР, распоряжения СМ Татарской АССР. 30л.).

1.10. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.13 (Материалы уполномоченного СДРПЦ при СМ СССР. 133 л.).

1.11. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.14 (Статистические сведения и переписка по ним. 49 л.).

1.12. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.22 (Документы уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР. 37 л.).

1.13. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.23 (Документы религиозных центров. 9 л.).

1.14. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.24 (Статистические сведения о служителях церкви, о доходах и совершении обрядов. 90 л.).

1.15. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.30 (Документы религиозных центров. 4л.).

1.16. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.31 (Жалобы, заявления верующих и религиозных объединений и материалы по их рассмотрению. 167 л.).

1.17. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.34 (Постановления, распоряжения СДР при СМ СССР. 187 л.).

1.18. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.40 (Жалобы, заявления верующих и религиозных объединений и материалы по их рассмотрению. 158 л.).

1.19. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.41 (Постановления, распоряжения СДР при СМ СССР. 199 л.).

1.20. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.44 (Заявления, жалобы верующих и религиозных объединений и материалы по их рассмотрению. 90 л.).

1.21. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.46 (Документы уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР. 178 л.).

1.22. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.57 (Документы уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР. 108 л.).

1.23. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.62 (Документы уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР. 87 л.).

1.24. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.63 (Статистические сведения о слушателях церкви, доходах и совершении обрядов. 32 л.).

1.25. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.65 (Постановления, распоряжения СДР при СМ СССР. 68 л.).

1.26. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.67 (Документы уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР. 94 л.).

1.27. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.70 (Жалобы, заявления верующих и религиозных объединений и материалы по их рассмотрению. 178 л.).

1.28. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.71 (Постановления, распоряжения СДР при СМ СССР. 76 л.).

1.29. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.77 (Годовые отчёты и информации городских и районных Советов народных депутатов Татарской АССР о деятельности комиссий содействия контроля за культурами. 187 л.).

1.30. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.81 (Переписка с СДР при СМ СССР по вопросам состояния религий и деятельности религиозных объединений в Татарской АССР. 130 л.).

1.31. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.87 (Переписка с СДР при СМ СССР по вопросам состояния религий и деятельности религиозных объединений в Татарской АССР. 90 л.).

1.32. НА РТ, ф.Р-873, оп.1, д.93 (Переписка с СДР при СМ СССР по вопросам состояния религий и деятельности религиозных объединений в Татарской АССР. 82 л.).

1.33. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.1 (Документы о деятельности общины верующих Петропавловской церкви. 61 л.).

1.34. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.2 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Агрызского района Татарской АССР. 81 л.).

1.35. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.3 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Азнакаевского района Татарской АССР. 33 л.).

1.36. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.4 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Аксубаевского района Татарской АССР. 61 л.).

1.37. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.5 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Акташского района Татарской АССР. 14 л.).

1.38. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.7 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Алькеевского района Татарской АССР. 175 л.).

1.39. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.9 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Апастовского района Татарской АССР. 62 л.).

1.40. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.11 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Бавлинского района Татарской АССР. 72 л.).

1.41. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.15 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Верхнеуслонского района Татарской АССР. 62 л.).

1.42. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.16 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Высокогорского района Татарской АССР. 93 л.).

1.43. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.18 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Елабужского района Татарской АССР. 117 л.).

1.44. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.19 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Зеленодольского района Татарской АССР. 33 л.).

1.45. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.20 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Камско-Устьинского района Татарской АССР. 57 л.).

1.46. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.21 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Куйбышевского района Татарской АССР. 120 л.).

1.47. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.22 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Кукморского района Татарской АССР. 95 л.).

1.48. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.24 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Мамадышского района Татарской АССР. 179 л.).

1.49. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.26 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Муслюмовского района Татарской АССР. 31 л.).

1.50. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.28 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Октябрьского района Татарской АССР. 173 л.).

1.51. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.30 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Рыбно-Слободского района Татарской АССР. 99 л.).

1.52. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.31 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Сабинского района Татарской АССР. 65 л.).

1.53. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.38 (Документы регистрации и снятия с регистрации религиозных объединений г. Казани за 1948-1957 гг. 142 л.).

1.54. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.40 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Татарской АССР и об организации контроля за соблюдением законодательства о культах за 1969 г. 77 л.).

1.55. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.43 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Татарской АССР и об организации контроля за соблюдением законодательства о культах за 1973 г. 26 л.).

1.56. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.44 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Татарской АССР и об организации контроля за соблюдением законодательства о культах за 1974 г. 40 л.).

1.57. НА РТ, ф.Р-873, оп.2, д.45 (Документы о деятельности религиозных объединений на территории Татарской АССР и об организации контроля за соблюдением законодательства о культах за 1976 г. 31 л.).

1.58. НА РТ, фонд Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф.Р-732), опись Комиссии по вопросам культов при ЦИК ТАССР (оп.6), дело (д.) 1а (Алфавит религиозных обществ. 34 л.)

1.59. НА РТ, ф.Р-732, оп.6, д.36 (Сведения о религиозных объединениях и молитвенных зданиях по районам ТАССР. 204 л.)

1.60. НА РТ, ф.Р-732, оп.6, д.38 (Материалы по закрытию молитвенных зданий. 204 л.)

1.61. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ), фонд Татарского Обкома КПСС (ф. 15), опись (оп.) 5, дело (д.) 18446 (Информации уполномоченного СДРК при СНК СССР. 10 л.).

1.62. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.890 (Материалы областного СВБ. Списки политэмигрантов. 35 л.).

1.63. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.331 (Справки, отчёты горкомов, райкомов КПСС о состоянии агитационно-массовой, лекционной работы в районах республики 39 л.).

1.64. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.934 (Планы (перспективные, годовые, квартальные, подготовки вопросов на Бюро) работы отдела, подготовки к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 29 л.).

1.65. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.1405а (Справки лекторов обкома КПСС о состоянии лекционной пропаганды в районах. 79 л.).

1.66. ЦГАИПД РТ, ф.15, оп.8, д.404а (Справки информации райкомов КПСС о новых советских традициях и обрядах. 30 л.).

1.67. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.8, д.595а (Справки информации райкомов КПСС о новых советских традициях и обрядах. 25 л.).

1.68. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.8, д.1275 (Справки, информации райкомов КПСС о новых советских традициях и обрядах. 54 л.).

1.69. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.8, д.1275г (Справки отдела и уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР о деятельности религиозных общин. 176 л.).

1.70. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.8, д.241 (Справки, информации отдела, горкомов КПСС, министерств, ведомств, организаций и учреждений, многотиражных газет, научно-методического совета по атеистической работе. План мероприятий отдела. 106 л.).

1.71. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.12, д.242 (Методические рекомендации отдела ЗАГС, Совета Министров Татарской АССР, направленные в обком КПСС по проведению семейно-бытовых и гражданских обрядов и образцы их проведения. 98 л.).

1.72. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.13, д.280а (Методические рекомендации по организации атеистического воспитания трудящихся. 150 л.).

1.73. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.13, д.280в (Информации, справки обкома, уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР об атеистическом воспитании и деятельности религиозных общин. 48 л.).

1.74. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.393 (Справки, сведения, статистические данные о состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды, подготовке лекторских кадров за 1986 г. 87 л.).

1.75. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.394 (Информации общества «Знание» о лекционной пропаганде. Отчёты горкомов, райкомов КПСС о работе лекторских групп за 1986 г. 206 л.).

1.76. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.399 (Комплексный план усиления атеистического воспитания трудящихся Татарской АССР на 1986-1988 гг. 40 л.).

1.77. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.400 (Информации, справки уполномоченного СДРК при СМ СССР по Татарской АССР, комсо-

мольских, советских органов о деятельности религиозных общин за 1983-1986 гг. 108 л.).

1.78. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.401 (Планы атеистического воспитания трудящихся, информации республиканских организаций, министерств, общества «Знание» и др. по организации атеистической пропаганды за 1986-1987 гг. 233 л.).

1.79. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.402 (Планы семинаров и анкеты для опроса слушателей отделения научного атеизма за 1986 г. 268 л.).

1.80. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.403 (Планы обкома КПСС и республиканских организаций по усилению атеистического воспитания трудящихся, информации, справки партийных органов и уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР о деятельности религиозных объединений и атеистическом воспитании за 1986 г. 179 л.).

1.81. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.263 (План подготовки и проведения социологического исследования «Состояние религиозности и атеистического воспитания в регионах традиционного распространения ислама на 1987 г.» 38 л.).

1.82. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.264 (Информации, справки обкома КПСС, Совета Министров Татарской АССР, уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР о деятельности религиозных организаций и атеистическом воспитании. 115 л.).

1.83. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.265 (Документы республиканского семинара-совещания по вопросам совершенствования атеистического воспитания. 60 л.).

1.84. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.933 (Документы, справки отдела и бригады обкома о работе Октябрьского райкома КПСС по выполнению постановления ЦК КПСС «Об усилении борьбы с влиянием ислама». 136 л.).

1.85. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.934 (Отчёт Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС о состоянии религиозности населения (по результатам социологического исследования в Приволжском районе г. Казани. 63 л.).

1.86. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1626 (Информации, справки партийных органов, СМ СССР, Татоблсовпрофа, обкома ВЛКСМ об усилении борьбы с влиянием ислама и атеистическом воспитании. 56 л.).

1.87. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.935 (Справки уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР обкому о деятельности религиозных объединений, праздновании 1 000-летия введения христианства на Руси. 27 л.).

1.88. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1626 (Информации, справки партийных органов, Совета Министров Татарской АССР, Татоблсовпрофа,

обкома ВЛКСМ об усилении борьбы с влиянием ислама и атеистическом воспитании за 1989 г. 56 л.)

1.89. ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1627 (Материалы (справки, информации, планы, переписка) о праздновании 1 100-летия принятия ислама, об использовании Петропавловского собора, строительства мечети в г. Нижнекамске и др. 60 л.).

2. Опубликованные источники

2.1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – М.: Изд-во Верховного Совета РСФСР, 1958-1990.

2.2. Ведомости Верховного Совета СССР. – М.: Изд-во Известий Советов депутатов трудящихся СССР, 1954-1989.

2.3. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – М.: Изд-во Верховного Совета СССР, 1989-1991.

2.3. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. Систематизированный сборник действующего в СССР законодательства / П.В.Гидулянов. – М.: Юридическое изд-во, 1926. – 712 с.

2.4. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства / П.В.Гидулянов. – М.: Гос. юридическое изд-во, 1929. – 32 с.

2.5. Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – 356 с.

2.6. Конституция (Основной Закон) СССР. – М.: Госюриздат, 1951. – 487 с.

2.7. Конституция (Основной Закон) СССР. – М.: Известия, 1985. – 744 с.

2.8. Материалы Пленума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (14-15 июня 1983 г.). – М.: Политиздат, 1983. – 129 с.

2.8. Материалы Пленума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (29 июля 1988 г.). – М.: Политиздат, 1988. – 46 с.

2.9. Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. 18-21 июня 1963 г. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1964. – 320 с.

2.10. Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. – М.: Юридическая литература, 1984. – 830 с.

2.11. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. – Л.: Ленинградское газет.-журн. и кн. изд-во, 1944. – 252 с.

3. Периодическая печать

- 3.1. Вопросы истории религии и атеизма: Ежегодное издание Института истории АН СССР. – М., 1950; 1954-1964.
- 3.2. Наука и религия: Ежемесячный научно-популярный атеистический журнал Всесоюзного общества «Знание». – М., 1959-1991.
- 3.3. Блокнот агитатора: Ежемесячный журнал идеологического отдела Татарского обкома КПСС. – Казань, 1945-1990.
- 3.4. Коммунист Татарии: теоретический и политический ежемесячный журнал. Орган Татарского обкома КПСС. – Казань, 1943-1946; 1947-1950; 1957; 1959; 1964; 1965; 1975-1977; 1985-1990.
- 3.5. Комсомолец Татарии: Орган Татарского Обкома ВЛКСМ. – Казань, 1949; 1957-1960; 1963; 1967; 1984; 1985-1990.
- 3.6. Советская Татария: Орган Татарского обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Татарской АССР. – Казань, 1947; 1949-1950; 1961-1963; 1968; 1977; 1983; 1985-1990.
- 3.7. Вечерняя Казань: Орган Казанского горкома КПСС и горсовета народных депутатов. – Казань, 1979; 1984; 1985-1990.

4. Литература

- 4.1. Алимов З.З. Деятельность Татарской областной партийной организации по атеистическому воспитанию трудящихся (1965-1985 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук / З.З.Алимов; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1985. – 215 л.
- 4.2. Андреев Г.Л. Социальные и нравственные принципы коммунизма в интерпретации современных христианских богословов / Г.Л.Андреев, В.Е.Ладоренко, Л.П.Поляков // Вопросы научного атеизма. – 1966. – Вып.2. – С. 110-140.
- 4.3. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы / В.А.Алексеев. – М.: Политиздат, 1991. – 398 с.
- 4.4. Арабаджян А.З. Истоки духовности. Религия и атеизм / А.З.Арабаджян. – М.: Наука, 1993. – 112 с.
- 4.5. Ахмеров З.С. Антирелигиозное воспитание учащихся в восьмилетней школе. (На опыте школ ТАССР): Автореф. дис. ... канд. педагог. наук / З.С.Ахмеров; Науч. исслед. ин-т теории и истории педагогики Академии педагог. наук РСФСР. – М., 1960. – 18 с.
- 4.6. Ахмеров З.С. Воспитывать атеистов. Из опыта работы школ ТАССР / З.С.Ахмеров. – М.: Академия педагог. наук РСФСР, 1962. – 104 с.

- 4.7. Ахунзянов Т. Предмет особого внимания / Т.Ахунзянов // Наука и религия. – 1977. – №4. – С. 35-38.
- 4.8. Баганов И. Школы атеистов / И.Баганов // Блокнот агитатора. – 1962. – №15/16. – С. 23-28.
- 4.9. Багмут Р.А. Не хочу обманывать. Записки бывшего священника / Р.А.Багмут. – Одесса: Кн. изд-во, 1962. – 90 с.
- 4.10. Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий: Исток, сущность, влияние на молодёжь Запада / Е.Г.Балагушкин. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. – 286 с.
- 4.11. Балагушкин Е.Г. Социально-политическая активность современных религиозно-мистических культов и организаций / Е.Г.Балагушкин // Вопросы научного атеизма. – 1989. – Вып.38. – С.249-268.
- 4.12. Балтанов Р.Г. Основные проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР: Дис. ... докт. филос. наук / Р.Г.Балтанов; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1974. – 337 л.
- 4.13. Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания (проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР) / Р.Г. Балтанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. – 251 с.
- 4.14. Балтанов Р.Г. Коммунистическая мораль и нравственные заповеди ислама о семье и браке / Р.Г.Балтанов // Блокнот агитатора. – 1963. – №17. – С. 31-48.
- 4.15. Балтанов Р.Г. Реакционная сущность Корана / Р.Г.Балтанов. – Казань: Таткнигоиздат, 1962. – 29 с.
- 4.16. Балтанов Р.Г. Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама: Автореф. дис. ... канд филос. наук / Р.Г.Балтанов; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1963.
- 4.17. Балтанова Г.Р. Демократия и веротерпимость / Г.Р.Балтанова // Информационно-методический бюллетень. – 1996. – №8. – С.63.
- 4.18. Балтанова Г.Р. Ислам в СССР: анализ зарубежных концепций / Г.Р.Балтанова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та 1991. – 146 с.
- 4.19. Барменков А.И. Свобода совести в СССР / А.И.Барменков. – М.: Мысль, 1979. – 62 с.
- 4.20. Беляев К.В. Под сенью храма. Записки бывшего священника / К.В.Беляев. – Симферополь: Крымиздат, 1960. – 104 с.
- 4.21. Бенигсен А. Мусульмане в России / А.Бенигсен // Панорама – Форум. – 1995. – №3. – С.108-126.
- 4.22. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные атеистические произведения / В.Д.Бонч-Бруевич. – М.: Мысль, 1973. – 343 с.

- 4.23. **Бонч-Бруевич В.Д.** «Живая церковь» и пролетариат / В.Д.Бонч-Бруевич. – М.: Жизнь и знание, 1927. – 63 с.
- 4.24. **Бояринцев В.И.** Новые попытки приспособления религии к современному естествознанию / В.И.Бояринцев // Вопросы научного атеизма. – 1966. – Вып.2. – С. 141-166.
- 4.25. **Браславский Л.Ю.** Ислам в Чувашии / Л.Ю.Браславский. – Чебоксары: Чувашия, 1997. – 106 с.
- 4.26. **Браславский Л.Ю.** Православные храмы Чувашии / Л.Ю.Браславский. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1995. – 355 с.
- 4.27. **Бритвин В.Г.** Формирование научно-атеистической убеждённости у молодёжи / В.Г.Бритвин, В.Р.Виснапу, В.А.Мансуров // Вопросы научного атеизма. – 1980. – Вып.26. – С. 191-205.
- 4.28. **Бурганова Ф.** Индивидуальная работа с верующими / Ф.Бурганова // Блокнот агитатора. – 1962. – №15/16. – С. 29-37.
- 4.29. **Вагабов Н.М.** Ислам и вопросы атеистического воспитания: Учеб. пособие для студентов и аспирантов вузов / Н.М.Вагабов. – М.: Высшая школа, 1988. – 272 с.
- 4.30. **Васильев А.** Под маской защиты ислама / А.Васильев // Блокнот агитатора. – 1985. – №10. – С. 16-18.
- 4.31. **Васильева О.Ю.** «Не стеснясь никакими средствами». Материалы Комиссии ЦК РКП(б) по вопросам отделения церкви от государства. Октябрь – декабрь 1922 г. / О.Ю. Васильева // Исторический архив. – 1993. – №2. – С. 76-89.
- 4.32. **Васильева О.Ю.** Русская православная церковь в 1927 – 1943 гг. / О.Ю.Васильева // Вопросы истории. – 1994. – №4. – С. 35-46.
- 4.33. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций / Под. ред. А.А.Радугина. – М.: Центр, 1999. – 240 с.
- 4.34. Верующий, прочти эту книгу. Письма людей, порвавших с религией. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1959. – 124 с.
- 4.35. Возвращение к жизни. Сб. ст. / Ред. сост. В.Лентин. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1965. – 91 с.
- 4.36. **Воронцова Л.М.** Религиозность и политическое сознание в постсоветской России / Л.М. Воронцова, С.Б.Филатов // Религия, церковь в России и за рубежом. – 1994. – №2. – С. 3-15.
- 4.37. **Вохмянин Д.** Исчезнет ли религия? / Д.Вохмянин // Комсомолец Татарии. – 1988. – 4 июня. – С. 8.
- 4.38. **Вяткина Н.** Батюшка / Н.Вяткина // Вечерняя Казань. – 1989. – 27 декабря.
- 4.39. **Гаврик М.Д.** Хочу поведать людям / М.Д.Гаврик. – Краснодар: Кн. изд-во, 1965. – 39 с.

- 4.40. Гадельшина Н. У «святого ключа» / Н.Гадельшина // Советская Татария. – 1972. – 9 июля.
- 4.41. Гальперин Б.И. Представления о «спасении» в современном баптизме / Б.И.Гальперин // Вопросы научного атеизма. – 1989. – Вып.39. – С. 86-99.
- 4.42. Гараева Н.Г. Мусульманские организации в современной России / Н.Г.Гараев // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения: Материалы междунаро. науч. семинара «Христиано-исламское пограничье» 26-29 октября 1993 г. – Казань, 1994. – С. 196-205.
- 4.43. Гарипов С. Воспитывая атеистов / С.Гарипов // Блокнот агитатора. – 1983. – №23. – С. 16-17.
- 4.44. Годизов Г.Л. Проблема свободы совести в общественной жизни Кубани (1965-1990): Автореф дис. ... канд. ист. наук / Г.Л.Годизов; Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2001. – 22 с.
- 4.45. Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М.С.Горбачёв. – М.: Политиздат, 1987. – 271 с.
- 4.46. Гордиенко Н.С. Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях социалистического общества / Н.С.Гордиенко, П.К.Курочкин // Вопросы научного атеизма. – 1980. – Вып.25. – С. 223-243.
- 4.47. Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20 – 80-е годы XX столетия) / Н.С.Гордиенко. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
- 4.48. Гольст Г.Р. Религия и закон / Г.Р.Гольст. – М.: Юридическая литература, 1975. – 111 с.
- 4.49. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Ф.Г.Овсиенко, М.И.Одинцов, Н.А.Трофимчук и др. – М.: Изд-во РАГС, 1996. – 253 с.
- 4.50. Дарманский П.Ф. Побег из тьмы. Рассказ бывшего кандидата богословия / П.Ф.Дарманский. – М.: Советская Россия, 1962. – 112 с.
- 4.51. Дулуман Е.К. Почему я перестал верить в бога. Рассказ бывшего кандидата богословия / Е.К.Дулуман. – М.: Молодая гвардия. – 45 с.
- 4.52. Евдокимов В.И. Атеистическое воспитание трудящихся в процессе строительства коммунизма / В.И.Евдокимов // Вопросы научного атеизма. – 1967. – Вып.4. – С. 94-129.
- 4.53. Жданов Н. Ислам на пороге XXI века / Н.Жданов, А.Игнатенко. – М.: Политиздат, 1989. – 349 с.
- 4.54. Жилич Л.П. Закон и религия / Л.П.Жилич, С.В.Костарова. – Омск: Кн. изд-во, 1985. – 69 с.

4.55. За сотрудничество и мир между народами: Конференция представителей всех религий в СССР. Загорск, июль 1969. – М.: Изд-во агентства печати Новости. – 1972. – 136 с.

4.56. **Зильберберг Л.Я.** Использование кино в научно-атеистической пропаганде / Л.Я.Зильберберг. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – 71 с.

4.57. **Иваненко С.И.** Новые религиозные объединения: поиски, противоречия, надежды / С.И.Иваненко, Н.А.Трофимчук. – М.: Знание, 1991. – 62 с.

4.58. **Иваненко С.И.** Религиозные самодеятельные объединения в наши дни / С.И.Иваненко, Н.А.Трофимчук. – М.: Знание, 1991. – 38 с.

4.59. **Иовчук М.Т.** Особенности идеологической борьбы на современном этапе международного развития и возрастания роли марксистско-ленинского мировоззрения / М.Т.Иовчук // Вопросы научного атеизма. – 1974. – Вып.16. – С. 13-32.

4.60. Ислам в современной политике стран Востока (конец 70 – начало 80-х годов XX в.) / Под ред. Л.Р.Полонской. – М.: Мысль, 1986. – 278 с.

4.61. Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока / Под ред. Э.Г.Филимонова. – М.: Мысль, 1983. – 174 с.

4.62. Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока / Под ред. Ю.В.Ганковского. – М.: Наука, 1982. – 238 с.

4.63. Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.

4.64. **Исмаилов Ш.А.** Роль трудового коллектива в интернационалистском и атеистическом воспитании / Ш.А.Исмаилов // Вопросы научного атеизма. – 1980. – Вып.26. – С. 22-35.

4.65. **Ишмухаметов З.А.** Социальная роль и эволюция ислама в Татарии: (Ист. очерки) / З.А.Ишмухаметов. – Казань: Таткнигоиздат, 1979. – 224 с.

4.66. Как проводить беседы о вреде религиозных праздников. – Казань: Б.и., 1954. – 10 с.

4.67. **Калаганов А.Н.** Корни религии / А.Н.Калаганов // Блокнот агитатора. – 1981. – №4. – С. 16-19.

4.68. **Калаганов А.Н.** Об отношении КПСС и Советского государства к религии и церкви / А.Н.Калаганов // Блокнот агитатора. – 1981. – №8. – С. 16-19.

4.69. **Калаганов А.Н.** Приспосабливаясь к условиям / А.Н.Калаганов // Блокнот агитатора. – 1984. – №4. – С. 19-21.

4.70. **Калаганов А.Н.** В защиту атеизма / А.Н.Калаганов // Советская Татария. – 1989. – 1 марта.

- 4.71. **Калаганов А.Н.** Куда зовём? / А.Н.Калаганов // Советская Татария. – 1989. – 6 июня.
- 4.72. **Кандидов Б.П.** Голод 1921 года и церковь / Б.П.Кандидов – М.-Л.: Московский рабочий, 1932. – 93 с.
- 4.73. **Касымов Г.** Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции / Г.Касымов. – М.: Татгосиздат, 1932. – 56 с.
- 4.74. **Клибанов А.И.** Сектантство в прошлом и настоящем / А.И.Клибанов // Вопросы истории религии и атеизма. – 1961. – Вып.9. – С. 9-34.
- 4.75. **Климович Л.И.** Социалистическое строительство на Востоке и религия / Л.И.Климович. – М.: Московский рабочий, 1929. – 205 с.
- 4.76. **Климович Л.И.** Религиозное движение в Татарской Республике / Л.И.Климович // Антирелигиозник. – 1927. – №4. – С.55-61.
- 4.77. **Клячин Г.** Сектантство и его сущность / Г.Клячин. – Казань: Таткнигоиздат, 1959. – 32 с.
- 4.78. Книга Памяти жертв политических репрессий / Под. ред. А.А.Иванова: Ч.1. – Казань, 2000. – 544 с.
- 4.79. **Кобецкий В.Д.** Социологическое изучение религиозности и атеизма / В.Д.Кобецкий. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 118 с.
- 4.80. **Коган Д.М.** О преодолении религиозных пережитков у старообрядцев / Д.М.Коган // Вопросы истории религии и атеизма. – 1964. – Вып.12. – С.37-43.
- 4.81. Коган Ю. О «небесных спасителях» / Ю.Коган, Ф.Мегружан. – М.: ГАИЗ, 1936. – 47 с.
- 4.82. **Козлов В.П.** Религиозные объединения республики Среднего Поволжья (первая половина 1990-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук / В.П.Козлов; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1999. – 174 л.
- 4.83. **Колоницкий П.Ф.** Мораль коммунистическая и мораль религиозная / П.Ф.Колоницкий. – М.: Знание, 1952. – 10 с.
- 4.84. **Корнилов И.П.** Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.П.Корнилов; Российская академия гос. службы. – М., 2003. – 28 с.
- 4.85. **Комаров В.** Научное мировоззрение и религия / В.Комаров // Коммунист Татарии. – 1967. – №4.
- 4.86. **Королёв В.** Взаимосвязь интернационального и атеистического воспитания / В.Королёв // Коммунист Татарии. – 1987. – №10. – С. 76-81.

- 4.87. **Красиков А.А.** Государственный атеизм / А.А.Красиков // Религиозный фактор в европейской и российской политике: Сб. ст. – М., 2000. – С. 80-88.
- 4.88. **Кравченко И.И.** Современные научные познания и кризис религии / И.И.Кравченко // Вопросы научного атеизма. – 1980. – Вып.26. – С.89-108.
- 4.89. **Кривоножкина Е.Г.** Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук / Е.Г.Кривоножкина; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2001. – 299 л.
- 4.90. **Крывелёв И.А.** О некоторых тенденциях в современном иудейско-христианском богословии / И.А.Крывелёв // Вопросы истории религии и атеизма. – 1959. – Вып.7. – С. 5-52.
- 4.91. **Крылов И.А.** Из истории пропаганды атеизма в СССР (1923-1925 гг.) / И.А.Крылов // Вопросы истории религии и атеизма. – 1960. – Вып.8. – С. 166-192.
- 4.92. **Кублицкая Е.А.** Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения / Е.А.Кублицкая // Социологические исследования. – 1990. – №5. – С. 95-103.
- 4.93. **Кузин П.М.** Почему я снял сан священника / П.М.Кузин. – Л.: Лениздат, 1960. – 30 с.
- 4.94. **Кузьмина Ю.** Чтобы атеизм вырос из знания / Ю.Кузьмина // Наука и религия. – 1989. – №9. – С. 19.
- 4.95. **Куроедов В.А.** Религия и закон / В.А.Куроедов. – М.: Знание, 1970. – 61 с.
- 4.96. **Куроедов В.А.** Религия и церковь в Советском государстве / В.А.Куроедов. – М.: Политиздат, 1982. – 263 с.
- 4.97. **Ладоренко В.Е.** К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви (1917-1945) / В.Е.Ладоренко // Вопросы истории религии и атеизма. – 1964. – Вып.12. – С. 106-123.
- 4.98. **Ланда Р.Г.** Исламский фундаментализм / Р.Г.Ланда // Вопросы истории. – 1993. – №1. – С. 31-43.
- 4.99. **Ланда Р.Г.** Ислам в истории России / Р.Г.Ланда. – М.: Восточная литература, 1995. – 312 с.
- 4.100. **Ленин В.И.** О религии: Сб. / В.И.Ленин. – М.: Политиздат, 1975. – 440 с.
- 4.101. **Лексина В.** Не обойти стороной / В.Лексина // Вечерняя Казань. – 1987. – 23 марта.
- 4.102. **Литвин А.Л.** Запрет на жизнь: сталинские репрессии в Татарстане / А.Л.Литвин. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 222 с.
- 4.103. **Луначарский А.В.** Введение в историю религии / А.В.Луначарский. – М., Пг.: Госиздат, 1923. – 196 с.

- 4.104. **Луначарский А.В.** Религия и просвещение / А.В.Луначарский. – М.: Советская Россия, 1985. – 542 с.
- 4.105. **Мавлютов Р.** Когда читают джезазу / Р.Мавлютов // Наука и религия. – 1977. – №4. – С. 70-72.
- 4.106. **Малашенко А.В.** Исламское возрождение в современной России / А.В.Малашенко. – М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 222 с.
- 4.107. **Малашенко А.В.** Мусульмане в начале века: надежды и угрозы / А.В.Малашенко // «Рабочие материалы» Московского Центра Карнеги. – 2002. – Вып.7. – 23 с.
- 4.108. **Маторин Н.** Религия у народов Волжско-Камского района раньше и теперь / Н.Маторин. – М.: Безбожник, 1929. – 176 с.
- 4.109. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан: Материалы науч.-практ. конф. 9 июня 1993 г. – Казань, 1993. – 256 с.
- 4.110. Мечети Татарстана / Сост. Г.Х.Надыров. – Казань: Изд-во РУИЦ, 2000. – 281 с.
- 4.111. **Миннуллин И.Р.** Деятельность Комиссии по вопросам культов при Президиуме ТатЦИКа (1931 – 1938 гг.) / И.Р.Миннуллин // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С. 281–285.
- 4.112. **Миннуллин И.Р.** Политика Советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук / И.Р.Миннуллин; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – 218 л.
- 4.113. Мировые религии: Учеб. / А.А.Алов, Н.Г.Владимиров, Г.Ф.Овсиенко. – М.: Изд-во ПРИОР, 1998. – 488 с.
- 4.114. **Митрохин Л.Н.** Религии «Нового века» / Л.Н.Митрохин. – М.: Советская Россия, 1985. – 157 с.
- 4.115. **Моткин А.** Время врачевать и время строить / А.Моткин // Комсомолец Татарии. – 1989. – 26 февраля. – С. 8.
- 4.116. **Мчедлов М.** О современных процессах в религии / М.Мчедлов // Блокнот агитатора. – 1985. – №10. – С. 19-22.
- 4.117. **Мусина Р.Н.** Ислам и мусульмане в современном Татарстане / Р.Н.Мусина // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1997. – С.211-218.
- 4.118. **Мусина Р.Н.** К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований) / Р.Н.Мусина // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Казань, 1992. – С. 54-64.
- 4.119. **Мустафин Н.А.** Деятельность Татарской партийной организации по атеистическому воспитанию трудящихся в период строи-

тельства коммунизма (1959-1965 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук / Н.А.Мустафин; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1968. – 358 л.

4.120. Мухаметгалиева С.Х. Ислам в современном социально-культурном развитии Татарстана: Дис. ... канд. ист. наук / С.Х.Мухаметгалиева; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1999. – 187 л.

4.121. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественно-политической жизни татар: возрождение и функционирование религиозных традиций в XX веке: Автореф. дис. ... докт. полит. наук / Р.М.Мухаметшин; Институт Африки РАН. – Москва, 2000. – 41 с.

4.122. Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана) / Р.М.Мухаметшин. – Казань: Изд-во Фэн, 2003. – 304 с.

4.123. Мухаметшин Р.М. Исламско-христианское пограничье / Р.М.Мухаметшин // Татарстан. – Казань. – 1993. – №12. – С.70-71.

4.124. Мухаметшин Р.М. Региональные особенности ислама / Р.М.Мухаметшин // Татарстан. – 1995. – №11-12. – С. 66-70.

4.125. Мухаметшин Р.М. Что способствует распространению исламских ценностей среди татар / Р.М.Мухаметшин // Россия и мусульманский мир. – 1998. – №1. – С. 33-40.

4.126. Мчедлов М.П. Политика и религия. – М.: Советская Россия, 1987. – 253 с.

4.127. На пути к свободе совести: Сб. ст. / Сост. А.Р.Бессмертный, С.Б.Филатов. – М., 1989. – 493 с.

4.128. Набиев Р.А. Деятельность КПСС по атеистическому воспитанию трудящихся в 1917-1926 гг. (На материалах Башкирии и Татарии): Дис. ... канд. ист. наук / Р.А.Набиев; Казан. гос. ун-т. – 1980. – 213 л.

4.129. Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / Р.А.Набиев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 244 с.

4.130. Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения: история, проблемы и уроки / Р.А.Набиев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 251 с.

4.131. Набиев Р.А. Политика Советского государства по отношению к религии и церкви в 1920-1930-е гг.: Дис. ... докт. ист. наук / Р.А.Набиев; Моск. гос. педагог. ун-т. – Казань, 1993. – 445 л.

4.132. Набиев Р.А. Теория и практика государственно-церковных отношений / Р.А.Набиев // Мусульмане России накануне XXI века: Материалы международ. науч. конф. – М., 1998. – С. 27-37.

4.133. Набиев Р.А. У истоков массового атеизма: (Из опыта атеистической работы партийных организаций Татарии в период строи-

тельства социализма, 1917 – 1937 гг.) / Р.А.Набиев. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 185 с.

4.134. **Одинцов М.И.** Государственно-церковные отношения: от моделей прошлого к будущему / М.И.Одинцов // Государственно-церковные отношения в России: Сб. ст. – М., 1993. – С. 12-22.

4.135. **Одинцов М.И.** Государство и церковь в России: XX век / М.И.Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 171 с.

4.136. **Одинцов М.И.** Государство и церковь 1917–1938 гг. / М.И.Одинцов. – М.: Знание, 1991. – 63 с.

4.137. **Одинцов М.И.** Докладная записка председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г.Карпова И.В.Сталину 1943 – 1946 гг. / М.И.Одинцов // Исторический архив. – 1994. – №3. – С.139-148.

4.138. **Одинцов М.И.** О встрече И.В. Сталина с руководителями Русской православной церкви, 4 сентября 1943 / М.И.Одинцов // Атеистические чтения. – 1990. – №19. – С. 52-55.

4.139. **Одинцов М.И.** Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943 – 1945 гг.) / М.И.Одинцов // Отечественные архивы. – 1995. – №2. – С. 37-67.

4.140. **Одинцов М.И.** Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М.И.Одинцов. – М.: ЦИНО, 2002. – 312 с.

4.141. **Олещук Ф.Н.** Борьба церкви против народа / Ф.Н.Олещук. – М.: Госкомиздат, 1939. – 47 с.

4.142. **Олещук Ф.Н.** 10 лет Союза воинствующих безбожников / Ф.Н.Олещук. – М.: Прибой, 1936. – 80 с.

4.143. **Олина И.** Вышитая Библия / И.Олина // Комсомолец Татарии. – 1988. – 2 июля.

4.144. **Остапенко В.Г.** Почему я порвал с религией. Рассказ бывшего воспитанника Ставропольской семинарии / В.Г.Остапенко. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1959. – 20 с.

4.145. **Павлюк В.В.** К вопросу о религиозных «потребностях» / В.В.Павлюк // Вопросы научного атеизма. – 1971. – Вып.11. – С. 151-161.

4.146. **Пивоваров В.Г.** На этапах социологического исследования. (Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии). – Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1974. – 209 с.

4.147. **Пищук Ю.Б.** К вопросу об исторических корнях религии в свете ленинских идей / Ю.Б.Пищук // Вопросы научного атеизма. – 1969. – Вып.8. – С. 224-243.

- 4.148. Платонов К.К. Психологические корни религии / К.К.Платонов // Вопросы научного атеизма. – 1971. – Вып.11. – С. 29-47.
- 4.149. Попов Л. Дело коллектива / Л.Попов // Наука и религия. – 1977. – №4. – С. 41-42.
- 4.150. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В.Пospelовский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
- 4.151. Подмазов А.А. Современная религиозность: особенности, динамика, кризисные явления (на материалах по Латвийской ССР) / А.А.Подмазов. – Рига: Зинантне, 1985. – 162 с.
- 4.152. Полонская Л.Р. Современный мусульманский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? / Л.Р.Полонская // Азия и Африка сегодня. – 1994. – №11. – С. 22-29.
- 4.153. Пузин А.А. Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах: Доклад Председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А.А.Пузина на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета, 18 апреля 1961 г. – 55 с.
- 4.154. Разбежкина М. Во что нам верить? / М.Разбежкина // Советская Татария. – 1989. – 1 марта.
- 4.155. Разбежкина М. Всех скорбящих радости... / М.Разбежкина // Вечерняя Казань. – 1989. – 12 августа.
- 4.156. Религиоведение: Учеб. / Под. ред. И.Н.Яблокова. – М.: Гардарики, 2002. – 535 с.
- 4.157. Религиозные объединения Республики Татарстан: Справ. / Под ред. Р.А.Набиева. – Казань, 1997. – Вып.1. – 116 с.
- 4.158. Религия – враг науки. Антирелигиозный сб. / Под ред. В.С.Куйдина. – Чита: Кн. изд-во, 1954. – 116 с.
- 4.159. Религия, общество и государство в XX веке: Материалы науч. конф. 22-25 октября 1991 г. / Под ред. Н.Щапова. – М.: Институт истории АН СССР, 1991. – 143 с.
- 4.160. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: Справ. / Е.Г.Балагушкин, Л.А.Баширов, Ю.П.Зуев и др. – М.: Изд-во РАГС, 1996. – 287 с.
- 4.161. Рой Я. Ислам в Советском Союзе после второй мировой войны / Я.Рой // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире: Сб. ст. – М., 1998. – С. 129-141.
- 4.162. Рябова А. Как мы строим научно-атеистическую пропаганду / А.Рябов // Блокнот агитатора. – 1962. – №15/16. – С.12-16.
- 4.163. Саидбаев Т.С. Изменение политической ориентации и социальной позиции ислама в СССР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т.С.Саидбаев; Ин-т науч. атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. – М., 1969. – 21 с.

- 4.164. Саидбаев Т.С. Ислам и общество: Опыт историко-социологического исследования / Т.С.Саидбаев. – М.: Наука, 1978. – 253 с.
- 4.165. Светлов П. Ленинские декреты о свободе совести / П.Светлов // Коммунист Татарии. – 1968. – №2. – С. 38-45.
- 4.166. Свобода совести в СССР: социальные гарантии / Под ред. А.Н.Калаганова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 79 с.
- 4.167. Сидорова Т. Без права на самоуспокоенность / Т.Сидорова // Советская Татария. – 1987. – 3 июня.
- 4.168. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России: Сб. ст. / Под ред. Л.М.Дробижевой. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – 388 с.
- 4.169. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России: Сб. ст. / К.Каарийнен, М.Штерин, Д.Е.Фурман и др. – СПб.; М.: Летний сад, 2000. – 248 с.
- 4.170. Тагиров Р.Б. Критерии религиозности и типология современного верующего (на примере ислама): Дис. ... канд. филос. наук / Р.Б.Тагиров; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1972. – 128 л.
- 4.171. Таджутдин Т. Искать дорогу к истине / Т.Таджутдин // Вечерняя Казань. – 1989. – 30 января.
- 4.172. Татарский энциклопедический словарь/ Под ред. М.Х.Хасанова. – Казань: Ин-т Татарской энциклопедии, 1999. – 703 с.
- 4.173. Туишев Ю.А. Атеистическое воспитание учащихся в школе / Ю.А.Туишев. – Казань: Таткнигоиздат, 1959. – 24 с.
- 4.174. Тульцева Л.А. Эволюция старого русского сектантства / Л.А.Тульцева // Вопросы научного атеизма. – 1969. – Вып.7. – С. 195-220.
- 4.175. Устюжанин Е. Христианские праздники и обряды / Е.Устюжанин. – Казань: Таткнигоиздат, 1959. – 28 с.
- 4.176. Уханов А.С. Социалистическое наступление и религия / А.С.Уханов. – Казань: Татгиздат, 1932. – 76 с.
- 4.177. Фасихова М.Н. Политика Советского государства по отношению к религиозным объединениям в Татарстане (60-80-е гг. XX века). Историко-политический анализ: Дис. ... канд. ист. наук / М.Н.Фасихова; Казан.гос.ун-т.–Казань, 2002.–177л.
- 4.178. Филимонов Е.Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы / Е.Г.Филимонов // Вопросы научного атеизма. – 1974. – Вып.16. – С. 71-88.
- 4.179. Флетчер У. Советские верующие / У.Флетчер // Мусульмане в СССР. – Казань: Иман, 1999. – С. 54-65.

- 4.180. **Цыпин В.** История Русской Православной церкви: 1917-1990 / В.Цыпин. – М.: Хроника, 1994. – 254 с.
- 4.181. **Щедриков Е.** За торжество разума / Е.Щедриков // Советская Татария. – 1973. – 13 июля.
- 4.182. **Шайдуллина Л.И.** Арабская женщина и современность / Л.И.Шайдуллина. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
- 4.183. **Шалин М.** Об отношении Коммунистической партии и Советского государства к религии и церкви / М.Шалин. – Казань: Таткнигоиздат, 1959. – 28 с.
- 4.184. **Шишкин А.А.** Под натиском жизни (Как под натиском жизни «модернизируется» религия) / А.А.Шишкин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 76 с.
- 4.185. **Шишкин А.А.** Происхождение и сущность христианства / А.А.Шишкин, А.С.Шофман. – Казань: Таткнигоиздат, 1959. – 24 с.
- 4.186. **Харчев К.** Гарантии свободы / К.Харчев // Наука и религия. – 1987. – №11. – С. 21-23.
- 4.187. **Элиашевич И.Я.** Строительство социализма и отмирание религии в СССР / И.Я.Элиашевич. – М.-Л.: Прибой, 1931. – 56 с.
- 4.188. **Юдин. И.** Партийная организация и идейно-политическое воспитание студентов / И.Юдин // Коммунист Татарии. – 1958. – №2. – С. 49-54.
- 4.189. **Юнусова А.Б.** Ислам в Башкирии 1917 – 1994 / А.Б.Юнусова. – Уфа: ВЭГУ, 1994. – 150 с.
- 4.190. **Юнусова А.Б.** Ислам в Башкортостане / А.Б.Юнусова. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.
- 4.191. **Юнусова А.Б.** Ислам в контексте российской истории / А.Б.Юнусова // Азия и Африка сегодня. – 1998. – №3. – С. 57-64; №4 – С. 36-42.
- 4.192. **Юхименко А.** Под влиянием нашей действительности / А.Юхименко // Наука и религия. – 1977. – №4. – С.62-64.
- 4.193. **Яблоков И.Н.** Значение социологических исследований для теории и практики научного атеизма / И.Н.Яблоков. – М.: Знание, 1967. – 20 с.
- 4.194. **Яблоков И.Н.** Методологические проблемы социологии религии / И.Н.Яблоков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 133 с.
- 4.195. **Ярославский Е.М.** Библия для верующих и неверующих / Е.М.Ярославский. – М.: Политиздат, 1977. – 375 с.
- 4.196. **Ярославский Е.М.** Коммунизм и религия / Е.М.Ярославский. – М., Л.: Молодая гвардия 1931. – 48 с.

5. Литература на иностранном языке

5.1. Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union: domestic and international/ edited by Mohiaddin Mesbani. – University Press of Florida, 1994. – 353 p.

5.2. Islam in post-Soviet Russia: public and private faces. Edited by Hilary Pilkington and Galina Yemelianova. – London: Routledge Curzon, 2002. – 307 p.

Приложения

Приложение №1

Анкета на учредителя религиозного общества³⁶⁶

1. Ф.И.О.
2. Год рождения.
3. Социальный статус.
4. Судимость (наличие или отсутствие).
5. Адрес местожительства.
6. Место работы.

Приложение №2

Анкета на члена совета религиозного общества³⁶⁷

1. Адрес религиозного объединения.
2. Ф.И.О.
3. Год рождения.
4. Национальность.
5. Социальное происхождение (с указанием бывшего сословия родителей).
6. Образование (где, когда, в каком учебном заведении учился; если окончил ВУЗ, то указать по какой специальности).
7. Основная профессия или специальность.
8. Какую работу выполняет в религиозном объединении в настоящее время.
9. Общий стаж на работе в религиозных объединениях, в качестве кого и когда работал.
10. Продолжительность военной службы и в каком чине в армиях: царской, белой, Красной Армии.
11. Лишался ли избирательных прав; был ли судим, когда и за что, какое наказание отбывал, когда и сколько времени.
12. Какие правительственные награды имели и имеете.
13. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая и военную службу).
14. Домашний адрес.

³⁶⁶ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д..24. Л.85.

³⁶⁷ Там же. Д.13. Л.45.

Анкета на служителя культа³⁶⁸

1. Ф.И.О.
2. Год рождения.
3. Сан.
4. Место службы и род занятий с 1914 г. по настоящее время (сведения должны были быть подробными, с указанием точной даты начала и окончания деятельности служителя культа).
5. Судимость, наличие или отсутствие.
6. Район деятельности служителя культа.
7. Подробный адрес проживания.

**Список уполномоченных СДР при СМ СССР
по Татарской АССР с 1944 по 1991 г.**

Горбачев Фёдор Фёдорович (1897-?). По образованию экономист. С 1932 г. работал зав. кафедрой политической экономии в Казанском институте коммунального строительства, с 1940 г. – директор юридического института. С 1944 по 1949 г. уполномоченный СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР. В 1949-1950 гг. – зам. управляющего конторой «Заготзерно» г. Казани; 1950-1951 гг. – директор Дома учёных; 1951 – преподаватель политэкономии в КГМИ; 1952 г. – директор Издательства республиканских газет «Советская Татария» и «Совет Татарстаны»³⁶⁹.

Багаев Хабиб Самигуллович (1896-?). По образованию экономист. С 1926 по 1936 г. работал преподавателем, зав. учебной частью и директором Татрабфака г. Казани, в 1938 г. – председатель Татарского СВБ. С 1944 по 1949 г. – уполномоченный СДРК при СМ СССР по Татарской АССР³⁷⁰.

Сафин Гага Сафич (1895-?). С 1921 по 1925 г. – председатель сельского крестьянского комитета д. Беркет-Ключ Первомайского района (ныне Черемшанский район) ТАССР; с 1925 по 1928 г. – зав. волостным земельным отделом д. Нижняя Каменка Первомайского района; 1930-1933 гг. – зав. земельным отделом исполкома Чистопольского райсовета депутатов трудящихся ТАССР; 1934-1938 гг. – председа-

³⁶⁸ НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2. Д.24. Л.78.

³⁶⁹ ЦГАИПД РТ. Ф.15. Оп.61л. Д.253. Л.320.

³⁷⁰ Там же. Д.199. Л.268-284.

тель контрольно-ревизионной комиссии Потребсоюза ТАССР; 1938-1944 гг. – 2-й секретарь Молотовского района (ныне Вахитовский район) г. Казани; 1944-1949 гг. – секретарь партколлегии при Татарском Обкоме КПСС. С 1949 г. – уполномоченный СДРК при СМ СССР по Татарской АССР, а также и.о. уполномоченного СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР. С 1959 г. – на пенсии³⁷¹.

Диульский Александр Семёнович (1906-1963). В 1938 г. – курсант центральной школы НКВД СССР; с 1938 по 1946 г. – на оперативной работе; 1946-1950 гг. – начальник 5-го отдела УМГБ Ленинградской области; 1950-1952 гг. – начальник 2-го отдела МГБ ТАССР; 1952-1953 гг. – начальник отдела в аппарате уполномоченного МГБ СССР в ГДР; 1953-1955 гг. – помощник старшего советника МГБ СССР при МВД Народной Республики Болгарии; 1955-1959 гг. – зам. председателя КГБ при Совете Министров ТАССР. С 1959 по 1963 г. – уполномоченный СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР³⁷².

Мангуткин Файзулла Салахович (1908-?). С 1926 по 1928 г. – курсант Ульяновской губернской совпартшколы; 1928-1929 гг. – зав. избы читальни в с. Новые Тимерханы Дашкинского района Ульяновской области; 1929-1930 гг. – курсант крайсовпартшколы (г. Кузнецк Пензенской области); 1930-1931 гг. – преподаватель ФЗУ (Ульяновская область); 1932-1933 гг. – председатель колхоза «Кызыл Юлдуз» Инзинского района Ульяновской области; 1933-1935 гг. – студент Казанского института Советского строительства; 1935-1938 гг. – слушатель Казанского института марксизма-ленинизма; 1938 г. – преподаватель курсов ОК ВКП(б) в Казани; преподаватель Казанского стоматологического института, зав. парткабинетом Советского РК КПСС г. Казани; 1939-1941 гг. – лектор отдела пропаганды и агитации Татарского Обкома КПСС. С 1941 по 1956 г. – в рядах Советской Армии в качестве слушателя Военно-политических курсов, лектора Дома офицеров, старшего инструктора отдела пропаганды и агитации Воронежского Военного округа. С 1956 по 1958 г. – зам. зав. отдела науки, школ и культуры Татарского Обкома КПСС; 1958-1960 гг. – инструктор отдела культуры Татарского Обкома КПСС. С 1960 по 1965 гг. – уполномоченный СДРК при СМ СССР по Татарской АССР³⁷³.

Михалёв Игорь Анатольевич (1924-1984). С 1942 по 1950 г. – служба в Советской Армии; 1950-1957 гг. – уполномоченный по организации лекций Тюменского отделения общества «Знание» (г. Тюмень); 1957-1963 гг. – референт правления Татарского отделения об-

³⁷¹ ЦГАИПД РТ. Ф.15. Оп.63л. Д.227. Л.79.

³⁷² ЦГАИПД РТ. Ф.15. Оп.61л. Д.194. Л.215.

³⁷³ Там же. Оп.63л. Д.166. Л.70(об).

щества «Знание» (г. Казань); 1963 г. – ассистент кафедры философии КАИ. С 1963 по 1965 г. – уполномоченный СДРПЦ при СМ СССР по Татарской АССР, с 1965 по 1984 г. – уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР³⁷⁴.

Авхадиев Ильдар Шафикович (1937-1993). С 1956 по 1960 г. – студент филологического факультета КГУ; 1960-1961 гг. – языковая практика при Каирском университете; 1961-1962 гг. – окончание учёбы в КГУ; 1966-1969 – замдиректора Кунгерской средней школы Арского района Татарской АССР; 1969-1971 гг. – служебная командировка в Народную Демократическую Республику Йемен; 1971-1975 гг. – учитель Кунгерской средней школы Арского района Татарской АССР; 1975-1980 гг. – инспектор Министерства просвещения Татарской АССР; 1980-1984 гг. – зам. уполномоченного СДР при СМ СССР по Татарской АССР. С 1984 по 1986 г. – уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР³⁷⁵.

Гарипов Салих Гарипович (1931). С 1949 по 1954 г. – студент филологического факультета КГУ; 1954-1962 гг. – инструктор Татарского Обкома ВЛКСМ; 1962-1963 гг. – зав. отделом в редакции газеты «Татарстан яшьләре»; 1963-1965 гг. – слушатель ВПШ при ЦК КПСС (г. Москва); 1965-1973 гг. – редактор газеты «Татарстан яшьләре»; 1973-1986 – лектор Татарского Обкома КПСС. С 1986 по 1988 г. – уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР³⁷⁶.

Хабибуллин Ильгизар Шайхуллович (1937). С 1955 по 1960 г. – студент филологического факультета КГУ; 1960-1963 гг. – инструктор Татарского Обкома ВЛКСМ; 1963-1965 гг. – зав. отделом в редакции газеты «Татарстан яшьләре»; 1965-1967 гг. – инструктор, зам. зав. отдела пропаганды и агитации Казанского горкома КПСС; 1972-? гг. – инструктор отдела науки и учебных заведений Татарского Обкома КПСС; 1988-1991 – уполномоченный СДР при СМ СССР по Татарской АССР; 1991-1997 гг. – председатель Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Татарстан³⁷⁷.

³⁷⁴ ЦГАИПД РТ. Ф.15. Оп.65л. Д.759. Л.8.

³⁷⁵ ЦГАИПД РТ. Ф.15. Оп.66л. Д.13. Л.12 (об).

³⁷⁶ Там же. Оп.67л. Д.230. Л.40.

³⁷⁷ Там же. Оп.7. Д.127л. Л.70.

**Религиозные объединения Татарской АССР,
зарегистрированные в 1944-1988 гг.**³⁷⁸

Местонахождение общины	Дата регистрации	Служитель культа: Ф.И.О., год рождения*	Ориентиро- вочный со- став верую- щих**	Дата снятия с реги- стра- ции
1	2	3	4	5
По исламу				
1. г.Казань, ул. Насыри, 17.	Зарегистри- рована как ранее дейст- вующая 10.05.1947 г.	Салихов К.Б., 1891 г.р.	А) Намазы джума посе- щают до 500- 600 чел. Б) праздники ураза и кур- бан – до 3500-4000 чел.	Дей- ствует
2. г. Чистополь, ул. Вахитова,35.	Зарегистри- рована 10.6.1946 г., как ранее дей- ствующая	Шарафут- динов Ф. 1891 г.р.	А) 100-120 чел. Б) 700-800 чел.	-
3. г. Бугульма	1967 г.	Сведений нет	Сведений нет	-
4. г. Альметьевск	1976 г.	-	-	-
5. г. Зеленодольск	1979 г.	-	-	-
7. г. Набережные Челны	1980 г.	-	-	-
8. г. Лениногорск	1981 г.	-	-	-
9. г. Казань (Москов- ский район)	1983 г.	-	-	-
10. г. Нурлат	1983 г.	-	-	-
11. г. Буинск	30.8.1988 г.	-	-	-
12. г. Нижнекамск	30.8.1988 г.	-	-	-
13. с. Старые Князлы, Аксубаевский р-н	10.6.1947 г.	Мударисов Ш. 1890 г.р.	А) 30-35 чел. Б) 110 чел.	-
14. с. Ново-Узеево, Аксубаевский р-н	10.10.1947 г.	Ахметвалеев Ш., 1888 г.р.	А) 25-30 чел. Б) 110 чел.	-

³⁷⁸ Составлено по данным: НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.2.; там же. Д.2; там же. Д.4; там же. Д.7; там же. Д.11; там же. Д.14; там же. Д.88; там же. Оп.2. Д.28; ЦГАИПД РТ. Ф.15. Оп.8. Д.1275г; там же. Оп.14. Д.264; там же. Оп.14. Д.403; там же. Оп.15. Д.935.

* Сведения, указанные в графе №3, относятся ко второй половине 1940-х гг.

** Сведения, указанные в графе №4, относятся ко второй половине 1940-х гг.

1	2	3	4	5
15. д. Старое Утямишево, Первомайский р-н	24.1.1947 г.	Гильманов, 1877 г.р.	А) 30-35 чел. Б) 110 чел.	-
16. с. Старые Ургагары, Алькеевский р-н	Июль 1947 г.	Обязанности муллы исполняет без регистрации Гилазутдинов Б., 1888 г.р.	А) 25-35 чел. Б) 80-100 чел.	-
17. с. Степное Озеро, Октябрьский р-н	17.7.1947 г.	Гафиятуллин З., 1901 г.р.	А) 25-30 чел. Б) 100-110 чел.	-
18. с. Кривое Озеро, Октябрьский р-н	25.7.1946 г.	Зарегистрированного муллы нет	А) 30-35 чел. Б) 110-120 чел.	-
19. с. Курманаево, Октябрьский р-н	Зарегистрирована как ранее действующая 17.6.1945 г.	Зарегистрированного муллы нет	А) 25-30 чел. Б) 110 чел.	-
20. с. Кичкальня, Тельманский р-н*	20.10.1947 г.	Гадеев Х., 1883 г.р.	А) 30-35 чел. Б) 90 чел.	1977 г.
21. с. Туба, Шереметьевский р-н	Зарегистрирована как ранее действующая 10.6.1945 г.	Сятдииков Г,	А) 20-25 чел. Б) 70-80 чел.	1959 г.
22. с. Татарский Толкиш, Чистопольский р-н	10.6.1947 г.	Зарегистрированного муллы не имеется	А) 15-20 чел. Б) 70-80 чел.	1959 г.
23. д. Старое Шугурово, Новописмянский р-н	Октябрь 1947 г.	Зарегистрированного муллы нет	А) 20-30 чел. Б) 80-100 чел.	Действует
24. д. Фомкино, Октябрьский р-н	Зарегистрирована как ранее действующая 25.12. 1945 г.	Сведений нет	Сведений нет	1960 г.
25. д. Кармалы, Алькеевский р-н	20.10.1947 г.	-	-	Первая пол. 1950-х годов
26. д. Муслюмкино, Чистопольский р-н	28.12.1947 г.	-	-	Первая пол. 1950-х годов

* Здание мечети в с. Кичкальня сгорело в 1957 году. После этого верующие не инициировали вопрос о приобретении культового здания (НА РТ. Ф.Р-873. Оп.2.Д.40. Л.17-38; там же. Оп.1. Д.67. Л.36-37).

1	2	3	4	5
27. с. Керлигач	1978 г.	-	-	Действует
По Русской православной церкви				
28. г. Казань	1918 г.	-	-	-
29. г. Казань	21.11.1946 г.	-	-	-
30. г. Бугульма	1980 г.	-	-	-
31. г. Мамадыш	5.11.1945 г.	-	-	-
32. г. Мензелинск	1918 г.	-	-	-
33. г. Чистополь	21.11.1944 г.	-	-	-
34. г. Елабуга	1988 г.	-	-	-
35. г. Куйбышев (ныне г. Болгар)	1988 г.	-	-	-
36. с. Аркатово, Пестречинский р-н	28.04.1945 г.	-	-	-
37. с. Биляр-Озеро, Октябрьский р-н	28.04.1945 г.	-	-	-
38. с. Большое Фролово, Буинский р-н	28.04.1945 г.	-	-	-
39. Царицыно, Столбищенский р-н (ныне в черте г. Казань)	28.04.1945 г.	-	-	-
40. с. Малые Кабаны, Столбищенский р-н	28.04.1945 г.	-	-	-
41. с. Тюрясево, Тельманский р-н	13.09.1945 г.	-	-	1962 г.
42. с. Гари, Юдинский р-н (ныне в черте г. Зеленодольск)	13.09.1945 г.	-	-	Действует
43. с. Костенево, Мортовский р-н	5.11.1945 г.	-	-	-
44. с. Ново-Мордово, Куйбышевский р-н	5.11.1945 г.	-	-	-
45. с. Тавели, Такамышский р-н	27.05.1946 г.	-	-	1962 г.
46. с. Боровецкое, Тукаевский район	1981 г.	-	-	Действует
47. с. Афанасьево	1988 г.	-	-	-

* В связи с сооружением в 1957 г. Куйбышевского водохранилища данное религиозное объединение было перерегистрировано в д. Ржавец Спасского р-на Татарской АССР.

1	2	3	4	5
По Верховному совету Евангельских христиан-баптистов				
48. г. Казань	14.01.1946 г.	-	-	-
49. г. Чистополь	1.11.1946 г.	-	-	-
По старообрядцам (белокриницкого и беспоповского согласия)				
50. г. Казань	10.05.1947 г.	-	-	-
51. г. Чистополь	8.10.1947 г.	-	-	Дей- ствует
По иудаизму				
52. г. Казань	10.05.1947 г.	-	-	1953 г.
По адвентистам седьмого дня				
53. г. Казань	1978 г.	-	-	Дей- ствует

**Сведения о подоходном налоге
зарегистрированных и фактически действующих служителей
культа по Октябрьскому району Татарской АССР в 1949 г.³⁸⁰**

Фамилии служителей культа	Населённый пункт, где функционирует община	Сумма подоходного налога в 1949 г.
Мифтахутдинов А.	с. Фомкино	2441
Гафиятуллин З.	с. Степное Озеро	1722
Гадельшин Г.	с. Биколово	2470
Сафиуллин К.	с. Ерыкла	3626
Галеев С.	с. Кривое Озеро	4136,4

³⁸⁰ Составлено по данным: НА РТ. Ф.Р-873. Оп.1. Д.3; там же. Д.4; там же. Д.5.

**Сведения о доходах и расходах зарегистрированных
религиозных объединений по Татарской АССР
за 1967, 1972 и 1973 гг. (в тыс. рублях)³⁸¹**

Конфессии, источники доходов и расходов	Годы		
	1967	1972	1973
<i>ПРАВОСЛАВИЕ</i>			
Общий доход	1161,2	1613,1	1704,5
Продажа свечей	598,7	857,5	915,8
Добровольные пожертвования	135,6	141,5	143,0
Исполнение обрядов	184,4	340,9	363,5
Общий расход	1160,3	1548,8	1574,5
В т.ч. в Фонд мира	390,0	476,0	493,5
В общ-во охраны памятников	—	23,0	25,5
<i>ИСЛАМ</i>			
Общий доход	120,5	203,0	231,2
Исполнения обрядов	48,7	94,6	128,7
Добровольные пожертвования	72,7	108,3	102,5
Общий расход	78,0	168,3	221,9
В т.ч. в Фонд мира	11,4	46,6	51,9
В общ-во охраны памятников	—	3,0	6,5
В отдел внешних мусульманских связей	6,2	17,0	28,9
<i>БАПТИЗМ</i>			
Общий доход	4,4	4,7	4,1
Общий расход	4,1	3,8	3,9
В т.ч. в Фонд мира	—	0,1	0,1
<i>СТАРООБРЯДЦЫ</i>			
Общий доход	9,9	12,2	11,4
Общий расход	8,0	9,4	11,4
В т.ч. в Фонд мира	—	—	0,1

³⁸¹ Составлено по данным: ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.14. Д.403; там же. Оп.15. Д.263.

**Сравнительные характеристики показателей
религиозного сознания, поведения и окружения***
(цифры даны в процентном выражении)³⁸²

Критерии религиозной активности	Казань	Арский район ТАССР	Азербайджан	Караево-Черкессия	Узбекистан	Дагестан	Таджикистан
Верят в аллаха	29,7	34,3	17,3	24,3	36,6	45,9	74,9
Верят в ад и рай	21,5	24,6	6,2	16,2	19,5	35,5	66,5
Верят в божественное предопределение	22,5	30,3	12,1	12,2	26,3	39,2	72,3
Соблюдают уразу	7,1	4,7	3,7	9,9	6,6	32,2	61,0
Совершают намаз	8,4	6,7	6,2	9,4	9,0	32,2	51,7
Участвуют в джаназе	74,0	67,8	52,2	28,4	68,4	66,1	51,7
Участвуют в никахе	52,2	58,6	32,1	20,1	67,9	66,0	68,9
Участвуют в уразе-байраме	26,6	22,6	7,5	Свед-ний нет	Свед-ний нет	45,8	68,5
Участвуют в курбан-байраме	28,6	22,9	19,3	Свед-ний нет	Свед-ний нет	34,1	68,7
Оценивают роль ислама положительно	15,0	12,9	2,0	6,8	6,9	14,0	20,7
Считают обязательным приглашение муллы на бракосочетание (никах)	30,9	33,2	11,8	8,8	30,5	37,7	63,3
Считают необходимым приглашение муллы на похороны (дженаза)	50,4	45,8	13,7	24,0	40,6	52,3	67,4
Имеют верующих в семье	44,3	50,6	6,7	31,7	36,5	58,5	64,4
Члены семьи соблюдают уразу	18,9	13,7	5,4	19,0	8,1	46,0	68,2
Отрицательно относятся к атеистическим мероприятиям	21,5	18,0	12,4	18,7	13,2	21,9	23,0

* Данные сведения получены в результате социологического опроса, проведённого Институтом научного атеизма АОН при ЦК КПСС в 1986-1987 гг.

³⁸² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.15. Д.934. Л.14.

Современная административно-территориальная принадлежность упоминаемых в монографии районов Татарской АССР

Административно-территориальная принадлежность района в 1940-1980-е гг.	Современная административно-территориальная принадлежность территории района
Акташский район	Альметьевский, Заинский и Сармановский районы
Дубьязский район	Высокогорский район
Калининский район	Актанышский и Муслимовский районы
Мортовский район	Елабужский район
Октябрьский район	Нурлатский район
Первомайский район	Альметьевский район
Таканьшский район	Мамадышский район
Тельманский район	Аксубаевский и Нурлатский районы
Шереметьевский район	Тукаевский район
Юдинский район	Зеленодольский район
Юхмачинский район	Алькеевский район

Список сокращений

БКД – Боевая комсомольская дружина.

ВСЕХБ – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов.

ДНД – Добровольная народная дружина.

ДУМЕС – Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири.

ДУМСАК – Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана.

РАН – Российская академия наук.

СВБ – Союз воинствующих безбожников.

СДР при СМ СССР – Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

СДРК при СМ СССР – Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

СДРПЦ при СМ СССР – Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР.

СДРК при СНК СССР – Совет по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров СССР.

СДРПЦ при СНК СССР – Совет по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров.

СЦЕХБ – Совет церквей евангельских христиан-баптистов.

ЦДУМ – Центральное духовное управление мусульман.

Содержание

Введение	3
Глава I. Основные составляющие государственно-конфессиональных отношений	21
§1.1. Законодательные основы политики государства в области религии.....	21
§1.2. Инструменты реализации политики государства в отношении религии.....	42
§1.3. Положение религиозных объединений Татарстана к началу 1940-х гг.	59
Глава II. Взаимоотношения властных структур и религиозных объединений в Татарстане в 1940-1980-е гг.	66
§2.1. Религиозные объединения в 1941-1947 гг.	66
§2.2. Ужесточение антирелигиозной политики в конце 1940 – середине 1960-х гг.	84
§2.3. Государственно-конфессиональные отношения в республике во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг.	113
§2.4. Органы власти и религиозные объединения во второй половине 1980-х гг.	130
Заключение.....	143
Использованные источники и литература.....	147
Приложения.....	168
Список сокращений	180

Ибрагимов
Руслан Рустамович

**ВЛАСТЬ И РЕЛИГИЯ
В ТАТАРСТАНЕ
В 1940-1980-е гг.**

Главный редактор Н.И.Колосова
Компьютерная верстка Ю.А.Фомина

Подписано в печать 16.12.05.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л. 10,57.
Уч.-изд.л. 11,37 Тираж 250 экз. Заказ 12/45.

**Издательство
«Казанский государственный университет
им. В.И.Ульянова-Ленина»**

Отпечатано в типографии Издательского центра
Казанского государственного университета
им. В.И.Ульянова-Ленина

420008, г. Казань, ул. Университетская, 17
тел. 292-65-60, 231-53-59

2005328438